



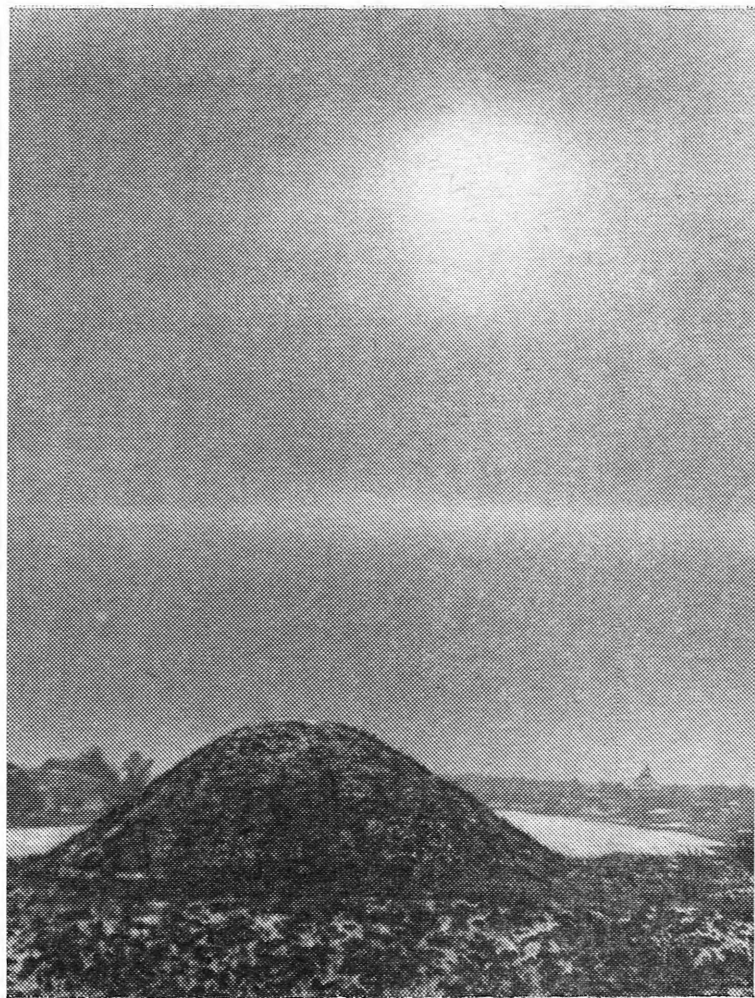
Г. С. ЛЕБЕДЕВ

Археологические
памятники
Ленинградской
области



ЛЕНИЗДАТ

1977



Г. С. ЛЕБЕДЕВ

—
Археологические
памятники
Ленинградской
области

Автор, кандидат исторических наук, доцент Ленинградского университета, в течение ряда лет руководил работами Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ в Ленинградской области. Материалы новых раскопок позволили впервые создать очерк древнего прошлого северо-западной Руси, основанный на данных археологии.

Путеводитель ведет читателя по местам расположения городищ, курганов, сопок и жальников, оставленных первыми „насельниками” нашей земли. Читатель узнает, где и как жили и трудились наши предки, как общались и дружили со своими соседями — ижорой, чужью, водью, мерей, весью, корелой. Читатель поймет, зачем приходили на эту землю варяги-скандинавы и кому нужна была в недавнем прошлом „норманнская теория” происхождения Русского государства.

ПАМЯТИ
выдающегося
советского археолога
Владислава Иосифовича
РАВДОНИКАСА



Множество археологических памятников — древних курганов и городищ — сохранилось на земле Ленинградской области. Наш город сравнительно молод: ему нет еще и трех столетий. Рядом с древним Киевом, тысячеклетними Новгородом и Псковом, восьмисотлетней Москвой он, кажется, лишь недавно вошел в историю России.

Мы привыкли думать, что Петербург для России был впервые прорубленным „окном в Европу“, что он возник на пустынной, почти необитаемой земле, на дальней северо-западной окраине нашей страны, там,

Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод...

Однако мало кто знает, что это „окно“ было прорублено нашими предками за много веков до основания Петербурга. Заложенная 16 мая 1703 года на Заячьем острове в устье Невы крепость Санкт-Питер-Бурх была завершающим звеном в могучей цепи первых каменных крепостей Руси — Ладоги, Орешка, Корелы, Копорья, Ямгорода, Ивангорода. Но еще за несколько столетий до появ-

ления несокрушимых каменных твердынь на территории нынешней Ленинградской области возникли едва ли не безымянные „градки малые“, земляные городища — первые укрепления славянских общин, создававших основу будущей Новгородской земли. Здесь, на крайнем севере тогдашнего славянского мира, происходили события, отмеченные на первых страницах древнейших русских летописей. В IX столетии на берегах Волхова и Ильменя, как и на Днепре, закладывался фундамент Древнерусского государства.

Поэтому изучение древнего прошлого Ленинградской области помогает лучше узнать и понять всю историю Киевской Руси IX—XII вв., Руси былин, преданий и летописей, вещего Олега и „Слова о полку Игореве“.

Особое место в изучении далекого прошлого принадлежит памятникам археологии. Сопоставляя результаты раскопок древних поселений и кладбищ с данными языкознания, этнографии, письменных источников, археолог может в итоге более или менее полно представить ход исторического процесса. По характерным особенностям материальной культуры выявляют и различают древние племена, определяют их территорию, эпоху и этапы развития, уровень хозяйства, культурные и торговые связи. Нередко археологам удается установить факты, совершенно не отраженные в исторических источниках. Так, по данным археологии прослежены древнейшие пути и судьбы славянских племен.

Летопись очень неопределенно повествует о времени расселения славян на различных территориях Восточной Европы. Выявление и датировка славянских поселений и могильников в тех или иных районах позволяют определить это время с точностью до столетия.

Иногда археологи могут поправить и дополнить сведения письменных источников. В русских летописях среди первых князей Древней Руси упоминаются варяги — вы-

ходцы из Скандинавии. Некоторые буржуазные ученые на этом основании построили реакционную „норманнскую теорию“, согласно которой Древнерусское государство было создано в результате завоевания славянских и финских племен норманнскими конунгами — вождями воинственных скандинавских дружин викингов. Археологическое изучение норманнских погребений в древнерусских курганах и могильниках убедительно опровергло эту теорию, раскрыв действительный, многосторонний и сложный характер русско-скандинавских связей в IX—XI вв.

Земля нашей Родины сохранила десятки и сотни тысяч „вещественных свидетельств“ прошлого. Самая массовая категория источников — археологические памятники — свидетели труда и жизни простых пахарей и лесорубов, охотников, бортников и ремесленников, — тех славянских „людей“ и „смердов“, без повседневного труда которых не поднялась бы преисполненная „городами великими, селами дивными, садами обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими... светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская!“^{1*}

Древняя Русь, поднимавшаяся и расцветавшая на просторанстве от Днепра и Припяти до Невы и Волхова, интересует не только историков, но и всех тех, кому дороги дела и свершения наших предков. Непрерывная цепь поколений связывает нас с создателями каменных крепостей на берегах Наровы и Ладоги, с людьми, насыпавшими зеленоглавые курганы Приладжья и Ижорской возвышенности, с теми, кто первым пришел на эти земли, расчистил их под будущие пашни, проложил дороги, построил первые села и города.

В Законе об охране памятников истории и культуры, принятом Верховным Советом СССР 29 октября 1976 го-

* См. примечания в конце книги.

да, сказано о том, что „памятники истории и культуры народов СССР составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации”. В число культурных ценностей, подлежащих государственному учету и всенародной охране, закономерно включены „памятники археологии — городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов”. Как и другие памятники истории и культуры, они „служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся”².

Эти положения, в обобщенном виде, вошли в текст новой Конституции СССР, провозгласившей заботу о сохранении исторических памятников долгом граждан Советского Союза (статья 68). Конституция развитого социалистического общества органично соединяет устремленность в коммунистическое будущее с памятью о прошлом, о героическом и трудном пути, пройденном народами нашей многонациональной Родины.

Социалистическое государство берет на себя заботу об охране и преумножении духовных ценностей общества, широком их использовании для повышения культурного уровня советских людей (статья 27). Высшая цель социалистической культуры — развитие и применение всех творческих сил, способностей и дарований, всестороннее развитие личности советского человека. Растущий интерес к истории, к гуманитарным наукам в целом — характерная черта нашего времени. В нем проявляются созидательные силы нового общественного строя, когда трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завое-

ваний. Широкое привлечение исторических знаний, письменных источников и вещественных памятников для удовлетворения растущих духовных потребностей советского народа — яркое проявление силы и зрелости социалистического строя.

Наша живая культура включает в себя и культуру прошлого. И не только выдающиеся ее шедевры, но и те, иной раз безымянные, произведения и памятники, которые созданы трудом многих поколений простых людей. И прежде всего это нужно отнести к археологическим памятникам, иногда незаметным, но бесценным свидетелям далекого прошлого.

Об археологических памятниках, расположенных на территории Ленинградской области и относящихся к эпохе образования Древнерусского государства, рассказывает эта книга. Разумеется, в пределах области есть и более древние находки — поселения эпохи раннего металла, стоянки каменного века. Первобытные охотники и рыболовы заселили эти земли около 10 тысяч лет тому назад, продвигнувшись вслед за отступавшим ледником. Они оставили своеобразные и яркие памятники так называемого „лесного неолита” (новокаменного века). Однако неолитические памятники на территории Ленинградской области изучены недостаточно. Подробный рассказ о них — дело будущего. Древности, более близкие нам по времени, примерно тысячелетнего возраста, — городища, курганы, сопки — позволяют составить пусть неполную, но связную картину, прочесть интересные, иной раз забытые страницы русской истории. Обобщение археологических данных, относящихся к древнерусской эпохе, стало возможным именно сейчас, когда на территории области развернулись новые исследования. Работы 1960-х — начала 1970-х гг. позволяют подвести первые итоги раскопок курганов и поселений, продолжавшихся в общей сложности более 100 лет.

Разумеется, автор прежде всего опирается на труды своих предшественников, а во многом — и современников. Использованы и результаты работ Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ совместно с областным отделением Общества охраны памятников, Государственным музеем истории Ленинграда, Институтом археологии, проводившей под руководством автора археологические разведки и раскопки в Ленинградской области в 1969—1975 гг.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность всем исследователям археологических памятников Ленинградской области: своим учителям, советским археологам старшего поколения, до конца жизни направлявшим и поддерживавшим новые работы на Северо-Западе, — М. И. Артамонову, М. К. Каргеру, Г. Ф. Корзухиной, И. И. Ляпушкину, П. Н. Третьякову; старшим товарищам и коллегам А. Н. Кирпичникову, О. И. Давидан, плодотворно исследующим древности Старой Ладоги; своим друзьям и коллегам-археологам В. А. Булкину, И. В. Дубову, В. А. Кольчатову, В. А. Назаренко, Е. Н. Носову, В. П. Петренко, К. М. Плоткину, А. А. Розову, Е. А. Рябинину — организаторам разведок и раскопок 1970-х годов, всем тем, без чьей дружеской поддержки и помощи трудно было бы отразить современный уровень археологических исследований в Ленинградской области.

МАРШРУТАМИ АРХЕОЛОГОВ

Странички истории края

Археология — наука о древностях, скрытых в земле. Вещи, зарытые или случайно попавшие в землю, — это как бы остановившиеся мгновения прошлого. Освобождая их от многовековых наслоений, археолог устанавливает своеобразный контакт с минувшим: камни очага, расчищенные на древнем поселении, остыли тысячу лет тому назад, с тех пор их не касалась рука человека... Законсервированные в земле древности обладают особой степенью достоверности. Рукописи летописей переписывали, исправляли и дополняли; старинные здания перестраивали. Наследие прошлого, сохраняющееся в живой культуре, неизбежно испытывает то или иное воздействие новых поколений.

То, что попало в землю, сохраняется непотревоженным. Несмотря на естественные утраты, случайные нарушения, археолог получает свои известия „из первых рук”. Передаточной инстанцией между древним человеком и нашим современником служит земля, земной покров.

Археологические памятники существуют на местности, в ландшафте. Изъятые из земли, из своего естественного окружения, находки пополняют музейные коллекции, начинается длинная цепь исследовательских операций: они увенчаются успехом, то есть восстановлением возможно

полной картины прошлого, лишь в том случае, если сохранится связь вещи с местностью, где она была найдена, с условиями находки. Древняя вещь — след, оставленный человеком на земле. Понять его можно, лишь хорошо зная эту землю. Чем дальше в глубь времен, тем теснее зависимость человека от природных условий, тем глубже влияние этих условий на древние коллективы, а следовательно, косвенным образом и на оставленные ими археологические памятники.

Ленинградская область в историко-географическом отношении делится на три основные зоны³. Северная часть ее — Карельский перешеек — входит в Балтийско-Ладожский ландшафтный округ. Озерно-ледниковый рельеф с многочисленными озерами, каменистыми песчаными и супесчаными подзолистыми почвами, сильно заболоченными, — все это определяет хозяйственный облик зоны. В глубокой древности наиболее благоприятными здесь были условия для охоты и рыболовства, тяжелыми — для хозяйства, основанного на пашенном земледелии.

Карельский перешеек, издавна входивший в состав Новгородской земли, при тесной политической и культурной связи с Новгородом был, в общем, окраинной территорией, не сыгравшей заметной роли в событиях ранней русской истории.

Земли, лежащие к югу от Финского залива, Невы и Ладожского озера, напротив, тесно связаны с важнейшими этапами становления Древней Руси. Это обширное пространство — Лужско-Волховский ландшафтный округ — делится на две части рекой Волховом. К западу от Волхова, отделенная от него полосой тосненских болот, лежит наиболее плодородная и заселенная часть Ленинградской области. Прежде всего это Ижорская возвышенность, входящая в Ордовикское плато (средняя высота — 150 м, до 168 м над уровнем моря). С севера Ижорское плато ограничивает Глинт, или Балтийско-Ладожский уступ, древний

берег Балтийского моря. Сплошной террасой Глинт тянется от города Кингисеппа до Волхова. С юго-востока на северо-запад вдоль Ижорского плато течет река Луга. Восточная граница возвышенности проходит примерно по линии Пушкин — Гатчина — Сиверская.

На плато нет больших озер и рек, лишь на окраинах его берут начало притоки Луги, реки Оредеж, Суйда, Лемовжа, Черная, Вруда, Ящера. К Финскому заливу стекают с плато речки Систа, Копорка, Коваши; в Неву течет Ижора, давшая название возвышенности.

Почвы Ижорского плато дерново-карбонатные, суглинистые, благоприятные для земледелия. По плодородию они не уступают чернозему. Большая часть возвышенности ныне занята распахкой. С просторными полями чередуются еловые, березовые и осиновые леса, на плато до сих пор водятся кабан, заяц-русак, волк, косуля.

В древности этот ландшафт, очевидно, долго оставался неосвоенным. Обширные лесные пространства, нехватка водоемов, тяжелые почвы делали плато недоступным для населения, занимавшегося охотой, рыболовством или примитивным огневым (подсечным) земледелием. Использовать плодородные земли Ижорского плато начали лишь земледельцы Древней Руси.

По своим природным условиям во многом приближается к Ижорскому плато район Верхнего Полужья, к югу от города Луги. Здесь распространены удобные для земледелия дерново-карбонатные легкосуглинистые почвы. Рельеф Полужья, по сравнению с равнинным Ижорским плато, значительно богаче: много холмов, мелких речек, живописных озер ледникового происхождения. В эпоху Древней Руси Верхнее Полужье, в отличие от Ижорского плато издавна освоенное человеком, было, как и сейчас, плотно заселенной областью с развитым и разнообразным хозяйством. Земли вдоль верхнего течения Луги входили в состав древнейших новгородских владений.

Плодородные и заселенные возвышенности Верхнего Полужья и Ижорского плато со всех сторон окружены болотистыми низменностями. Они образуют как бы острова в негостеприимном лесном пространстве. Освоение этой зоны в древности шло очень медленно, заселенные области отделялись друг от друга огромными, практически необитаемыми территориями.

Особенно ярко таежный характер ландшафта выступает к востоку от Волхова, в южном Приладожье. Вдоль берега Ладожского озера простирается обширная лесистая низменность, лишь незаметно повышающаяся близ восточной границы области, где проходит Тихвинская гряда, переходящая в Вепсовскую возвышенность. С юго-востока на северо-запад Приладожье прорезают реки, впадающие в Ладожское озеро: Сясь с притоками Лынной, Тихвинкой и Воложкой, Воронег, Паша, Оять. Две последние, не доходя до озера, сливаются со Свирью, соединяющей Онежское и Ладожское озера.

Узкими полосами вдоль рек располагаются сельскохозяйственные земли. Безусловно, то же положение существовало и в древности. Преобладающая часть площади Приладожья занята еловыми лесами и болотами, почвы здесь подзолистые и торфяные суглинистые.

Поймы рек с песчаными торфянистыми или подзолистыми почвами, заливными лугами, березовыми и сосновыми лесами предоставляют благоприятные условия для пойменного скотоводства и земледелия; реки Приладожья богаты рыбой, в лесах много пушного зверя. Обитатели этих земель могли наряду с сельским хозяйством заниматься рыболовством и промысловой охотой.

Южное Приладожье (на востоке), Ижорское плато и Верхнее Полужье (на западе современной Ленинградской области) в глубокой древности составляли два особых культурно-исторических района. Река Волхов, расположен-

ная между этими районами, играла важную роль в исторической географии Древней Руси. Волхов был одной из центральных магистралей летописного пути „из варяг в греки”.

Через территорию нашей области проходит нижнее и среднее течение реки. Волхов берет начало в озере Ильмень (недалеко от его истоков возник древний Новгород) и течет на север, к Ладожскому озеру. Водный путь, соединявший Балтийское море с Черным, начинался в устье Невы, из Невы — в Ладожское озеро, затем вверх по Волхову — к озеру Ильмень, из Ильменя по реке Ловати можно выйти к притокам Западной Двины, а оттуда волоками — на Днепр в районе Смоленска и дальше на юг, к Черному морю. Кроме того, пройдя Волхов и озеро Ильмень, можно повернуть на одну из небольших рек южного Приильмения, Полу, и по ней выйти на Селигерский путь, в верхнее течение Волги — здесь открывается водная дорога к Каспийскому морю.

Известен и другой выход из Ладожского озера — на Волжский речной путь: по рекам Сяси, Тихвинке или Паше к водоразделу бассейнов Волги и Ладожского озера, здесь, преодолев волоком небольшое расстояние, можно выйти на реки Чагоду, Чагодошу, а по ним — на приток Волги Мологу.

В пределах нынешней Ленинградской области находится важный перекресток водных речных путей. Земли вдоль Волхова, и сейчас не слишком заселенные, трудно выделить в особый культурно-исторический район, подобно Ижорскому плато с Подлужьем, Приладожьё или Карельскому перешейку. Население здесь сосредоточивалось в укрепленных, расположенных на большом расстоянии друг от друга пунктах. Но именно в этих укреплениях „на большой дороге” происходили нередко события решающего значения. Волхов, как Волга и Днепр, — магистраль общерусская.

Население современной Ленинградской области (примерно 1,5 миллиона человек) составляют главным образом русские, украинцы, белорусы, эстонцы. В северных районах области живут карелы, в западных — небольшие группы ижор и води, в южном Приладожье на территории нескольких сельсоветов живут вепсы.

Корела, ижора, водь — эти племенные названия хорошо известны историкам по новгородским летописям. Племена финно-угорского происхождения, до наших дней сохранившие свой язык, входили в состав Новгородской земли XII—XV вв. Карелы населяли Русскую Карелию, центром ее была новгородская крепость Корела на месте нынешнего Приозерска. Ижора, родственная карелам, расселилась по рекам Неве и Ижоре. Водь жила на побережье Копорского залива, к востоку от устья Луги. Все эти племена в Новгородском государстве сохраняли известную самостоятельность. Правили ими собственные вожди, а в новгородских войсках были их особые военные ополчения. Ижора несла пограничную службу на рубежах Новгородской земли. Повесть XIII в. рассказывает: „Бе некто муж, старейшина земли Ижерской именем Белгусичь; поручена же бысть ему стража утреничная морская, восприятъ же святое крещение и живяще посреди рода своего”⁴. Это Белгусич (Пелгусий) предупредил князя Александра Ярославича о готовящемся нападении шведов.

Ижора, водь, корела впервые упоминаются в источниках не ранее XI столетия. Первые славянские поселенцы застали здесь другие племена: в русских летописях упоминаются „чудь”, „весь”, „меря”. По-видимому, это племенные объединения, которые со временем распались, изменили свои границы и названия, слились с другими племенами и общинами.

Судьбы народов той далекой эпохи, события и процессы тысячелетней давности и стремятся проследить ученые по археологическим источникам. Однако правильно

осмыслить данные, полученные при раскопках городищ, курганов, сопок, в том числе и находящихся на территории нашей области, можно только представляя себе общий ход исторического процесса в Древней Руси. Поэтому, прежде чем знакомиться с археологическими памятниками, мы должны хотя бы в общих чертах представить себе основные события русской истории в эпоху образования Древнерусского государства.

Население Восточной Европы в то время не было однородным⁵. Огромная территория от низовьев Волхова до среднего течения Днепра, от Карпат до будущего Подмосковья была заселена предками русского, белорусского и украинского народов — восточными славянами. Славяне в то время делились на племена, каждое жило „особе” и называлось своим особым именем: поляне жили на Днепре, северяне — к востоку от них, на днепровском Левобережье, древляне — на западе, в лесах к югу от Припяти. Территорию нынешней Белоруссии занимали дреговичи, что значит „болотные жители”. По реке Сож жили радимичи, по Оке — вятичи, потомки легендарных славянских вождей Радима и Вятко. В верховьях Волги, Днепра и Западной Двины обитало племя кривичей. Дальше всех на север, к берегам Ильменя, продвинулось племя, сохранившее за собой имя „словене ильменские”, или „новгородские” (не нужно путать его с общим, родовым названием славянских народов „славяне”). Словене освоили и территорию нынешней Ленинградской области.

До прихода славян в лесной зоне Восточной Европы жили племена летто-литовской языковой группы, или, как их называют ученые, балты. Современными потомками древних балтов являются латыши и литовцы, в древности же балты, как и славяне, разделялись на множество отдельных, хотя и родственных, племен. Значительная часть этих племен в IX—XI вв. слилась со славянами, составив

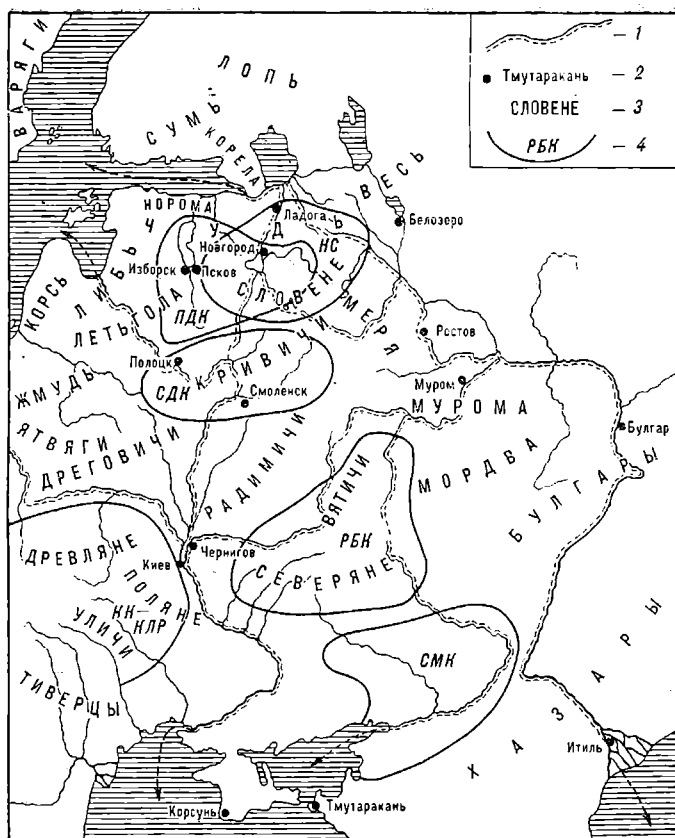
основу позднейшей белорусской, а отчасти и великорусской народности.

К северу и на восток от балтов жили финно-угорские племена, предки современных эстонцев, карел, финнов-суоми, коми, удмуртов, марийцев, мордвы. Тысячу лет эти племена прожили бок о бок со славянами. Некоторые из них постепенно растворились в восточнославянской среде и вошли в состав древнерусской, а позднее — великорусской народности.

В течение нескольких столетий славянское население продвигалось из лесостепной зоны Восточной Европы с юга на север. По большим и малым рекам, осваивая необозримые, нередко почти незаселенные лесные пространства, расселялись земледельцы и бортники, свободные славянские общинники „каждый родом своим особе”. Процесс этот, который историки называют „славянской колонизацией лесной зоны Восточной Европы”, был длительным и сложным.

Далеко не всегда местное население безропотно уступало место пришельцам — об этом, в частности, свидетельствуют слои пожаров, обнаруженные на балтских городищах VIII—IX вв. в Верхнем Поднепровье. Но часто, по-видимому, для новых поселенцев находилось достаточно свободного места: чем дальше двигались они на север, тем больше было неосвоенных земель, невырубленных лесов, незанятых пойм. На речных мысах возникали родовые градки славян, а в соседних урочищах нередко по-прежнему жила „чужь белоглазая”, внимательно присматриваясь к хозяйству, быту, обычаям пришельцев.

Славяне принесли в лесную зону новую, прогрессивную форму хозяйства — пашенное земледелие. Заимствуя земледельческие орудия, навыки обращения с ними, местное население естественно сближается со славянами. Новые отношения ломают прежнюю родовую замкнутость; славянские и чуждские земледельцы все чаще сообща, рука



Восточная Европа в эпоху образования Древнерусского государства.

Условные обозначения: 1 — водные пути; 2 — города; 3 — племена (по «Повести временных лет»); 4 — археологические культуры VI—X вв. (КК — корчакская культура, КЛР — культура типа Луки-Райковецкой, РБК — роменско-боршевская культура, СМК — салтово-маяцкая культура, СДК — смоленские длинные курганы, ПДК — псковские длинные курганы, НС — новгородские солпки).

об руку осваивают новые земли, расчищают от леса места для пашен, расселяются вместе или „чересполосно”. Град-ки славян становятся опорными пунктами дальнейшей земледельческой колонизации, экономическими центрами округи с разноэтничным, но все более ославянивающимся населением.

Довольно рано в среде славян выделяются „нарочитые мужи”, инициаторы новых переселений, далеких походов за добычей и славой. Сначала они опираются на племенную молодежь — „отроков”. Постепенно обогащаясь, снаряжая (за счет общины) „отроков” оружием и конями, „нарочитые мужи” понемногу начинают теснить родовых старейшин, славянских „старцев градских” и чудских „вохвов”, „старую чадь”. Раз за разом „примучивают” то чудских соседей, то своих же соплеменников... Требуют даней, присваивают общественные платежи — „виры и продажи”. И со временем некоторые из градков превращаются в настоящие феодальные усадьбы, замки, окруженные мощными укреплениями. А слово „отрок” становится обозначением княжеского или боярского дружинника. Остальные же соплеменники — просто „люди” или „смерды”, данники. Ими становятся и потомки „иных языщей”, и славянские общинники, и посаженные на землю пленники — рабы („холопы”, „челядь”). В новой общественной структуре теряют свое значение прежние племенные границы и различия. Складывается древнерусская народность и древнерусское общество — единое по языку, но разделенное на антагонистические классы, на угнетателей и угнетенных.

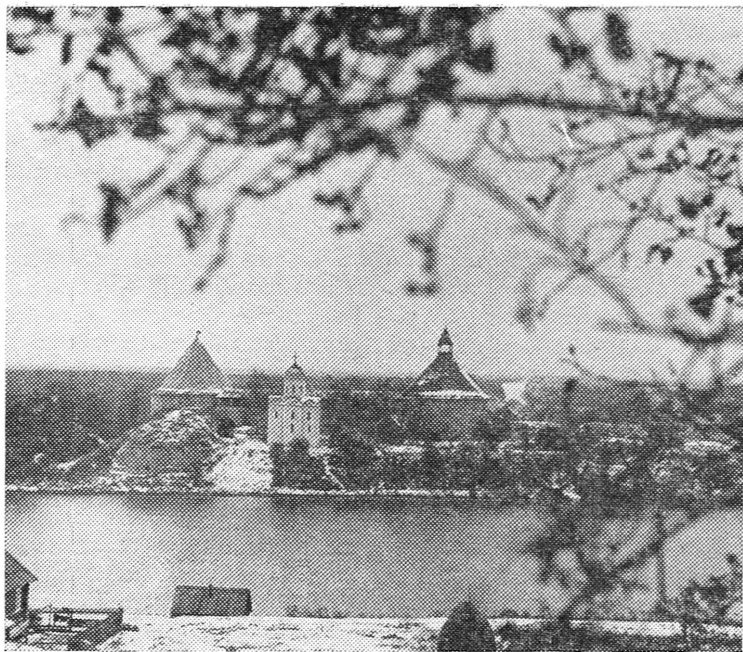
Единое Древнерусское государство образовалось не сразу. В конце VIII — начале IX в. на Среднем Днепре сформировалось восточнославянское политическое объединение с центром в Киеве. Эта первоначальная „Русская земля” объединяла полян, часть северян, некоторые другие соседние племена⁶. Первое восточнославянское госу-

дарство противостояло могущественному Хазарскому каганату — державе кочевников-хазар, господствовавших в степях между Доном, Волгой и Северным Кавказом. Некоторые славянские племена (вятичи) платили хазарам дань.

В середине IX в. на северо-западе Восточной Европы складывается обширное, но на первых порах непрочное объединение славянских и неславянских племен — словен, кривичей, чуди, мери. Как сообщает русская летопись, одно время эти племена платили дань варягам — воинственным дружинам скандинавских викингов (норманнов), опустошавших в IX—X вв. прибрежные страны Европы. В 859 г. племена севернорусских земель, объединившись, „изгнаша варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в себе володети”. Однако разноплеменный союз быстро распался. „И не бе в них правды”, — констатирует летописец. „И вѣста род на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша”⁷.

Усобицы и раздоры, видимо, были результатом не столько межплеменных, сколько внутренних, социальных противоречий. Во всяком случае и среди словен, и у чуди нашлись „нарочитые мужи”, для которых выгоднее было не искать „правду” в спорах и усобицах с соплеменниками, а силой навязать им удобный для себя порядок — „наряд”, как называли на Руси нормы и законы, установленные княжеской властью. В поисках этой силы севернорусская знать решила обратиться к помощи варяжских дружин. Так родился знаменитый призыв, запечатленный Начальной летописью: „Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володеть нами”.

Предводителями дружин, „призванных” на помощь словенской и чудской знатю, предание называло варяжских князей Рюрика, Трувора и Синеуса. В 862 г. они „придоша к словенем первее и срубиша город Ладогу”.



Старая Ладога.

Это — первое упоминание Ладоги, старейшего из русских поселений в северных землях. Речь здесь идет не об основании города, а о строительстве в нем княжеской крепости: поселение на Волхове существовало уже за полвека до описываемых событий, в конце VIII — начале IX столетия.

Предание о призвании варяжских князей, включенное в текст древнейшего русского письменного памятника — „Повести временных лет”, вот уже 200 лет, со времен Ло-

моносова, вызывает горячие споры в мировой исторической науке. „Варяжская легенда” в течение многих веков выполняла определенную политическую функцию. Для обоснования своих претензий на господство над русскими землями эту легенду привлекали не только потомки варягов — шведы, но и другие захватчики. Она использовалась для унижения национального достоинства славян; ее цитировали в специальной памятке для солдат гитлеровского вермахта⁸.

Но любые попытки объяснить начало русской истории с помощью этого якобы бесхитростного и потому достоверного рассказа летописца оказались несостоятельными. Как доказали русские и советские историки, в общерусскую, киевскую летопись „варяжская легенда” попала не сразу. Ее включили в основной текст киевских сводов лишь в начале XII в. Это период феодальных междоусобиц, когда киевская великокняжеская династия стремилась обосновать свои особые права на верховную власть. Возводя свой род к „добровольно призванному” русскими племенами Рюрику, киевские князья тем самым утверждали идею политического единства Русской земли, подчиненной одной — киевской княжеской династии Рюриковичей. Та же идея пронизывает „Слово о полку Игореве”.

Первоначальная „варяжская легенда” была местным, ладожским преданием. В нем ничего не говорилось ни о Киеве, ни о русских князьях — потомках Рюрика. Согласно этому северному преданию, варяги обосновались в Ладоге. Позднее Рюрик перенес свою столицу на юг, в Новгород. Рюрика в 879 г. сменил Олег, его родич.

О правлении Олега повествуют уже не только легенды, записанные в летописи, но и другие документы. В 882 г. Олег отправляется в поход на юг, по волховско-днепровскому речному пути, во главе огромного войска. В составе его, наряду с варягами, были многочисленные дружины словен и кривичей, чуди, мери и веси. Заняв Смоленск и

Любеч, Олег затем захватил Киев и стал первым князем объединенного Древнерусского государства.

Кратковременное правление варяжского князя в Киеве отмечено первыми государственными предприятиями Древней Руси. Опираясь на славянскую-знать, Олег в 907 г. организовал успешный поход русских войск на Константинополь. Результатом его был первый международный договор, заключенный молодым Русским государством с могущественной Византийской империей. Русь уверенно вышла на мировую историческую арену.

Эти и последующие события ранней русской истории связаны прежде всего с Киевом, древней славянской столицей. Ведущую роль здесь играли местная славянская знать, многочисленные, хорошо организованные и вооруженные русские дружины, купцы и ремесленники богатых русских городов. Варяги, появлявшиеся в X—XI вв. в Киеве и других южнорусских центрах, играли довольно скромную роль военных наемников, иногда — государственных чиновников. Некоторые из них выдвинулись в ряды княжеских бояр и воевод, породнились со славянской знатью и через одно-два поколения растворились среди знатных „русичей”. Другие, проведя несколько лет на службе у киевского князя, отправлялись в Византию, на Запад или возвращались на родину. Никакого влияния на политику киевских князей варяжские „находники” не оказали.

Несколько иначе складывалось положение на севере Руси, прежде всего в Ладоге. Здесь тесные связи словен с варягами устанавливались еще в начале IX в. Скандинавские викинги стремились на восток, к богатым торговым речным путям по Волхову и Волге. Реки Восточной Европы стали в ту эпоху магистралями европейского значения: по ним на Русь и далее на запад, к берегам Балтики и в Скандинавию поступало арабское серебро. Потребность в драгоценном металле в IX—X вв. резко возросла. „Злато и серебро”, „паволоки и аксамиты” — драгоценные ткани

и дорогие одежды были для дружинников и князей вещественным символом их особого, высокого социального положения, социальным отличием формирующегося господствующего класса.

Основой экономики на Руси, в Скандинавии, странах западных славян IX—X вв. оставалось натуральное хозяйство. Расцвет городского ремесла в этих странах начался в XI—XII столетиях. Но в более раннее время, в IX—X вв., произошел не-

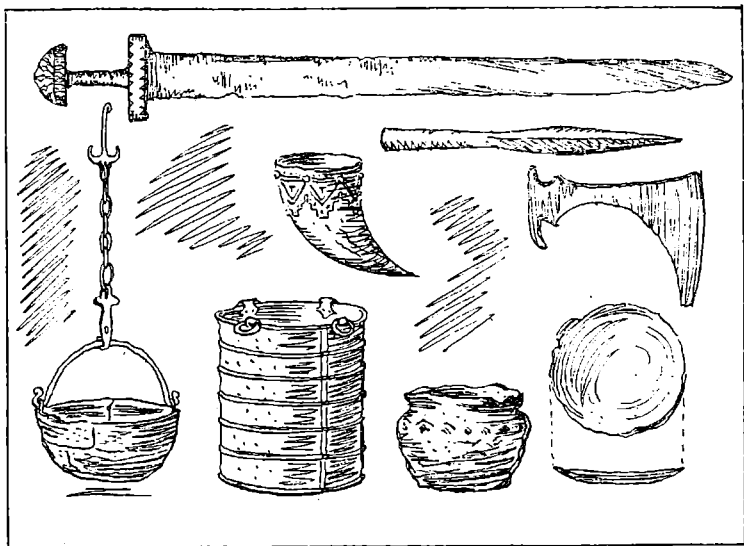
ожиданный и бурный расцвет своеобразной международной торговли, охватившей огромные пространства — от Прикамья на востоке до Фрисландии на западе, от Скандинавии на севере до Багдада на юге. Торговля этого времени тесно связана с грабительскими набегами, военными походами. Сплошь и рядом одни и те же дружины выступают то в качестве разбойников и грабителей на речных и морских путях, то в виде купцов, сбывающих награбленную добычу. Дело в том, что предметом торговых связей были все те же „злато и серебро, паволоки и аксамиты”, предметы роскоши, оружие, украшения, драгоценные металлы, удовлетворявшие новые потребности многочисленных и алчных дружин. В поиски богатой добычи отправляются воины словен и кривичей, полян и чуди — на востоке Европы, датские, норвежские и шведские викинги — на западе и севере. Торговые, военные и



Клад западноевропейских серебряных монет, найденный у д. Вихмесь на р. Паише.

политические интересы норманнов порою тесно переплетались с интересами русских дружин и князей.

Волхов и Ловать, Днепр и Волга были своеобразными артериями, по которым растекалась с севера на юг и с востока на запад энергия этих славянских, чудских, варяжских дружин. Караваны судов, наполненных добычей и товарами, несли отряды разноплеменных воинов, вчерашних пахарей и охотников, „отроков” и „нарочитых мужей”, к берегам Каспия и Понта Эвксинского, Ладоги, Балтики и дальше — за море, в Швецию (где на озере Мелар возник торговый город викингов Бирка), Польшу — в западнославянский порт Волин, Данию (центр балтийских свя-



Оружие и утварь знатного дружинника, найденные в кургане у д. Усть-Рыбежна на р. Паше.

зей — город Хедебю), Фрисландию: в устье Рейна находился еще один крупный порт IX в. — Дорестада. На Волге, Днепре, Волхове в ту пору возникли свои торговые центры IX—X вв.: Ладога, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово под Смоленском, Тимерево под Ярославлем — предшественники древнерусских городов, открытые торгово-ремесленные поселения, где на первых порах, независимо от княжеской или племенной власти, сосредоточивались вольные дружины, заморские товары, награбленная добыча⁹.

Но не только богатой добычи в заморских землях искали воинственные дружины.

Прежде всего, и славянские князья, и норманнские конунги стремились с помощью своих дружин сломить сопротивление свободных соплеменников, заставить их платить „дани и оброки, виры и продажи“, разнообразные платежи, налоги и выкупы. В сопровождении вооруженных отрядов они разъезжали, иной раз круглый год, по селениям, и жители каждого обязаны были в течение определенного времени кормить и поить нежеланных гостей. На Руси такой способ „кормления“ называли полюдьем, в Скандинавии — вейцла (общественный пир).

Размеры поборов во многом определялись соотношением сил. Если вождю противостояла хорошо вооруженная, отстаивающая свои права община, то время его полюдья было строго ограничено. Так, в одном норвежском селении крестьяне согласились пировать с конунгом лишь один день вместо трех (он зато и дружинников привел втрое больше положенного). Общеизвестна печальная судьба князя Игоря, попытавшегося дважды за одно лето собрать дань с племени древлян: привязав жадного князя за ноги к вершинам двух согнутых деревьев, его разорвали на части. Зато правнук Игоря, Ярослав Мудрый, установил для своих „мужей“, взимавших поборы, льготные нормы: „...а борошна колько могутъ изъести (сколько

сѣдят.— *Авт.*)". Съесть могли много. Не зря один из таких княжских мужей грозил бунтующим белозерцам: „Не уйду от вас и за лето”.

Такое положение дел сложилось не сразу. Понадобилось почти два столетия для того, чтобы из многочисленных и разрозненных вольных дружин сформировался феодальный господствующий класс. Шаг за шагом укреплялась великокняжеская власть, ломавшая сопротивление независимых общин, старой племенной знати, дружинной вольницы. Постепенно появляются мощные княжеские крепости, контролирующие водные пути. Вместо вольных дружин по рекам теперь разъезжают княжьи мужи, „тиуны”, „вирники”, „ябетники”, в сопровождении вооруженных отрядов собирающие дани и оброки. Реки превращаются в своего рода государственные магистрали, по которым осуществляются постоянное движение княжеской администрации, сборы податей, управление отдельными областями. Возникают и новые опорные пункты молодой государственности, где дружины могут остановиться на отдых, а в случае нужды — выдержать осаду. Здесь скапливаются собранные дани, а со временем появляются постоянные княжеские гарнизоны. Такие местные центры — погосты — на Северо-Западе, по Луге и Мсте, впервые упомянуты в летописи под 947 г.

Сеть погостов, осуществляющих княжеский контроль над свободными земледельческими общинами, знаменует новый этап в развитии раннефеодального государства. Завоевания, далекие походы за добычей и славой, внешние связи отступают на второй план. Не случайно к началу X в. столицей северо-западных русских земель стала не Ладога с ее развитыми внешними связями, а Новгород, расположенный в глубине племенной области словен ильменских. Великолепие и мощь Древнерусского государства основой своей имели не богатства торговых гостей, не отвагу грозных дружин, а труд славянских пахарей и лесо-

рубов, бортников и ремесленников. В середине земли словен скапливались „жито и обилье”, расцветали „грады и веси”. На обжитых и заселенных землях по Луге, Ловати, Шелони, Мсте, Великой сложилось ядро Новгородской державы, с конца IX в. важной составной части Киевской Руси. В состав новгородских владений прочно входила вся территория современной Ленинградской области.

Верхняя Русь, как называли в X—XV вв. Новгородскую и Псковскую земли в отличие от Низовской Руси (Киевской, Владимиро-Суздальской, а позднее — Московской), оставалась, говоря современным языком, многонациональным объединением. Наряду со славянами и ославянившейся чуждью и весью по окраинам ее жили племена ижоры, води, корелы. Верхняя Русь была тесно связана со странами Балтийского моря — Финляндией, Швецией, землями Прибалтики, Польшей, Германией, Данией.

Но не только мирные торговые связи выпали на долю северо-западных русских земель. В IX—XI вв. словене новгородские успешно защищали свои рубежи от нападений викингов. Сто с лишним лет спустя в восточной Прибалтике начинается экспансия феодальных государств. Шведские рыцари подчиняют Финляндию, пытаются овладеть Русской Карелией, угрожают Ладоге. Немецкие крестоносцы, овладев Латвией и Эстонией, устремляются к западным рубежам Псковской и Новгородской земель. Память о событиях этих тяжелых лет сохранилась не только в летописных рассказах о подвигах дружин Александра Невского. Молчаливыми свидетелями высятся на нашей земле грозные стены первых каменных крепостей, построенных новгородцами для охраны русских границ.

Северо-западные земли были не только военным пограничьем. С давнего времени они заселены мирным крестьянским людом. Уже в XI в. существовали многие из деревень, подробно описанных в переписных оброчных книгах 1498, 1500, 1539, 1556—1558 гг., вскоре после при-

соединения Новгорода Великого к Московскому государству, когда завершилось объединение русских земель вокруг Москвы. Готовясь к длительной борьбе с Ливонским орденом за укрепление позиций России на Балтике, московские государи развернули широкое крепостное строительство. Были обновлены старые новгородские и псковские твердыни, построены новые крепости в Ивангороде и Яме. Так завершилось создание уникальной военно-оборонительной системы. Грозный каменный венец из десятка могучих крепостей поднялся на западных рубежах Верхней Руси. Эти крепости сыграли важную роль в событиях Ливонской войны в 50—70-х гг. XVI столетия.

В конце царствования Ивана Грозного Московское государство вступило в один из самых напряженных и трудных периодов своей истории. Экономический кризис, опричина, поражение в Ливонской войне, борьба боярских группировок за власть после смерти царя — все это привело к трагическому Смутному времени (1607—1612 гг.), когда лишь ценой громадного напряжения сил всего народа удалось отстоять самостоятельное существование Московского государства. Воспользовавшись тяжелым положением России, шведы оккупировали Новгород, Ладогу и другие крепости Северо-Запада. По условиям мира, заключенного 27 февраля 1617 г. в деревне Столбово на реке Сяси, под власть Швеции перешли русский Орешек на Неве, Копорье, Корела, Ивангород. На 86 лет Россия была отрезана от Балтики. О том, с какой настойчивостью стремились шведы завладеть берегами Невы, свидетельствуют слова короля Густава-Адольфа. Выступая по случаю Столбовского мира перед шведским сенатом, он говорил: „Великое благодеяние оказал бог Швеции... теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийском море. Большие озера, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него. У России отнято море”¹⁰.

Шведы взяли в свои руки выгодную посредническую торговлю между Россией и странами Балтики.

Но русское население уступленных областей сохранило свой язык, православие и по-прежнему смотрело на Новгород как на свой естественный центр. Сохранилось немало „сыскных дел” XVII в. о русских перебежчиках из шведских владений. Связь этих земель с Россией не была разорвана полностью. О восстановлении ее возвестил в 1702 г. гром петровских пушек под стенами Орешка.

Северные земли Верхней Руси составляли неотъемлемую часть Русского государства с первых веков нашей истории. Далеко не все события, происходившие здесь, попали на страницы летописей, но все они теснейшим образом связаны с историей России, со становлением русского народа, государственности, культуры. Раскрыть эту связь можно, лишь дополняя отрывочные и неполные данные письменных источников источниками археологическими.

Что такое археологические источники?

Археологические памятники — это материальные следы древней человеческой деятельности, то есть в самом общем смысле — любые нарушения и изменения в естественной среде, произошедшие в результате этой деятельности. Люди жили и трудились, умирали и хоронили мертвых. С каждой из сфер древней жизни можно связать определенную категорию памятников археологии.

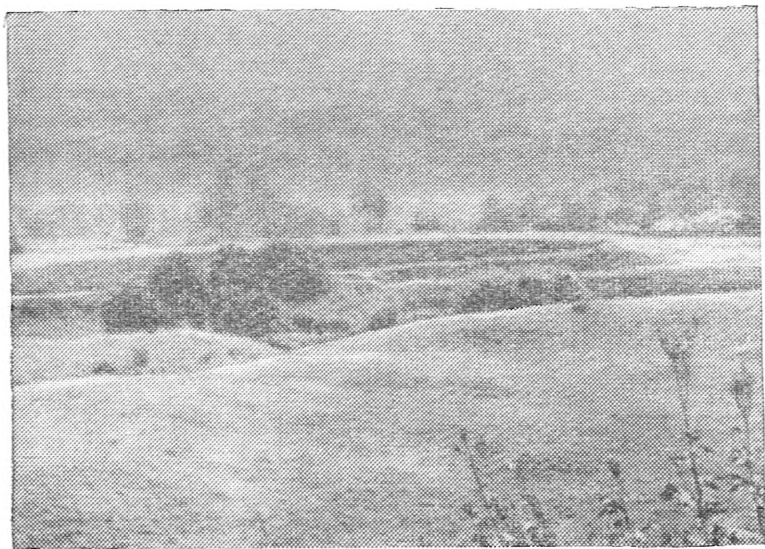
Во-первых, это места обитания древних людей, поселения. За время жизни на поселении накапливается культурный слой, то есть отложения земли, насыщенные остатками органических и неорганических материалов,



Вид на древнерусское городище в Городце под Лугой.

вещей, конструкций, построек. По составу, структуре и цвету культурный слой обычно отличается от естественных отложений. Древняя естественная поверхность, на которой отложились первые культурные наслоения, называется в археологии материком.

Различают укрепленные поселения — городища, обнесенные валами и рвами, и неукрепленные — селища. Городища располагаются на холмах, мысах рек. Поверхность холма, где размещалась в древности застройка, — площадка городища нередко искусственно выравнивалась, на нее обычно ведет въезд — отлогая дорога по склону холма. В народе городища называют городками, городцами, батареями.



Место древнего селища на р. Сязниге.

Селища не имеют внешних признаков, расположены на ровных площадках недалеко от воды, часто на надпойменной террасе берега озера или реки. Сплошь и рядом древнерусские селища оказываются на окраине современных деревень. В таких случаях на огородах можно заметить выходы культурного слоя и собрать древнюю керамику (черепки глиняных сосудов).

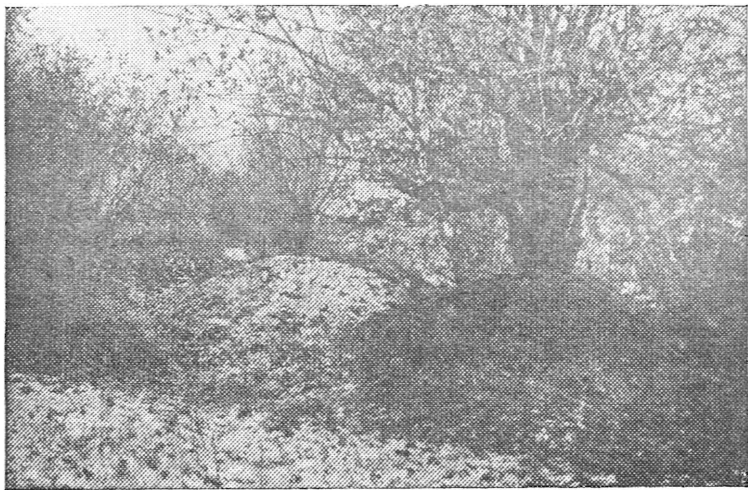
Иногда селище расположено вокруг городища. С появлением нового пояса укреплений, защищающих селище, оно превращается в часть средневекового города — посад.

При раскопках на поселении можно найти остатки построек — котлованы, нижние части стен, настилы полов,

развалы печей, отходы, бытовые вещи. По составу находок, характеру застройки, размерам поселения определяют время его жизни — для этого археологи располагают шкалой датировок, основанной на устойчивых сочетаниях определенных типов вещей, распространенных в тот или иной период. Например, в IX—X вв. в северных русских землях пользовались большими костяными односторонними гребнями, напоминающими современные расчески. Эти гребни найдены вместе с арабскими монетами, на которых указана дата чеканки. В XI—XII в. были в ходу гребни иной формы — узкие и высокие двусторонние. Мы находим их вместе с западноевропейскими монетами соответствующего времени. Находки вещей, типичных для того или иного периода, в постройках и культурном слое позволяют определить время начала жизни на поселении и ее прекращения.

По находкам на поселении восстанавливается характер занятий обитателей: в жилищах охотников и рыболовов мы обнаруживаем иные орудия и отходы, нежели у земледельцев и скотоводов. О деятельности ремесленников можно судить по производственным комплексам, орудиям и отходам, заготовкам сырья и изделий. В доме дружинника может не оказаться косы или серпа, зато здесь нетрудно встретить оружие, конское снаряжение, дорогие украшения, привозные вещи, предметы культа.

Планировка поселения позволяет установить характер общественных отношений. Небольшое городище с одним общим жилищем и вынесенными отдельно, также общими кладовыми скорее всего принадлежало патриархальной большой семье, может быть, древнему роду, еще не перешагнувшему порога первобытного общества. Разделение большой семьи на малые проявляется в распространении небольших (на два — четыре человека) жилищ. А когда вокруг таких жилищ группируются хозяйственные постройки, образуются усадьбы, мы с уверенностью можем



Курганный могильник у д. Конезерье.

сделать вывод о вызревании отношений частной собственности, основанной на раздельном ведении хозяйства.

Поселения позволяют охарактеризовать прежде всего социально-экономический уклад древних коллективов, а в какой-то мере и этнографические признаки материальной культуры (тип жилища, формы орудий труда, бытовых вещей, посуды и т. п.).

Вторая важная категория археологических памятников — места погребения, древние могильники. По способу устройства различают могильники грунтовые, курганные и жальничные (специфические для Северо-Запада).

Грунтовые могильники (иногда их называют бескурганными или полями погребений) — это совокупность захоронений, помещенных в могильные ямы и не отмеченных на поверхности какими-либо сохранившимися до наших

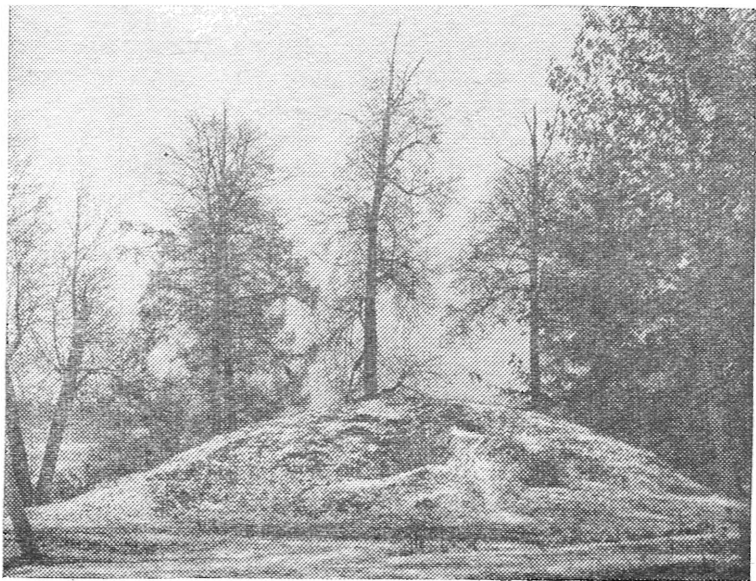
дней сооружениями. Обнаружить такие памятники трудно, особенно в Ленинградской области, среди лесов и болот. Судя по отрывочным данным, здесь, как и в других областях Восточной Европы, грунтовые могильники были распространены в первой половине I тысячелетия нашей эры, примерно до V—VI вв.

Курганные могильники представляют собой кладбища, состоящие из захоронений, перекрытых земляными насыпями, обычно округлыми в плане, полусферической формы. Средняя высота их — 0,5—1,2 м. Изредка встречаются курганы более внушительные — до двух с лишним метров. Иногда курганы по основанию обложены кольцом из валунов или окружены неглубоким ровиком.

Древнерусские курганы X—XIII вв. составляют обычно большие курганные группы, в которых насчитывается от нескольких десятков до тысячи насыпей. Они располагаются на возвышенных местах, среди полей, часто неподалеку от современных деревень. Местные жители называют их могилами (кстати, так их называли и в Древней Руси, слово „курган” — тюркское, сравнительно позднего происхождения). В Ленинградской и Новгородской областях старожилы рассказывают о шведских, литовских, даже турецких (в прошлом — татарских) могилах; речь, однако, как правило, идет о курганных кладбищах древних словен. На Волхове, Паше, Сяси можно также услышать легенду о том, что в одном из курганов похоронен князь Рюрик „в золотом гробу”.

Реальное содержание курганов X—XIII вв. обычно разочаровывает людей, верящих этим легендам. Курганный обряд был типичным и массовым и у славян, и у других племен, хоронили так простых людей, и ни золотых гробов, ни других поражающих воображение вещей в курганах нет.

В VI—IX вв. в лесной зоне Восточной Европы были распространены так называемые длинные курганы — низ-



Сопка в Старой Ладоге.

кие валлообразные насыпи длиной до 20—30 и более метров, шириной 7—15 м, с крутыми склонами и плоским верхом. Длинные курганы располагаются группами вместе с невысокими уплощенными насыпями круглой формы на высоких, удаленных от современных селений местах в чаще леса либо, реже, на низких надпойменных террасах рек и озер.

К тому же времени относятся сопки (от слова „сыпать”). Это внушительные, высотой до 9—12 м, крутобокие насыпи, иногда почти конической формы. Они стоят на красивых, видных местах — водоразделах, верхних тер-

расах берега, на крутых поворотах рек, заметные изда- лека, нередко растянувшиеся цепочкой от двух-трех до двадцати насыпей. С сопками больше всего связано легенд и преданий. В Старой Ладоге (и в некоторых других мес- тах) показывают „могилу вещего Олега”. В одних сопках, по преданию, похоронены замученные девушки, другие построены дерзкими удалцами... До революции на соп- ках ставили кресты и часовни, устраивали крестные хо- ды и полудзыхеские гуляния, жгли костры „на Ивана Купала”.

Довольно часто можно видеть вокруг сопки низкие, приземистые холмики, окруженные чуть выступающими из земли замшелыми камнями. Еще чаще такие холмики составляют отдельные скопления или размещаются на ок- раине древнерусских курганных групп. Это — жальники, своеобразные погребальные памятники Новгородской зем- ли XI—XVI вв. „Жальник” — старинное слово, от древне- русского „жалети” (отсюда же „Жля” в „Слове о полку Игореве”, разбрасывающая горе и печаль из огненного рога...). Местные жители Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Калининской областей назы- вают так заброшенные кладбища. Н. И. Репников, соста- вивший в 1930 году полную сводку этих памятников, так описывает их: „Жальники — древние кладбища из грунто- вых могил, обложенных поверху камнями в виде крута или прямоугольника. Каждое погребение в отдельности называется населением могилой. В большинстве случаев жальники удалены от жилья, расположены на естествен- ной возвышенности и поросли деревьями. У населения на- блюдается различное отношение к жальникам: в одних местах они считаются местами „священными”, и старооб- рядческое население доньше пользуется ими для погребения, в других — на них смотрят как на места нечистые, где хоронят самоубийц и мертворожденных, куда вообще „ходить не следует”... Деревья, растущие на жальниках,

считаются заповедными, рубить которые нельзя... На многих жальниках стоят часовни; здесь служили панихиды по „забудущим“ (забытым) родителям, приносили поминки и в определенные дни к ним совершали крестные ходы”¹¹.

Эта группа памятников до сих пор плохо изучена. Суевенное почитание жальников, сложное переплетение языческих и христианских мотивов в обряде и преданиях, с ними связанных, свидетельствуют о том, что эти кладбища принадлежат прямым предкам нынешнего населения; это — древнерусские памятники. Однако на основной территории Древней Руси — на Смоленщине, Киевщине, в Подмоскowie — мы таких могильников не знаем: в одних районах, население которых сохраняло языческие обычаи, до XIII в. продолжали хоронить в обычных курганах, в других — от курганов перешли к кладбищам современного типа, возле церквей, на погостах. Жальники появились только там, где славяне соседствовали с западнофинскими племенами. Вероятно, этот обряд — своеобразное преломление местных, дославянских и дохристианских традиций.

Раскапывая погребальный памятник, мы в первую очередь знакомимся с обрядом погребения, а следовательно, с религиозными представлениями, обычаями, социальными нормами древнего населения. До введения христианства в Восточной Европе были распространены разные способы погребения. Основные из них — сожжение мертвых (кремация) и захоронение в земле несожженных останков (труположение, ингумация). (В археологии термином „сожжение” принято обозначать не только процесс кремации умерших, но и сами остатки захоронения.)

Обряд кремации распознается по находкам измельченных и кальцинированных под действием огня костей. Археологи различают два вида сожжения — „на месте”, когда кости найдены среди углей и золы погребального костра — кострища, перекрытого насыпью кургана, и „на стороне”,

когда после кремации останки собирали с погребального костра и переносили на место захоронения, где и насыпали курган, поместив калцинированные кости в урну, ямку или иное вместилище. В этих случаях под курганом нет следов погребального кострища.

Обычай сожжения мертвых появился в Европе более четырех тысяч лет тому назад, в бронзовом веке. Он был широко распространен у многих народов — греков и римлян, кельтов, германцев, балтов, славян и др. В эпоху образования Древнерусского государства этого обычая придерживались восточные славяне, часть балтских и финских племен, некоторые племена Скандинавии. Однако у большинства из этих народов в то же время известен и обычай ингумации, который с конца X в. становится основным обрядом, повсеместно вытесняя сожжение.

При ингумации покойника (часто в праздничной одежде) укладывали в могильной яме или в основании будущей насыпи кургана. При этом большое значение имела ориентировка погребения, то есть направление, куда покойник обращен головой. У финно-угорских племен чаще отмечается ориентировка на север или на юг, у славян — головой на запад (то есть лицом на восток). Мертвый „смотрит” туда, где по представлениям соплеменников находится загробный мир.

Кроме способа погребения обряд включал и многие другие действия, которые далеко не полностью отразились в археологическом материале, — ритуальные костры, очищающие погребальную площадку и отделяющие ее от мира живых, прощание с мертвым, оснащение его загробного жилища, жертвоприношения, оплакивание, погребальную тризну. От богатого и сложного погребального ритуала (иногда известного нам по описаниям древних авторов) сохраняется немного — кроме угля, земли и костей лишь металлические вещи, керамика. Другие приношения — еда, питье, ткани, дерево, меха — исчезают бес-

следно. И тем более невозможно узнать закланания и песни, молитвы и плачи, раздававшиеся тысячу лет тому назад... Но при всем том общий строй ритуала, последовательность действий могут быть восстановлены археологами. И это позволяет не только представить систему религиозных воззрений, но и выделить различные общественные или племенные группы людей, хоронивших своих мертвых по различным обрядам.

Особое значение при этом имеет „погребальный инвентарь“, как археологи называют положенные в могилу вещи. От праздничного наряда, особенно в трупоположениях, сохраняются иногда целые наборы подвесок и браслетов, ожерелья, перстни, застежки-фибулы, булавки и др. Вещи позволяют не только датировать погребение, но и восстановить женский или девичий убор, характерный для древней этнографической группы. Именно по женским украшениям, в сочетании с обрядом, стремятся археологи выделить древние племена. Для славян, например, обычны изящные и легкие височные кольца из серебра, для финно-угров — обилие бронзовых шумящих подвесок часто в виде птиц („уточки“), животных („коньки“, „барашки“), миниатюрные бронзовые ложечки и т. п. Скандинавские женщины эпохи викингов носили на груди пару массивных овальных брошей — фибул с рельефным узором в „зверином“ стиле.

Нередко украшения и другие вещи, типичные для разных племен, обнаруживают в одном погребении. Такие находки говорят о сложных межплеменных связях. Они могут быть результатом торговли, брачных союзов, соседства, сближения. В X—XII вв. скандинавские фибулы оказываются в финских погребениях, финские шумящие подвески — в курганах новгородских словен, славянская посуда — в могилах норманнов и финнов. Поэтому к этническому определению отдельных погребений следует подходить с большой осторожностью, учитывая все предшест-

вующие находки на этой территории, историческую обстановку данной эпохи в целом, дальнейшее развитие племенных групп, то есть весь культурно-исторический контекст, в котором исследуется данное погребение.

Кроме украшений в могилах находят различные бытовые вещи — ножи, кресала, гребни (в древности их постоянно носили при себе, как мы сейчас — перочинный нож, расческу и т. п.). В погребениях мужчин-воинов можно обнаружить оружие — наконечники копий и стрел, топоры, изредка мечи, иногда захоронения коня в полной сбруе. В рядовые могилы сельского населения иной раз клали орудия труда — косы, серпы, рабочие топоры.

Как и погребальный обряд, вещи позволяют определить социальное положение погребенного, его принадлежность к тому или иному племени или особой социальной группе (различают погребения воинов, торговцев, земледельцев и т. д.). В целом же погребальные комплексы в сочетании с материалами поселений позволяют более или менее детально определить территории древних племен, направления их расселения, характер связей, общественную структуру.

Прежде чем сделать все эти выводы, археолог должен упорядочить, систематизировать весь материал, полученный в ходе раскопок, а часто — и результаты раскопок многих исследователей за много лет. Всю совокупность находок разделяют по назначению вещей на категории (ножи, топоры, конья, браслеты, подвески, горшки и т. д.). Внутри категорий выделяются типы вещей — устойчивые формы, связанные одними и теми же общими признаками (например, проволочные височные кольца с завязанными внахлест концами — „браслетообразные кольца”; или проволочные кольца с расклепанными вдоль проволоки овальными шитками — „ромбошитковые” и т. д.). Типы характеризуют эпоху, уровень производства, тради-

ции определенных древних коллективов (родов, племен и других этно-социальных групп).

Вещи, найденные в одной и той же яме, жилище и пр., то есть попавшие в землю одновременно, составляют археологический комплекс. Каждый памятник представляет собой, по сути дела, комбинацию комплексов, характеризующихся определенными типами вещей.

Древний коллектив, занимавший определенный микро-район в ландшафте, оставил после себя комплект памятников: топографически связанные и одновременно функционировавшие поселение, могильник, места производственной деятельности (поля, угодья, мастерские, работы), культовые места (святилища), коммуникации (водные и сухопутные дороги). В идеальном случае такой полностью сохранившийся и изученный комплект позволяет представить все стороны жизни отдельной общины. Однако такая полная сохранность — случай сравнительно редкий, чаще археологи ограничиваются частичным изучением отдельных памятников из разных комплексов.

Памятники и комплексы памятников, состоящие из сходных или взаимосвязанных комплексов, содержащих одни и те же типы и категории вещей, относящиеся к непрерывному отрезку времени и занимающие сплошную территорию (ареал), объединяются в археологическую культуру. Каждой культуре присваивают особое название, образованное либо от названий характерных памятников (например, корчакская культура — от могильника и поселений у села Корчак), либо от типичных форм и категорий вещей (культура штрихованной керамики).

Археологическая культура представляет собой конечное звено систематизации материала, основную историческую единицу, которой оперируют исследователи. Нередко культуры отождествляют с народами и племенами, этносом. По распространению культуры судят о территории, занятой народом, о путях его расселения и т. д. Такое отожде-

ствление, в ряде случаев правомерное, нельзя принимать безоговорочно. В эпохи интенсивных взаимодействий, переселений, активных культурных связей у различных народов могли появиться общие обычаи, формы вещей, технические новинки, моды, что и определит облик материальной культуры, лежащей в основе культуры археологической; она может быть единой для нескольких разных по происхождению племен. Для определения ее этнической принадлежности необходимо привлечение лингвистических, исторических, антропологических данных.

Исторический процесс археолог воспринимает как процесс развития и смены культур. Такова специфика археологических источников — в движении вещей, комплексов, изменениях материального облика древних обществ своеобразно преломляется их экономическая, социальная, политическая история.

Древности Русской земли

*Д*ревнейшие достоверно славянские памятники на территории нашей страны относятся к VI в. Это — корчакская культура, распространенная на правобережной Украине, к югу от Припяти¹². К северу от нее в лесной зоне Восточной Европы известно несколько археологических культур, связанных с балтскими или финно-угорскими племенами. В Литве и Белоруссии существовала в первых веках нашей эры так называемая культура городищ со штрихованной керамикой (глиняной посудой, покрытой частыми косыми расчесами). Такая керамика типична для древних балтов. На Смоленщине и южной Псковщине распространены городища днепро-двинской культуры, также оставленной балтами. Далее на север, от

Рижского залива до Среднего Поволжья и Приуралья, обитали финно-угорские племена, оставившие после себя городища и селища с текстильной керамикой, покрытой своеобразным узором, напоминающим отпечатки грубой ткани.

В пределах этого массива выделяют особые археологические культуры, например дьяковскую в бассейне Верхней Волги и Оки.

На Северо-Западе России, на территории нынешних Ленинградской, Псковской, Новгородской областей, памятники дославянского населения изучены еще недостаточно. На некоторых городищах и селищах найдена текстильная и штрихованная керамика наряду с гладкой, неорнаментированной. Такое сочетание напоминает, с одной стороны, памятники дьяковской культуры, с другой — та же картина на некоторых городищах Эстонии. Обычно считают, что финно-угорские племена испытали влияние культуры соседних балтов, в частности, позаимствовал у них обычай покрывать посуду штриховкой.

Все эти памятники существовали с середины I тысячелетия до нашей эры до VI—VII столетий.

Казалось бы, эти культуры раннего железного века оставлены никому не известными народами, исчезнувшими во тьме веков. Но это не так. В V в. нашей эры далеко на западе Европы, в Тулузе, придворный хронист вестготских королей Аблавий составил подробное описание Восточной Европы. Сочинение Аблавия не сохранилось, но отрывки из него другой готский историк, Иордан, в 551 г. включил в свою книгу „О происхождении и деяниях гетов“. Так, наряду со сведениями о славянах, хорошо знакомых Иордану, до нас дошли имена народов „Thiudos“, „Vas“, „Merens“, „Mordens“, в которых без труда можно узнать „чудь“, „весь“, „мерю“, „мораву“ русских летописей. Следовательно, по крайней мере 500 лет, с V по IX—X вв. на окраинах Восточной Европы существовали племена или

союзы племен, достаточно крупные, если о них узнали на другом краю континента.

В большинстве своем эти объединения распались в конце I тысячелетия, по мере расселения в лесной зоне славян. Чудь, по-видимому, была первым финно-угорским племенем, с которым встретились славяне, — это имя стало нарицательным для финно-угров вообще. Так стали называть и эстонские племена, и весь, и другие финно-язычные народы Севера, Приуралья, Западной Сибири. Первоначальные носители этого имени слились со словенами ильменскими. И пока археологи не могут отчетливо выделить археологические культуры, которые точно соответствовали бы названиям народов V—VI вв.

Дело в том, что в последней четверти I тысячелетия нашей эры ситуация в Восточной Европе резко меняется. На рубеже VII—VIII вв. начинается активное движение славян — на широкой территории распространяются славянские селища, городища и курганные могильники. В курганах славян — погребения по обряду сожжения на ступе, на поселениях — однотипные жилища, полуземлянки квадратной формы размером 3,5×4 м, с печкой-каменкой в углу. Лепная керамика — высокие, стройных пропорций неорнаментированные горшки пражского типа — сменяется посудой, изготовленной на гончарном круге и украшенной волнисто-линейным орнаментом. Формируются новые славянские культуры в Днепровской лесостепи — роменско-боршевская на Левобережье, культура типа Луки-Райковецкой — на правом берегу Днепра¹³.

Славянские культуры VIII—IX вв. базируются на высокопроизводительном пашенном земледелии (у народов лесной зоны в ту пору господствовало более примитивное, подсечное земледелие). Уже в VIII в. в славянских землях появляются укрепленные усадьбы военных вождей, выделяются дружины. В Среднем Поднепровье скапливаются богатые клады серебряных украшений, арабских монет —

дирхемов. Создаются предпосылки для образования первых предгосударственных объединений, „племенных княжений” восточных славян.

Несмотря на крепнущую власть племенных князей, подавляющее большинство славян в эту эпоху — свободные общинники-земледельцы. Именно они осуществляли широкое освоение лесостепной и лесной зон. Поселения славян появляются на землях балтов, постепенно распространяясь все дальше на север. Одновременно в лесной зоне



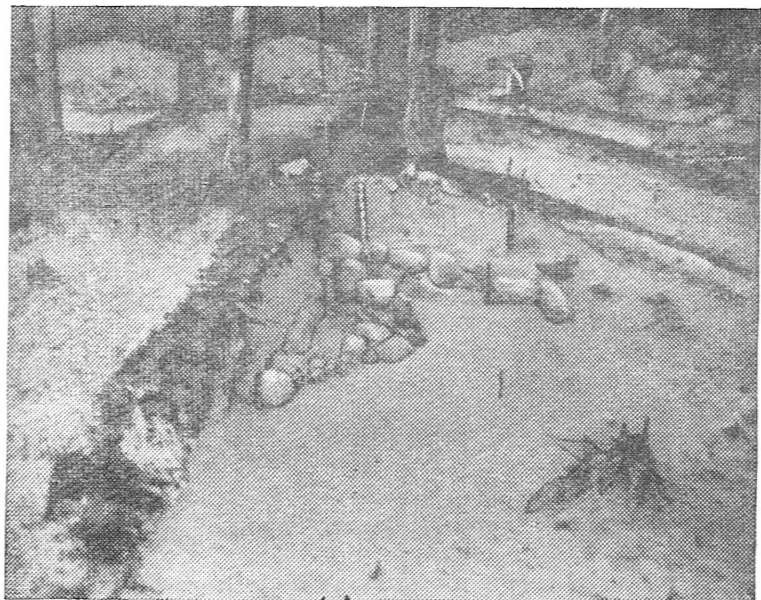
Женский и мужской уборы словен племенных. Реконструкция по данным раскопок курганов X—XIII вв.

становится господствующим курганный обряд погребения, ранее здесь почти неизвестный. Начиная с VI—VII вв. на Северо-Западе стали сооружать сопки и длинные курганы¹⁴.

Многие исследователи связывают длинные курганы со славянским племенем кривичей, а сопки — со словенами ильменскими. Однако детальный анализ тех и других памятников заставляет отказаться от такого отождествления¹⁵. Длинные курганы, распространенные на широкой территории, нельзя связать с одним племенем. На Смоленщине и в Белоруссии они образуют особую культуру смоленских длинных курганов, в формировании которой активно участвовало неславянское, балтское население, в VIII—IX вв. лишь частично смешавшееся со славянами¹⁶.

Курганы Псковской, Новгородской и Ленинградской областей отличаются от смоленских. Они на 100—200 лет старше. Находки — каменные огнива, мелкие бронзовые нашивные „бляшки-скораупки”, грубые лепные горшки баночной формы близки древностям V—VII вв. у западных финно-угров, прежде всего эстов¹⁷. Некоторые детали устройства — каменные кладки внутри кургана — сближают эти памятники с прибалтийскими могильниками, отличая их от смоленских курганов. Наконец, повсеместно северные длинные курганы сочетаются с сопками — на Мсте и Луге, Плюссе и Великой, Западной Двине и Верхней Волге. Это было бы понятно, если бы кривичи и словене жили чересполосно, но летописец строго разграничивал их территории.

Сопки известны как на территории распространения северных длинных курганов, так и за ее пределами. Особенно много их в бассейне озера Ильмень, на реках Ловати, Поле, Мсте, Луге. Отдельное скопление сопок находится в нижнем течении Волхова. Насыпи того же типа известны в бассейне реки Сяси в южном Приладожье.



*Раскопки длинного кургана в 1971 г. в урочище Боровское Купалище
на Черменеуком озере.*

Раскопано несколько десятков сопок — из более чем 500 групп и одиночных насыпей. (В основном работы велись до революции, и документация их не удовлетворяет сегодня ученых.) В некоторых сопках погребений не обнаружено. В других найдены остатки сожжений, в сопках на Ловати открыты сложные каменные конструкции, венцы, вымостки, жертвенники из валунов.

Наряду с останками человека в сопках находят кости жертвенных животных (лошади, собаки, зайца, птиц), иногда — медвежьи фаланги (остатки лап). Керамика и

вещи из сопок изучены слабо, принятая в науке датировка сопок VII—IX вв. основана на немногих находках близ Старой Ладоги.

Сопки действительно известны на земле летописных словен. Но далеко не все исследователи считают их славянскими памятниками. Дело в том, что, во-первых, ареал (область распространения) сопок точно совпадает с ареалом древней западнофинской гидронимии (названий рек, происходящих из языка, близкого языкам эстонцев и финнов-суоми). Значит, когда-то точно в пределах территории, занятой сопками, жило неславянское население. В этих же границах распространены жальники XI—XIV вв., отличающиеся от древнерусской курганной культуры.

Во-вторых, многие черты обряда (каменные венцы, захоронения лошади и др.) совпадают с ритуалами финно-угорских и балтских могильников и неизвестны в славянских памятниках других районов. Одно из двух: либо создатели сопок, словене, уже в VII—IX вв. заметно смешались с иноязычными соседями, либо, как писал один из первых отечественных славистов, сопки сооружены „еще прежде, до прибытия славянских племен в сии страны”¹⁸.

Потомки создателей сопок и длинных курганов, несомненно, вошли в древнерусскую народность. Однако детально проследить этот переход до сих пор не удалось. Там, где распространены длинные курганы и сопки, почти не раскапывались другие памятники — небольшие круглые курганы с сожжением и городища. Между тем вполне возможно, что именно здесь следует искать ответ на вопрос о времени появления славян. Именно среди многочисленных круглых насыпей И. И. Ляпушкин предлагал выделить „достоверно славянские памятники” VIII—IX вв.¹⁹.

Городища и полусферические курганы с сожжением характеризуют славянскую культуру IX—X вв. на всей

территории Древней Руси. IX столетие — время динамичных и бурных процессов, завершившихся образованием Древнерусского государства, становлением городов, выделением „дружинной” раннефеодалной культуры, противостоявшей „земским”, племенным²⁰.

Формировавшаяся Древняя Русь вступала в активные контакты с соседями — Хазарским каганатом, на территории которого сложилась в VIII—IX вв. богатая и яркая салтово-маяцкая культура, финно-угорскими племенами Поволжья, Прибалтикой, Скандинавией. В VIII в. устанавливаются торговые связи восточноевропейских племен с Арабским халифатом. На рубеже VIII—IX вв. восточное серебро проникает в глубь славянских земель, достигает берегов Балтики. С севера по речным торговым путям проникают на Русь норманны — скандинавские вещи и отдельные погребения известны на Волхове, Волге, в междуречье Западной Двины и Днепра с IX в.

В начале IX в. завершается образование первого раннегосударственного объединения восточных славян — „Русской земли” на Среднем Днестре. Область племени полян с центром в Киеве стала ядром Древнерусского государства. Во второй половине IX столетия процесс формирования государственности охватил все восточнославянские земли. В IX — начале X в. на важнейших водных магистралях Волхове, Днестре, Волге возникли открытые, не имевшие укреплений торгово-ремесленные поселения, а при них огромные так называемые дружинные могильники. Развиваются первые города. По материалам этих центров можно проследить, как складывается культура древнерусской знати, объединившая и синтезировавшая местные племенные (славянские, балтские, финно-угорские), пришлые варяжские, а также восточные, византийские и другие элементы.

С X столетия Древняя Русь это уже не просто конгломерат племен с племенными культурами. На фоне массо-

вых, сельских курганных могильников с распространявшимся в XI в. обрядом трупоположения, характерными этнографическими наборами украшений выделяются памятники новых общественных групп — древнерусские города Киев, Чернигов, Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск с мощными укреплениями детинца — кремля, богатым торгово-ремесленным посадом, кладбищами с захоронениями вооруженных княжеских дружинников. Наряду с культурами словен и кривичей, древлян и радимичей развивались городская и феодальная культуры русского средневековья.

*Археологические
культуры
на территории
нашей
области*

В Ленинградской области зарегистрировано более 400 археологических памятников. Наиболее массовой и изученной их категорией до сих пор остаются курганы X—XIII вв., в меньшей степени исследованы сопки, еще в меньшей — длинные курганы. В области насчитывается более 350 курганных и курганно-жальничных могильников, несколько десятков жальничных групп, примерно в 40 пунктах и урочищах известны сопки (группы и одиночные насыпи). Во всех этих могильниках ориентировочно сохранилось 10—15 тысяч насыпей, из них исследовано около 6 тысяч. Находки из курганов Ленинградской области, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее в Москве, Музее истории Ленинграда, Староладожском историко-краеведческом музее, составили значительную часть общерусского фонда курганных древностей.

Этот фонд накапливался в течение более 100 лет. Древние поселения дореволюционными археологами почти не изучались. Поиски и раскопки рядовых селищ и городищ были начаты лишь в советское время. До последних лет на территории области не были исследованы памятники середины — третьей четверти I тысячелетия (V—VII вв.). Лишь в 1970—1972 гг. экспедиция Староладожского музея под руководством В. П. Петренко обнаружила и раскопала близ деревни Горчаковщина на правом берегу Волхова ниже Старой Ладogi небольшое древнее селище. В нижнем слое поселения найдена лепная, сделанная от руки, без применения гончарного круга, керамика с отпечатками грубой ткани или с небрежной штриховкой. В верхнем слое она сменяется лепной неорнаментированной керамикой, которую относят обычно к VI—IX вв.²¹.

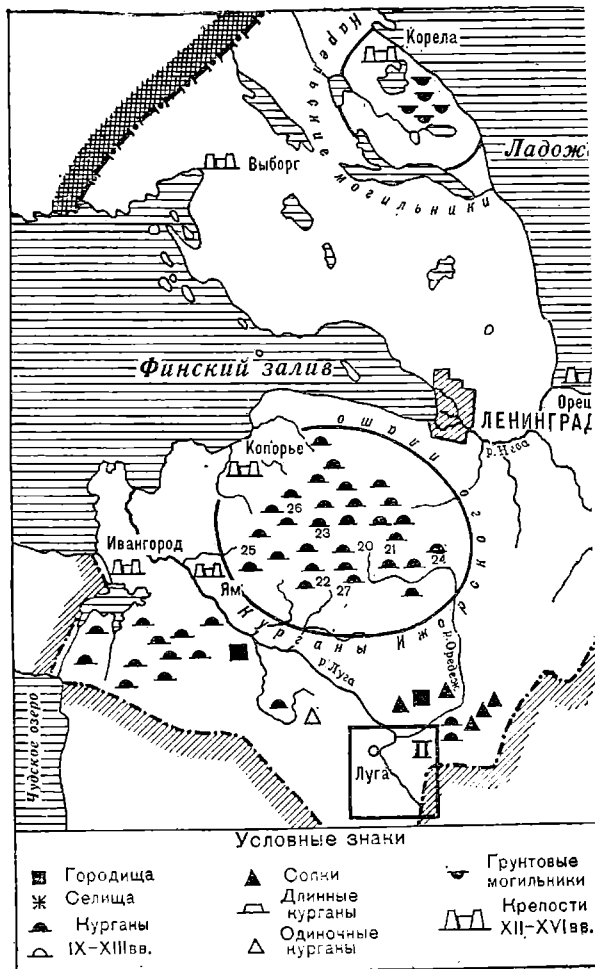
Подобные поселения обнаружены и в других местах на Волхове, в Ленинградской и Новгородской областях. Обычно это селища на высоких берегах рек или естественных возвышенностях. Население их, судя по находкам, занималось охотой, скотоводством, примитивным огневым (подсечным) земледелием без применения железных пахотных орудий. Эти коллективы, входившие в состав финно-угорских племен, до последней четверти I тысячелетия жили в условиях патриархально-родового строя небольшими общинами.

Неясна связь поселений с памятниками последующего времени. Распространенная во второй половине I тысячелетия лепная керамика слабо изучена: пока трудно выделить формы, по которым мы могли бы различать отдельные культуры на Северо-Западе. В частности, нет оснований для сравнения керамики селищ с посудой из погребальных памятников, длинных курганов и сопок.

Длинные курганы известны на юге Ленинградской области, в Верхнем Полужье. Раскопки здесь проводились

Карта археологических памятников Ленинградской области:

- 1—Старая Ладога, крепость; 2—Земляное городище; 3—урочище Победище; 4—урочище Плакун; 5—р. Любша; 6—д. Горчаковщина; 7—урочище Сопки; 8—д. Рапти; 9—курганы между о.д. Рапти—Наволоч; 10—урочище Боровское Кулаще; 11—д. Репьи; 12—д. Наволоч; 13—Петровский погост; 14—д. Запорежье; 15—д. Конезерье; 16—Городец под Лугой; 17—д. Новые Дубовики; 18—д. Октябрьское; 19—Городище на Волхве; 20—д. Извара; 21—д. Даймище; 22—д. Озертицы; 23—п. Волосово; 24—п. Сиверская; 25—д. Мануйлово; 26—д. Долосцы; 27—д. Калитино; 28—Городище на Сяси; 29—р. Кумбита; 30—д. Усть-Рыбужна; 31—д. Вихмесь; 32—р. Сязнига; 33—д. Новая; 34—д. Вахрушево; 35—д. Мозолово.



в начале нашего века, новые исследования были начаты в самые последние годы.

Значительно шире изучались археологами сопки, сосредоточенные на Волхове, в Верхнем Полужье и в бассейне реки Сяси. Наиболее исследованы сопки в окрестностях Старой Ладоги — здесь в нескольких группах насчитывалось до 70 насыпей, из которых около 20 раскопано. Именно ладожские сопки дали основной материал, по которому обычно характеризуют этот тип насыпей.

Городища, как и селища, на территории Ленинградской области не раскапывались до 1970 г. Они сосредоточены главным образом на юге области, в Верхнем Полужье (шесть памятников). Четыре городища сохранились на Волхове, одно — на Сяси в Приладожье, одно — на Ижорском плато. К сравнительно позднему времени относятся городища у деревни Кайболово в районе крепости Копорье, у деревни Городище на реке Лавуе близ станции Жихарево (в зоне Глинты). Неизвестна датировка городища на реке Чагоде (южное Приладожье).

Почти все городища Ленинградской области, затронутые раскопками, дали материалы, относящиеся не ранее чем к IX в. Следовательно, они возникли в эпоху образования Древнерусского государства и так или иначе связаны с продвижением в северные земли основавших это государство славян.

С появлением древнерусских городищ начался новый этап истории Северо-Запада. Памятники VI—IX вв., сопки и длинные курганы сменяются курганными культурами X—XIII столетий.

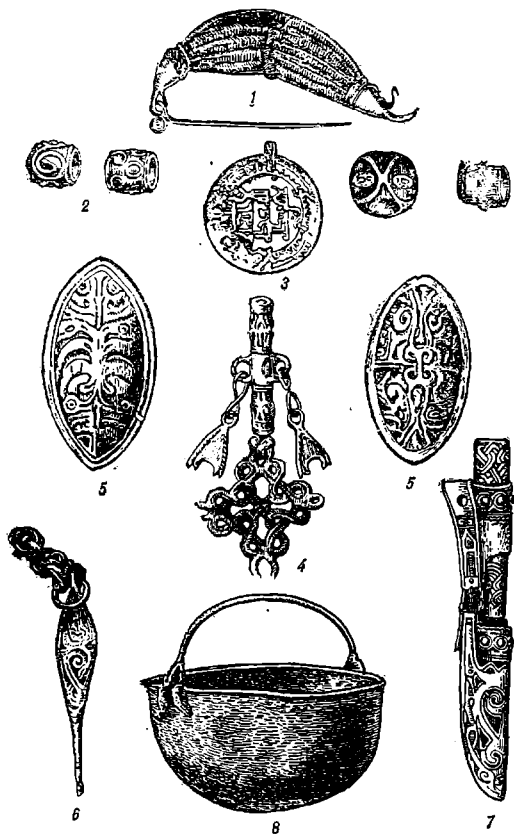
Древнерусские курганы X—XIII вв. плотно занимают плодородные земли Ижорского плато. Здесь обследовано более 120 курганных групп, насчитывающих от 10 до 1000 насыпей. Около 30 групп известно в Верхнем Полужье. Самые ранние курганы содержали остатки сожженных, в подавляющем большинстве насыпей открыты тру-



Раскопки древнерусского кургана в могильнике у д. Конезерье в 1974 г.

положения XI—XIII вв. Обычные для словен новгородских признаки обряда (западная ориентировка, ромбо-щитковые височные кольца) сочетаются с некоторыми специфическими чертами — каменными конструкциями, украшениями финно-угорских типов. Очевидно, в составе населения Ижорского плато были не только славяне, но и представители местных племен — ижоры и води²². Собственно водские и ижорские памятники (как полагают, грунтовые могильники) пока остаются неисследованными.

По данным раскопок XIX в. известны грунтовые могильники карел. Они сосредоточены на Карельском перешейке в районе Приозерска (летописной Корелы). Датируются карельские могильники XII—XIV вв. В погребениях найдены замечательные по своим художественным досто-



Женские украшения и утварь из карельских
могильников:

1 — головная заколка «сукеро»; 2 — бусы; 3 — подвеска, сделанная из серебряной монеты, — дирхема; 4 — «шумящие» подвески; 5 — скорлупообразные фибулы карельского типа; 6 — ухвертка; 7 — нож в ножнах; 8 — котел.

иствам металлические украшения. При всем их своеобразии в орнаментации проявляется влияние новгородского ювелирного искусства, что свидетельствует о тесной связи населения Карельского перешейка с Новгородом Великим.

В южном Приладожье X—XII вв. сложилась особая культура приладожских курганов, по обряду, набору вещей, топографии могильников резко отличная от древнерусских памятников Ижорского плато и Верхнего Полужья. Здесь насчитывается примерно 1200 насыпей (из них более 400 раскопано). Небольшими группами они разбросаны по берегам Сяси, Паши, Ояти и их притоков. В XII в. культура приладожских курганов перестала развиваться,

что, по-видимому, было связано с колонизацией края новгородцами.

Самый яркий и значимый из памятников Ленинградской области — Старая Ладога, „археологическая жемчужина” северо-западной Руси. Здесь на небольшом пространстве сосредоточен великолепный ансамбль — древнерусские храмы XII—XVII вв., каменная крепость, обширное поселение, сопки, курганные и грунтовые могильники. Культурный слой Старой Ладоги по крайней мере на 100 лет старше первых отложений Новгорода. В окрестностях поселения и на его территории найдены самые ранние на Северо-Западе клады арабских и иранских монет, свидетельствующие о заметной роли Ладоги в международной торговле IX в.

Чем ярче памятник, тем сложнее и шире



Украшения и оружие из мужских карельских погребений:

1 — подковообразная фибула; 2 — наборный пояс; 3 — разделители ремней; 4 — меч; 5 — топор; 6 — копьё.

связанные с ним проблемы. Старая Ладога по праву стала местом первых раскопок в России, и каждый новый этап археологического изучения Северо-Запада был тесно связан с новыми открытиями и исследованиями в Старой Ладоге. Они продолжают по сей день — каждое поколение археологов стремится сделать новый шаг в изучении далекого прошлого Верхней Руси.

Исследователи и проблемы

Первые раскопки в окрестностях нашего города были проведены в 1708—1709 гг. петербургским пастором Вильгельмом Толле. Он исследовал курганы в Старой Ладоге. Интерес к древностям в Петербурге петровского времени не был случайным: 13 февраля 1718 года был издан указ, по которому в Кунсткамере — первом российском музее — наряду с прочими раритетами надлежало собирать „старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное ружье (оружие. — *Авт.*), посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно”.

Прошло, однако, около 100 лет, прежде чем русские ученые перешли от коллекционирования к систематическому изучению славянских древностей.

Патриотический подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., проявился в возросшем интересе к русской истории. Постепенно формируется и научное отношение к вещественным древностям, к археологии (термин, обозначающий эту науку, ввел в русскую литературную речь в 1817 г. Н. Ф. Кошанский, переводчик французского руководства по археологии, один из преподавателей царского Лицея).

Первым ученым, занявшимся широким изучением археологических памятников северо-западной России, стал

один из основателей научного славяноведения Адам Чарноцкий (1784—1825), более известный под псевдонимом Зориана Доленго-Ходаковского. Поляк по рождению, Ходаковский основные свои труды создал в России. Его хорошо знали в кругах петербургской и московской интеллигенции начала XIX в. Современник Карамзина и Пушкина, нескольких недель не доживший до восстания 14 декабря 1825 г., Ходаковский был носителем тех же демократических, республиканских идеалов, которые вдохновляли декабристов.

Он писал о вольной, языческой „дохристианской Славянщизне“, о свободном союзе равноправных и независимых общин, раскинувшемся в древности на огромном пространстве от Вислы до Волги. Следы эпохи славянского единства и славянской „вольности“, той вольности, которой посвящали оды Радищев, Пушкин и Рылеев, Ходаковский стремился отыскать не в официальных летописях и хрониках, а в живой народной культуре, быте и языке, обычаях, преданиях и памятниках, которые хранит славянская земля.

В 1818 г. Ходаковский писал в одном из научных журналов: „Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, которые делаются в земле,— эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах. Снимем планы с положений местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд или его лекарки в разных краях дают растениям, соберем, сколько возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды”²³. Это — едва ли не первая в славяноведении широкая, как мы бы сейчас сказали, комплексная программа, объединявшая цели и методы археологии и этнографии, исторической географии и лингвистики, фольклористики

и геральдики. Ходаковский не ограничился выдвижением программы, через несколько лет он приступил к ее практическому осуществлению и отдал этому делу все свои силы.

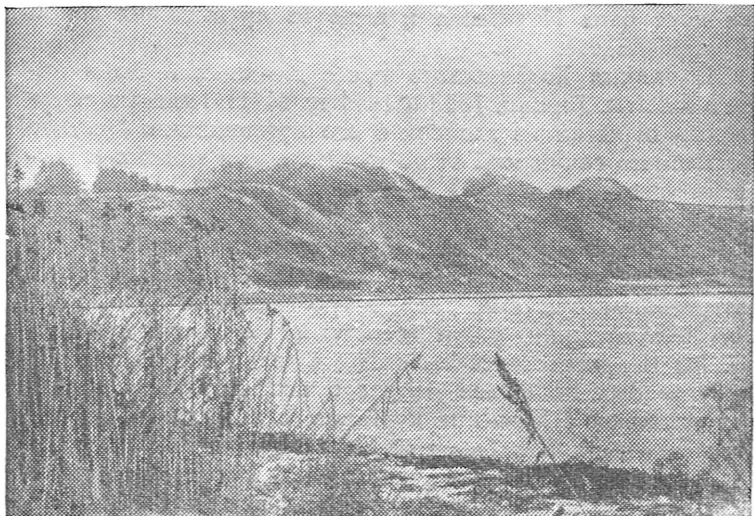
В 1820 г. Ходаковский опубликовал „Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории”. В 1824 г. он отправился в путешествие по северо-западным губерниям. Болезнь и смерть прервали начатую работу.

В архиве Ходаковского остался словарь славянских географических названий, насчитывавший 1350 терминов, записи более 1000 украинских народных песен (к ним позднее обращался Н. В. Гоголь). Известный русский историк М. П. Погодин в „Древней русской истории до монгольского ига” опубликовал карты городищ, выявленных Ходаковским. Так археологические памятники древних славян впервые вошли в историческую науку.

Конечно, в „исторической системе Ходаковского”, о которой с уважением отзывались и Погодин, и видный славист П. Шафарик, многое, с современной точки зрения, наивно и несостоятельно. Древние городища он считал святилищами славянских общин. Вокруг каждого городища, по мнению Ходаковского, должны располагаться урочища, заповедные места и угодья, посвященные языческим богам. Имена этих общеславянских богов, полагал исследователь, отразились в названиях местностей.

Однако при этом Ходаковский собрал огромный фактический материал, его данные до сих пор используются археологами. Едва ли не первым он обратился к истории славян как народа — не князья и короли, а простые земледельцы оставили все эти городища и урочища.

Современники отмечали его удивительную, редкую способность находить общий язык с простыми людьми. В свою очередь, сам Ходаковский с уважением писал о русских крестьянах: „Каким названием почту я тот класс лю-



Сопки Старой Ладоги. В центре — насыпь, раскопанная З. Ходаковским.

дей, которых крепкая длань обрабатывает наши поля и защищает государство; сему-то трудолюбивому классу обязан путешественник большею половиною своих приобретений. Крестьянин повсюду признателен за доброе приветствие, не зная, что такое прения ученые и какой будет результат; он сейчас повел меня на свою любимую горку *городищенскую* и охотно пересказал все названия во-круг”²⁴.

Археологические изыскания Ходаковского проходили на территории современной Ленинградской области и в ближайших окрестностях Новгорода. Им раскопаны, в частности, две сопки — „могила Гостомысла” на Волото-

вом поле близ Новгорода и одна из крупнейших сопок в Старой Ладоге.

Начинания Ходаковского после его смерти были надолго забыты. Лишь в 1838 и 1844 гг. М. П. Погодин опубликовал отрывки из записок о его путешествии. Полную публикацию сочинений этого выдающегося ученого-слависта осуществили в 1967 г. ученые Польской Народной Республики.

Планомерное изучение славяно-русских древностей Северо-Запада началось в 70-х гг. прошлого века. В то время центральным органом, координировавшим и направлявшим исследования, стали всероссийские съезды археологов. На II археологическом съезде в декабре 1871 г. в Петербурге был поставлен вопрос о необходимости серьезных раскопок славянских курганов, с антропологическим изучением останков (один из первых примеров „вторжения” естественных наук в археологию!). Русское археологическое общество (основанное в Петербурге в 1846 г.) обратилось в Медико-хирургическую академию с просьбой выделить квалифицированного сотрудника в помощь археологам. Профессор Ф. П. Манцерт рекомендовал молодого врача А. К. Ивановского, окончившего курс в 1869 г. с золотой медалью, — тогда он был ассистентом при кафедре описательной анатомии.

С именем Льва Константиновича Ивановского связан особый период в изучении памятников современной Ленинградской области. Двадцать лет жизни исследователь посвятил раскопкам курганов на Ижорском плато. За одиннадцать полевых сезонов, с 1872 по 1885 г. было раскопано 5877 курганных насыпей в 127 могильниках. В науке XIX в. немного работ такого масштаба и значения.

Опубликовать результаты своих раскопок ученый не успел: обработка многих тысяч погребальных комплексов с десятками тысяч вещей потребовала нескольких лет и огромного напряжения сил. Материалы Ивановского были

изданы лишь четыре года спустя после его смерти, в 1896 г.²⁵.

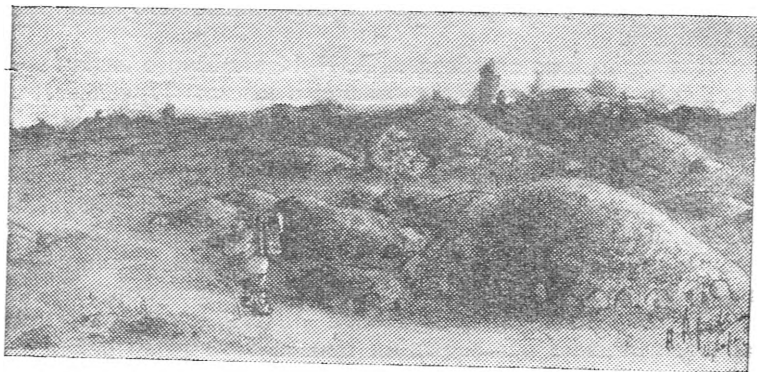
Одновременно с работами А. К. Ивановского на Ижорском плато начались исследования в южном Приладожье. Их осуществлял директор Артиллерийского музея генерал-майор Николай Ефимович Бранденбург. С 1878 по 1884 г. он раскопал около 150 курганов, провел детальные обмеры и раскопки каменной крепости в Старой Ладоге. Фундаментальные публикации этого выдающегося археолога²⁶ вплоть до наших дней остаются важнейшим источником при изучении древнего прошлого нашей области.

В устье Волхова, близ Новой Ладоги, интереснейшие археологические исследования провел замечательный русский геолог А. А. Иностранцев. Его монография „Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера“, изданная в Петербурге в 1882 г., — один из редких в археологии того времени примеров естественнонаучного подхода к ископаемым древностям.

Одновременно с русскими исследователями юго-восточного Приладожья на западном побережье Ладожского озера вел раскопки карельских грунтовых могильников известный финский археолог Т. Швиндт²⁷.

Материалы раскопок 1870—1880 гг. послужили основой для первых научных обобщений. Однако археологи того времени ставили перед собой ограниченные задачи, стремясь дать по возможности законченное описание древнего быта, общего уровня культуры и некоторых, прежде всего погребальных, обычаев.

Более глубокие исторические проблемы российская археология начала выдвигать в конце XIX — начале XX в. Археологи ищут следы отдельных славянских племен, реальных исторических событий, соотносят данные раскопок и летописей. Археология этого времени тесно связана с художественной культурой, искусством, историей архитектуры, реставрацией памятников.



*Курганы Ижорского плато.
Рисунок Н. К. Рериха. 1896 г. Публикуется впервые.*

В связи с этим следует назвать имя Николая Константиновича Рериха. Замечательный русский художник был также известным специалистом в области славяно-русской археологии. Еще в юношеские годы на мызе Извара, в имении отца, Рерих в летние месяцы принимал участие в раскопках А. К. Ивановского.

В 1894 г. двадцатилетний Николай Рерих обнаружил и исследовал первый (и до сих пор единственный на Ижорском плато) грунтовый могильник с сожжениями близ мызы Извара²⁸. Позднее, в 1900-х гг., он ведет работы на Ижорском плато, на Валдае, по берегам Шелони и Великой. Профессионализм археолога у Н. К. Рериха прекрасно сочетался с мастерством художника. Чертежи раскопок, рисунки, наброски и профили, полевые зарисовки Рериха до сих пор остаются первоклассным научным источником. Живое, поэтическое и проникновенное восприятие древности, стремление уловить дух эпохи — вот что объединяет

археологические изыскания и художественное творчество Н. К. Рериха.

Он писал: „История неотразимо привлекает к себе художника; словно безжалостная водяница, завлекает она его в свои глубины, но чуть отзовись он, поддайся этому течению, и без помощи младшей сестры истории — археологии, наверно, погибнет в прекрасных омуты. При современном реальном направлении искусства и новейших идеально-реальных стремлениях значение археологии для исторического изображения растет с каждой минутой. Для того чтобы историческая картина производила впечатление, необходимо, чтобы она переносила зрителя в минувшую эпоху; для этого же художнику нельзя выдумывать и фантазировать, надеясь на неподготовленность зрителей, а в самом деле надо изучать древнюю жизнь, как только возможно, проникаться ею, пропитываться ею насквозь... При таком же отношении, единственным оплотом является археология, в особенности теперь, когда в художественных изображениях психология отдельных характеров заменяется изображением жизни более сложных организмов... Теперь изображения острого, определенного события сменяются изображениями культурной жизни известного периода в ее наиболее типичных проявлениях... создание типичного момента древней жизни иллюстрирует целую эпоху. Конечно, последняя задача значительней и поэтичнее первой, но зато она сопряжена с большими трудностями, требует от автора специальной исторической подготовки, заставляет художника стать до некоторой степени ученым археологом”²⁹.

Творчество самого Н. К. Рериха — блестящий пример решения этих задач. Произведения художника 1890—1910 гг. — „Гонец”, „Заморские гости”, „Город строят”, „За морями земли великие”, его позднейшие работы, посвященные Древней Руси, — „Поход Игоря”, „Весна Священная” — поражают не только точным знанием архео-

лого-этнографических деталей. Прежде всего, это глубокие историко-художественные обобщения „жизни целой эпохи”. Они раскрывают нам древнюю жизнь в ее неповторимых, но при этом типичных особенностях и подробностях, в вечном и непрерывном движении. Талант-живописца и знания ученого — это сочетание делает полотна Рериха не только произведениями искусства, но и своеобразным научным документом: в них воплощены возможности археологии как особой гуманитарной науки. От фиксации следов древних событий к их мысленному восстановлению во всей их конкретности и типичности — вот тот путь, который так или иначе должен проделать каждый исследователь-археолог. У Рериха эти „реконструкции” отличаются не только высокой степенью научной достоверности, они художественно убедительны. Археология в произведениях Рериха как бы говорит с современниками языком живой истории.

Реконструкция конкретных событий — один из путей перехода от археологического исследования к собственно историческому. Не меньшее значение имеют реконструкция и изучение процессов, обобщение массового материала. На рубеже XIX и XX вв. огромная работа в этом плане была проделана А. А. Спицыным.

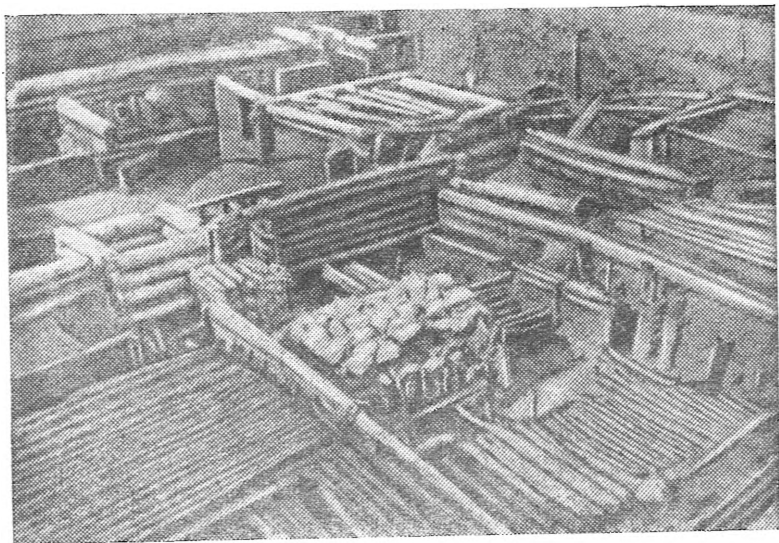
Александр Андреевич Спицын — выпускник Петербургского университета, затем десять лет преподававший на родине, в Вятке, с 1892 г. стал сотрудником Археологической комиссии (государственного учреждения, с 1859 г. контролирувавшего деятельность археологов).

Трудно назвать область археологии, в которую А. А. Спицын не сделал бы замечательный вклад, — он был исключительно знатоком древностей эпохи бронзы, скифских, сарматских, народов Поволжья и Приуралья. Особенно значителен вклад Спицына в развитие славяно-русской археологии. В 1899 г. он выступил с исследованием племенных территорий древних славян, в котором

анализировал распространение характерных форм украшений (височных колец). В итоге в распоряжение историков была предоставлена археологическая карта, на которой очерчены земли каждого из восточнославянских племен в X—XI вв. Скупые сведения летописи можно было проверить и дополнить, пользуясь вещественными источниками³⁰.

Именно Спицын дал исторические характеристики почти всех категорий и видов археологических памятников Северо-Запада, включая и Ленинградскую область. Многие из его выводов актуальны и сегодня.

В последние предреволюционные годы раскопки курганов Северо-Запада вели С. С. Гамченко, В. Н. Глазов,



Раскопки Н. И. Ренникова в Старой Ладоге в 1910 г.

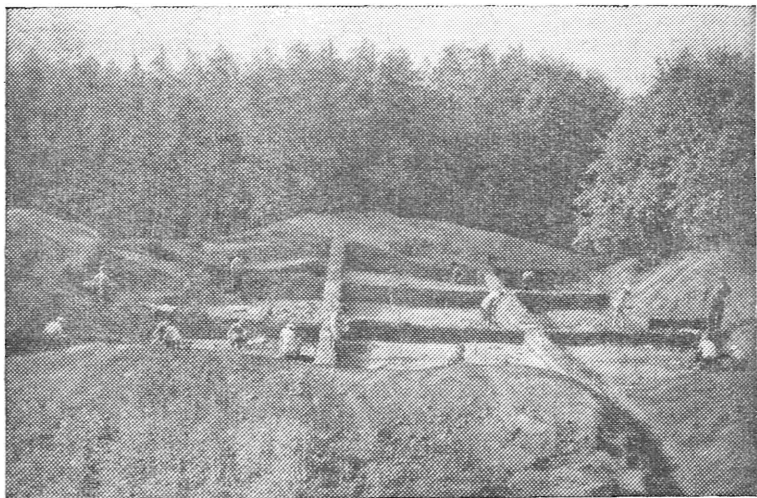
А. И. Колмогоров, А. Н. Целепи. В 1909 г. молодой тогда археолог Н. И. Репников приступил к исследованию Земляного городища Старой Ладogi. Это был один из первых в России опытов систематических раскопок древнерусского города.

Новые перспективы открылись перед отечественной археологией после победы Великого Октября. В 1918 г. Археологическая комиссия была преобразована, а 18 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет, учреждавший в Петрограде Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК, позднее ГАИМК). Академия стала школой первого поколения советских археологов; преемники ГАИМК — современный Институт археологии Академии наук СССР и его Ленинградское отделение (ЛОИА).

Коренным образом изменились задачи археологов. На первый план выступило изучение глубинных закономерностей общественных процессов, „развитие материальной культуры в сплетении ее со всей сложной тканью общественного целого, в общем ходе развития социально-экономических формаций и в сложении исторически-конкретных типов общества”³¹.

Изменились и методы исследования. Дореволюционные археологи стремились добиться наиболее эффективных результатов кратчайшим путем. Раскапывали, главным образом, курганы: насыпь обычно вскрывали широкой траншеей или „колодцем”, чтобы сразу обнаружить погребение и вещи, устройство кургана исследователей, за редким исключением, не интересовало.

Современная методика раскопок, сложившаяся в первые годы Советской власти, преследует цель максимально полного изучения памятника. И курганы, и культурный слой поселений вскрываются широкой площадью; в контрольных перемычках — бровках сохраняется разрез культурных напластований от современной поверхности до ма-



Раскоп на площадке городища в Городце под Лугой в 1972 г.

терика. В идеале раскопки должны в обратном порядке повторить весь процесс образования этих наслоений: сверху вниз последовательно разбирается слой за слоем, при этом не только выявляются, но и тщательно фиксируются все находки и объекты (ямы, костры, каменные вымостки и т. п.). Разборка слоя ведется вручную, ножами, совками, кисточками.

Всю площадь раскопа размечают на квадраты 2×2 м по единой системе координат. Такая же сетка наносится на чертежи, и на них отмечаются все подробности раскопок. Обязательно вычерчиваются и фотографируются разрезы слоя.

Новая методика позволила перейти к систематическому изучению поселений. Раскопки курганов „на снос”

радикально изменили представления об устройстве погребальных памятников и обряде в целом.

Первые шаги советской археологии во многом связаны с территорией Ленинградской области. В 1920-х гг. к исследованиям приступило первое поколение советских археологов — аспиранты и молодые сотрудники ГАИМК. Новый, марксистский подход требовал широкого охвата и разностороннего изучения памятников. На территории области были предприняты первые попытки решения этих задач. С 1926 г. началось сплошное обследование области (включавшей тогда и территорию современных Новгородской и Псковской областей): съемка планов могильников и городищ, поиски новых памятников, составление археологических карт. К 1930 г. было учтено несколько сот памятников, более 15 тысяч курганных насыпей. Эта гигантская работа была проделана Комиссией по археологическому изучению Ленинградской области, в которую входили В. И. Равдоникас, М. И. Артамонов, П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, Н. Н. Чернягин, Г. П. Гроздилов и многие другие исследователи — впоследствии видные советские ученые.

Научные интересы большинства членов комиссии в дальнейшем вышли далеко за пределы Северо-Запада РСФСР, поэтому первоначальный размах исследований в Ленинградской области к 1930-м гг. резко уменьшился. Но памятники Верхней Руси не выпали из поля зрения археологов. В 1941 г. были подготовлены работы Н. Н. Чернягина и П. Н. Третьякова, посвященные сопкам и длинным курганам. Несмотря на то что издание с этими статьями³² стало библиографической редкостью (весь тираж сгорел в осажденном Ленинграде во время одной из первых фашистских бомбежек), ссылки на них можно встретить во многих позднейших публикациях.

Широкие раскопки памятников Ленинградской области в 1920—1950-х гг. связаны с именем В. И. Равдоникаса.

каса. Один из создателей марксистской археологии член-корреспондент Академии наук СССР Владислав Иосифович Равдоникас (1894—1976) оставил глубокий и яркий след в истории советской науки. В археологию он пришел человеком со сложившимися убеждениями и закалкой бойца. Фронтовой офицер, с первых дней создания Красной Армии он встал в ее ряды, сражался с Юденичем и белофиннами. После демобилизации в 1920 г. В. И. Равдоникас активно участвовал в культурном и общественном строительстве на родине, в Тихвине. В 1921 г. он был избран делегатом IX Всероссийского съезда Советов.

В 1923 г. В. И. Равдоникас закончил Петроградский университет, и вся дальнейшая его жизнь была посвящена археологии. С 1928 г. он сотрудник ГАИМК, в 1929 г. началась его преподавательская деятельность в Ленинградском университете, где В. И. Равдоникас прошел путь от старшего ассистента до профессора, в 1936—1948 гг. он заведовал кафедрой археологии.

Ученики Владислава Иосифовича — нынешние профессора и доценты, доктора наук, те, кто определяет уровень современной советской археологии. Оценивая вклад своего учителя, они пишут о том, что „работы В. И. Равдоникаса оказались важнейшим фактором становления советской науки о первобытном обществе и успешной борьбы с нашими идеологическими противниками в данном кругу проблем”, о том, что с каждым десятилетием „мы можем отдать себе все более реальный отчет относительно того, как много для развития советской археологии сделано профессором В. И. Равдоникасом, насколько актуальными и перспективными для разработки на современном уровне науки являются сегодня предложенные им фундаментальные идеи”³³.

Напряженную работу, связанную с созданием теоретических основ советской археологии, В. И. Равдоникас сочетал с масштабными полевыми исследованиями. Мате-

риалы проведенных под его руководством раскопок курганов Ленинградской области были обобщены в публикациях, посвященных проблемам становления раннего феодализма на землях Приладожья и Карелии. В. И. Равдоникас выступил с резкой критикой теории „норманнской колонизации” южного Приладожья, выдвинутой в начале века шведским археологом Т. Арне. На большом материале он раскрыл реальный характер сложных общественных процессов на севере Древней Руси, роль русско-скандинавских связей в IX—X вв.

Логичным развитием работы над этой тематикой был переход к изучению крупнейшего из поселений Приладожья — Старой Ладоги. В 1938 г. экспедиция Ленинградского университета под руководством В. И. Равдоникаса возобновила раскопки Земляного городища, начатые до революции Н. И. Репниковым. Прерванные в 1941 г. работы были продолжены совместно с Ленинградским отделением Института археологии и Государственным Эрмитажем в 1945—1959 гг. Материалы этих раскопок — ценнейший источник для изучения самого древнего города Верхней Руси.

Долгое время Старая Ладога привлекала основное внимание археологов в Ленинградской области. Разведочные обследования были возобновлены лишь в 1950-х гг. Их проводили ученики и сотрудники В. И. Равдоникаса: Н. Н. Гурина, Г. П. Гроздилов, С. Н. Орлов, А. М. Линевский. В начале 1960-х гг. новые раскопки приладожских курганов предприняли С. И. Кочкуркина и Н. В. Тухтина. В 1968 г. исследование одного из курганных могильников близ Ладоги провели Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан, подготавливавшие к публикации материалы раскопок В. И. Равдоникаса.

В конце 1960-х гг. начался новый этап работ археологов в Ленинградской области. В 1968 г. под руководством профессора М. К. Каргера была создана Ленинградская

экспедиция ЛОИА, с 1972 г. преобразованная в Староладожскую. Экспедиция, работами которой ныне руководит А. Н. Кирпичников, проводит широкое исследование памятников военно-оборонительного зодчества — Ладоги, Орешка, Корелы (Приозерск), Ямгорода (Кингисепп), раскопки культурного слоя Старой Ладоги, в результате которых получены принципиально важные новые данные.

По инициативе профессора М. И. Артамонова в 1969 г. Ленинградским университетом была организована Северо-западная археологическая экспедиция (СЗАЭ). Задачей ее было возобновление исследований, начатых в конце 1920-х гг. Совместно с Обществом охраны памятников, Государственным музеем истории Ленинграда, ЛОИА отряды СЗАЭ провели сплошное обследование памятников области. Составлена новая полевая документация на 400 курганных групп и поселений. На ее основе создаются картотеки и паспорта областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Государственной инспекции по охране памятников Лен-облисполкома. Эти документы — необходимое условие для реализации Закона об охране памятников истории и культуры, вступившего в силу с 1 марта 1977 г. Исследования СЗАЭ, проведенные археологами-профессионалами, студентами, являются одной из конкретных форм большой практической работы, сделанной в нашей стране при подготовке нового закона.

К исследованиям Ленинградской области приступило новое поколение археологов, недавних выпускников ЛГУ, ныне сотрудников и аспирантов университета и ЛОИА. Полевые работы 1970-х гг. служат решению как практических, связанных с учетом и охраной памятников, так и научных задач. Вслед за разведочными изысканиями разворачиваются стационарные раскопки. Автором этих строк начато планомерное изучение древнерусских городищ, курганов и жалыников, сопок и длинных курганов

в Верхнем Полужье. Новые раскопки, которые дали интересные, ранее неизвестные результаты, осуществляют на Ижорском плато Е. А. Рябинин и В. А. Кольчатов. Сопки Старой Ладоги исследует В. П. Петренко, сельские поселения в Ленинградской и Новгородской области раскапывает Е. Н. Носов. В южном Приладожье филигранные раскопки курганов провел В. А. Назаренко.

Материалы новых раскопок вошли в первую стационарную музейную экспозицию, посвященную памятникам области. Она создана научными сотрудниками А. А. Розовым и К. М. Плоткиным в Музее истории Ленинграда (Комендантский дом Петропавловской крепости). Результаты исследований последних лет обсуждались на ежегодных пленумах ЛОИА и научных сессиях исторического факультета ЛГУ, на молодежных конференциях по комплексному изучению Северо-Запада РСФСР в 1972 и 1973 гг., на VI (Таллин, 1973 г.) и VII (Ленинград, 1976 г.) Всесоюзных конференциях по изучению скандинавских стран и Финляндии, на симпозиуме „Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья” (Ленинград, 1976 г.), на советско-финляндском симпозиуме по средневековой археологии (Ленинград, 1976 г.). Им посвящены публикации в ежегоднике „Археологические открытия”, в „Кратких сообщениях Института археологии” и журнале „Советская археология”, в „Вестнике Ленинградского университета”.

Все эти работы объединяет общий комплекс историко-археологических проблем. Когда и как пришли славяне на территорию Северо-Запада? Как связать различные типы памятников, археологические культуры с племенами летописи, как проследить формирование древнерусской народности по данным археологии? Каковы пути становления древнерусского города, государства, феодального общества? Какие реальные события стоят за летописным „преданием о варягах”? Какова роль Верхней Руси в эко-

номической, политической, культурной жизни Древнерусского государства, во внешнем мире? Вот круг вопросов, над которыми работает современное поколение ленинградских археологов.

... В этой книге подведены лишь некоторые предварительные итоги исследований. На многие вопросы читатель не найдет здесь окончательных и однозначных ответов. Но, следуя маршрутами археологов 1970-х гг., мы пройдем по местам самых новых, еще продолжающихся исследований. Каждый район Ленинградской области связан со своим особым комплексом археологических проблем: в Верхнем Полужье и на Ижорском плато это массовая славянская колонизация края, заложившая фундамент Верхней Руси. В низовьях Волхова — Ладога, исторический „фокус” динамичных и ярких процессов, развернувшихся в IX в. Южное Приладожье — таинственная до сих пор область одного из чудских племен, связанных и со славянами, и с находниками-варягами.

Мы познакомимся лишь с немногими, самыми яркими или самыми загадочными памятниками, в которых зримо, красочно раскрываются события далеких веков. Сможем побывать на раскопках, иной раз еще не закончившихся; узнаем не только устоявшиеся и проверенные оценки, но и выводы, порой рискованные, рождающиеся „в поле” или в напряженной дискуссии с учетом новых фактов или забытых наблюдений.

Все это позволит нам представить магистральные направления современных научных поисков. Такое знакомство любителям истории необходимо. Оно не только углубляет знания о нашем крае. В памятниках, в нашем отношении к ним раскрывается связь поколений, живая история. Ближе познакомившись с тайнами городищ, курганов и сопок, каждый из нас начинает иначе смотреть на родную землю.

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ СЛОВЕН

*Кто оставил
длинные
курганы
и сопки?*

Один из наиболее богатых археологическими памятниками разного времени районов Ленинградской области — Верхнее Полужье. Это единственное в нашей области место, где в близком соседстве находятся разные типы памятников, характеризующих все основные этапы древней истории северо-западной Руси. Длинные курганы перемежаются с сопками и одиночными „сопкообразными” большими насыпями. Есть и группы небольших круглых курганов с сожжениями, мысовые городища, средневековые селища, древнерусские курганные группы и жальники. Хронологический диапазон этих памятников охватывает около тысячи лет — от середины I тысячелетия нашей эры (VI—VII вв.) до XIV—XV столетий.

Близкое соседство различных по облику памятников в Полужье иногда объяснялось пограничным характером этой зоны. Полагают, что здесь в VI—VIII вв. чересполосно жили кривичи и словене, оставившие соответственно длинные курганы и сопки. Однако такие же памятники встречаются дальше на восток, в глубине „Словенской земли”, на Мсте, и к западу от Луги, в земле псковских кривичей. Решение вопроса о причинах постоянного соседства длинных курганов и сопок на северо-западных землях зависит, прежде всего, от результатов новых раскопок.

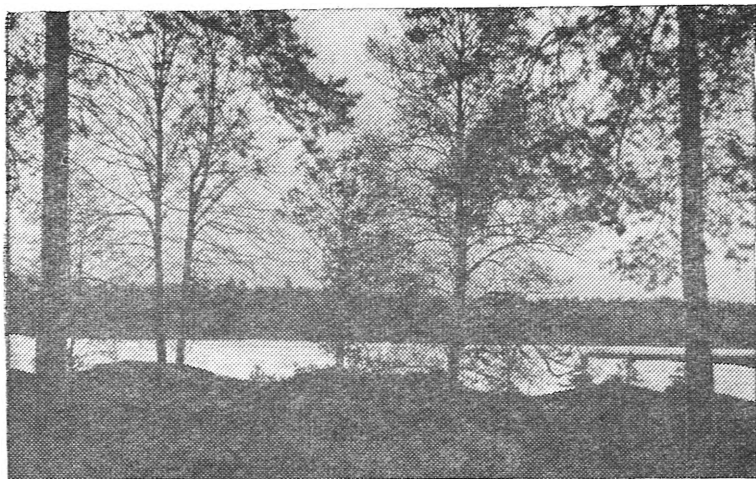
До последних лет здесь было сделано очень немного. Длинные курганы в Полужье, у деревни Ситенка, в начале XX в. раскапывал С. С. Гамченко. Это были прямоугольные в плане, геометрически правильные насыпи с ровными крутыми склонами. С. С. Гамченко нашел в них остатки сожжений на стороне (вероятно, помещенных в берестяные урны, не сохранившиеся до нашего времени). Вещей в курганах у Ситенки не было, так что датировать эти насыпи можно лишь в обычных, принятых для длинных курганов пределах: VI—VIII вв.

Понять место и значение длинных курганов в истории Верхнего Полужья можно, если исследовать их в связи с другими памятниками. Поэтому новые работы сосредотачиваются в пределах одного „микрорайона”, участка, где представлены могильники и поселения разного типа.

Один из таких микрорайонов — восточный берег Черемнецкого озера. На южной его оконечности находится древнерусское городище — Петровский погост, упоминающийся в писцовых книгах XV—XVI вв. Примерно на протяжении десяти километров вдоль берегов озера располагаются курганные группы, состоящие из насыпей различной формы.

Несколько таких могильников находится в окрестностях старинной деревни Рапти, по берегам озера и небольшой реки Ропотки. На мысу в устье речки, среди высоких сосен, вдоль обрывистого песчаного берега стоит большая курганная группа, насчитывающая более 30 полусферических насыпей. Курганы располагаются двумя-тремя цепочками, при этом образуя гнезда из нескольких маленьких насыпей, окружающих одну — побольше. Такая группировка характерна для древнерусских курганных кладбищ.

В одном из курганов у деревни Рапти, раскопанном СЗАЭ в 1970 году, были обнаружены остатки неполного сожжения, когда огню предавали тело покойника лишь настолько, что верхняя часть его оставалась несожженной.



Курганы у д. Рапти.

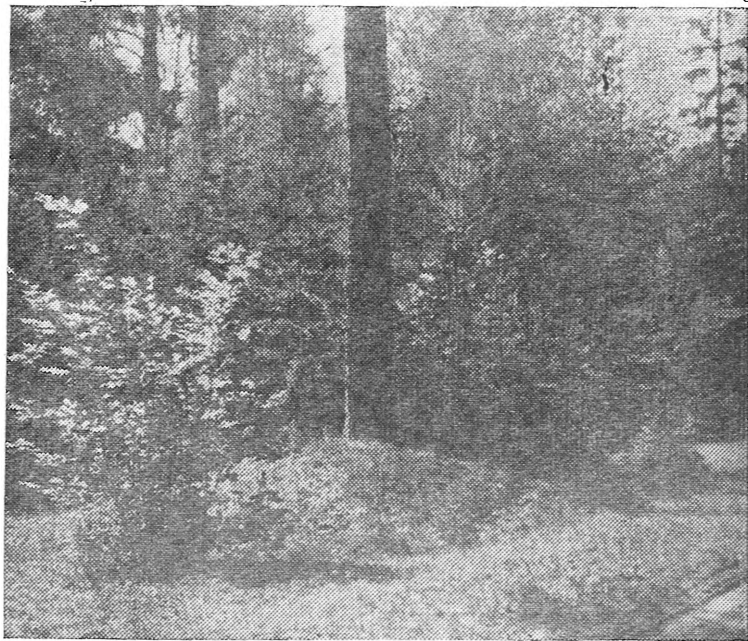
Этот любопытный обряд встречается при раскопках славянских курганов X—XI вв., то есть в период перехода от обычая сожжения к трупоположению. Обряд и находки лепных черепков позволяют датировать курган X столетием. Могильник на мысу, по-видимому, использовался и в более позднее время.

Недалеко от курганный группы в пределах деревни есть выходы культурного слоя с древнерусской керамикой — следы средневекового селища. Могильник и селище принадлежали славянам — основателям нынешней деревни Рапти.

Однако местность была заселена и до прихода этих поселенцев. В ближайших окрестностях Раптей известны группы из длинных и круглых курганов, более ранние по

сравнению с могильником на мысу. Одно из этих курганных кладбищ, насчитывающее более 40 насыпей, располагается вдоль лесной дороги на нижней террасе озерного берега, в сосновом мелколесье.

По той же дороге, на полпути из деревни Рапти в деревню Наволок, находится курганная группа из пяти невысоких (до 1 м) полусферических насыпей. Одна из них была раскопана Лужским отрядом СЗАЭ в 1970 г. Маленький курган (0,7 м высотой, 7 м в диаметре) оказался



Курганная группа у дд. Рапти — Наволок.

двухслойным: в основании лежала примерно полуметровой толщины подсыпка из ярко-красного железистого песка, взятого с верхней надпойменной террасы (довольно далеко от могильника). В этой подсыпке была вырыта коническая ямка, в нее ссыпаны остатки сожжения: кальцинированные кости, угольки, лепной черепок. Погребение прикрыли кусками дерна (от него остался темный гумусированный слой). Верх кургана досыпали крупным желтым песком, залегающим тут же, поблизости от насыпи. Затем вокруг по основанию был вырыт неглубокий ровик. В нем разожгли ритуальные костры из хвороста, соломы, сосновых веток (от костров остались кучки светло-серой золы с мелкими угольками).

Характер обряда позволяет отнести группу между деревнями Рапти и Наволок к славянским памятникам IX—

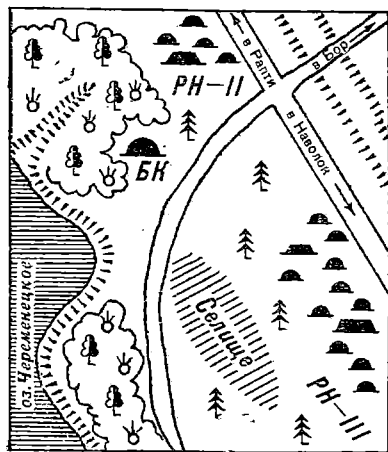


Схема расположения археологических памятников в урочище Боровское Купалище.

X вв. Но необычны для славянских кладбищ расположение могильника в низменном, скрытом в лесу месте и немногочисленность курганов. Обычно курганы славян образуют большие, из нескольких десятков насыпей, группы, расположенные на возвышенных, хорошо приметных издали местах. Поэтому надо выяснить, отличается ли по обряду этот могильник от других, расположенных в таких же условиях.

Примерно в 700 м на юг от группы Рапти — Наволок, на той же террасе

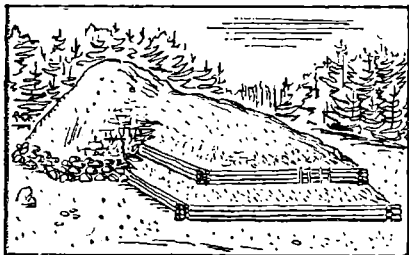
в урочище Боровское Купалище, новое скопление памятников. Дорога выходит здесь на просторную зеленую поляну, окруженную молодым сосновым бором. В берег озера глубоко вдается небольшая полукруглая бухта. Рядом на дне глубокого тенистого оврага — ручей. Вдоль ручья по краю поляны вьется лесная дорога. У склона второй террасы она круто поворачивает вверх, в деревню Бор. На развилке дорог — две группы из длинных и круглых курганов. В одной из них насчитывается полтора десятка, в другой — 25 насыпей. В 1971 г. Череменецкий отряд СЗАЭ, организованный Ленинградским университетом и Музеем истории религии и атеизма, провел здесь раскопки.

Был исследован, в частности, длинный курган, продолговатый, расплывшийся, около 20 м в длину, до 12 м в ширину и высотой 1,8 м. В насыпи, сложенной из светлого крупного песка, сохранились остатки деревянных и каменных конструкций.

Основу погребального сооружения составлял сруб в два — четыре венца длиной 14 м, шириной 8 м, ориентированный с северо-запада на юго-восток. От истлевших бревен в песке сохранились угольные полосы.

Сруб доверху был заполнен песком. В песчаном заполнении вырыли глубокую ямку, куда были ссыпаны остатки сожжения. Затем поверхность погребального сооружения покрыли плотным слоем дерна. С запада к стене сруба была пристроена прямоугольная каменная ограда из массивных валунов, уложенных в три-четыре ряда. Камни, по-видимому, ограничивали и скрепляли своеобразную земляную пирамиду основанием 4×4 м, венчавшую курган. В пределах ограды среди валунов найдены гончарный горшок и железный нож. Находки позволяют датировать курган X столетием.

Позднее на поверхности насыпи была сделана ямка для второго сожжения. Над ней выстроили новый сруб



*Длинный курган в урочище Боровское
Купалище.
Реконструкция.*

размером 10×5 м, также из тонких бревен, заполненный песком.

Много веков назад на лесном берегу озера стояла эта необычная ступенчатая постройка. Потемневшие, с прозеленью, сосновые бревна отступающими рядами венцов удерживали отяжелевшую насыпь, покрытую влажным, мшистым дерном... Не-

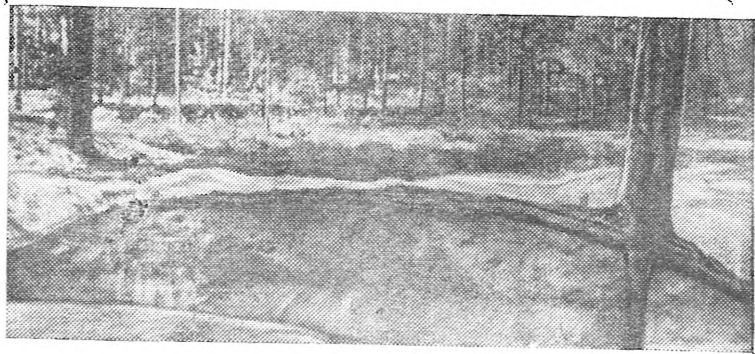
вольно она ассоциируется с „домом мертвых“, повторяющим устройство жилища живых, но в чем-то и отличающимся от него.

При всем своеобразии это сооружение не стоит, как кажется, особняком среди северных длинных курганов. Курган в урочище Боровское Купалище относится к сравнительно позднему времени — X в. В более ранний период могильники с длинными курганами в Полужье располагались на возвышенных местах — на плато коренных берегов речных и озерных долин, на водоразделах. Здесь насыпи, сложенные из плотного моренного песка, гораздо лучше сохранили первоначальную геометрически правильную форму. Уже А. А. Спицын указывал, что „курганы этого типа ближе всего напоминают общий вид жилища; в пользу такого предположения особенно говорит основание этих курганов, четырехугольной формы, и вид боковых сторон, имеющих иногда форму скатов”³⁴. Оказывается, что внешнее впечатление может быть подтверждено раскопками таких памятников, по внешнему виду которых сейчас трудно предположить сходство с жилищем.

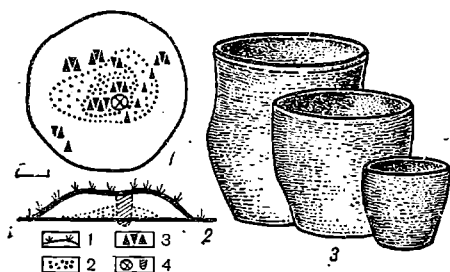
Конструкция длинного кургана в урочище Боровское Купалище — последнее звено в долгой цепочке развития погребальных традиций, далеких от обычаев славян: длинные дома-срубы, каменные кладки в насыпи — черты финно-угорской культуры. Но почему же этот и многие другие длинные курганы обнаружены в одних группах с круглыми, по внешнему виду не отличимыми от бесспорно славянских?

Один из раскопанных в Боровском Купалище круглых курганов содержал остатки сожжения на месте. В обряде — заметные отличия от длинного кургана: кострище на невысокой подсыпке, ровик вокруг основания насыпи. Однако бревна кострища образуют прямоугольник, ориентированный, как и „дом мертвых” в длинном кургане, с северо-запада на юго-восток. Остатки сожжения заботливо собраны и сыпаны в ямку посреди кострища. Та же идея „дома мертвых”, только преданного огню?

Рядом с погребением найден лепной сосуд баночной формы, обычной для длинных курганов. Среди костей —



Взрез круглого кургана в урочище Боровское Купалище.



Одиночный курган в урочище Боровское
Купалище:

1—план; 2—разрез; 3—реконструкция форм
сосудов. Условные обозначения: 1—дёрн; 2—
кострище; 3—черепки сосудов; 4—яма.

время и для смоленских длинных курганов. Новые раскопки показывают, что и на севере культура длинных курганов — явление сложное. Не только длинные, но и некоторые круглые насыпи здесь могут быть связаны с дославянскими традициями.

В том же урочище, в 100 м от длинного кургана, была раскопана одиночная насыпь. По внешнему виду, высоте, превышавшей 2 м (насыпь сильно повреждена кладоискателями), положению (на самой высокой точке озерного мыса) она напоминает сопки, известные в Полужье. В основании ее обнаружено мощное кострище, под ним — двадцатисантиметровый слой прокаленного песка, на кострище — обожженные камни. Остатки сожжения не сохранились. Возможно, погребение разрушено большой кладоискательской ямой.

Зато на кострище сохранились следы поминальной тризны: во множестве найдены кости животных и развалившихся глиняных черепков сосудов. Полтора десятка горшков было разбито при поминках! Почти все сосуды —

В-образная бронзовая пряжка от пояса. Она определяет для нас дату погребения — VIII—IX вв.

Значит, круглый курган в Боровском Купалище старше длинного? В одно и то же время, в одной культурной среде, бытовали как коллективные, так и индивидуальные усыпальницы. Сходный вывод был сделан в свое

баночной формы, иногда слегка расширяются кверху. Керамика грубая, с примесями толченого пережженного гранита — дресвы, плохого обжига. Такая посуда характерна, с одной стороны, для псковских длинных курганов, с другой — для городищ Верхнего Подвинья и восточной Прибалтики второй половины I тысячелетия нашей эры.

Найдены глиняные пряслица — грузики-противовесы для веретена характерной формы: с резко выступающим посередине ребром. Такие пряслица известны в длинных курганах и в памятниках IV—VIII вв. нашей эры.

Среди обломков грубых лепных сосудов попадаются отдельные, изящные, тонкие черепки с блестящей лощеной поверхностью; лощение — черта архаическая, так украшали лепную посуду обитатели многих районов Европы в III—V вв. нашей эры.

Все эти особенности указывают на глубокую древность одиночного кургана в Боровском Купалище — его нельзя датировать более поздним временем, чем третья четверть I тысячелетия нашей эры (VI—VIII вв.). Может быть, эта насыпь — непосредственный предшественник сопок? Обращает на себя внимание и сходство находок, особенно керамики, с посудой длинных курганов VI—VIII вв., а также женский характер комплекса: в нашем представлении такие большие одиночные курганы обычно ассоциируются с погребениями воинов, сказочных богатырей, с оружием, боевыми конями... А здесь найдены такие сугубо мирные и сугубо женские вещи, как лощеные глиняные пряслица...

Недалеко от кургана на ровной поверхности площадки заметны слабые следы культурного слоя. Здесь найдены фрагменты лепной керамики, похожей на грубую посуду из одиночного кургана.

Давайте еще раз окинем взглядом тихую бухту Черемнеуцкого озера, ровную площадку с высокими соснами и берегами, зеленые курганы... Тысячу с лишним лет

назад здесь, быть может, стояли легкие бревенчатые постройки, курились дымки очагов, жила „чудь белоглазая"... На окраине поселения в высоком кургане покоились останки „старухи"-родоначальницы, основательницы поселения, „хозяйки" когда-то маленького мирка живых, позднее — мирка загробного. Пышную тризну со скорбными песнями, высокими кострами, возлияниями и жертвоприношениями устроили ей сородичи.

Подальше — два других кладбища. Кого-то, может быть глав отдельных семей, хоронят в больших бревенчатых срубах, устраивают возле них каменные капища. Других — в простых курганах, сжигая в деревянном „домике мертвых", а потом собирая останки в маленькой ямке. Таких круглых небольших курганов здесь больше всего.

Трудно определить, почему кладбищ два. Может быть, это следы сложной организации рода, а возможно, обитатели поселка покинули насиженное место, когда иссякло плодородие ближайших подсек, а через несколько поколений вернулись к могилам предков. Во всяком случае, самые поздние насельники могли в погожий день, стоя на берегу бухты, разглядеть далеко на юге очертания славянского градка в Петровском погосте... Время от времени оттуда, с городища, приходили славянские однодеревки с вестями, товарами, а то — сборщиками дани. У славян, наверное, купили звонкий гончарный горшок с линейным узором. А может быть, уже и сами сработали его на ручном круге, посмотрев, как это делают соседи. Ну а еще через несколько поколений местные скотоводы и рыболовы распрошались с примитивной подсекой и переселились куда-нибудь повыше, на место одной из нынешних деревень...

Несомненно, что памятники в Боровском Купалище составляют единый исторический комплект памятников, связанный с судьбами местного населения и заставляющий по-новому взглянуть и на длинные, и на круглые курганы,

и, пожалуй, на сопки: керамика длинных курганов оказалась в сопкообразной насыпи, длинный курган с сгоркилищем мертвых — современник круглых, круглые насыпи — ровесники ранних длинных курганов и сопок...

В окрестных местах немало других памятников этого круга.

В деревне Наволок вам охотно покажут так называемый курган воинов Александра Невского.

В саду наволокской школы стоит одиночный курган с покосившимся каменным крестом на вершине.

С курганами часто связаны легенды о погребенных в них воинах. И предание, и каменный крест намного моложе насыпи, обычай ставить кресты над могилами в новгородских землях появляется лишь в XII в., а курган в Наволоке по всем своим особенностям сродни одиночному кургану в Боровском Купалище. Окружая в плане насыпь диаметром 16 м, высотой 2 м, с крутыми ровными склонами, плоской вершиной, может относиться ко времени сопки и близких им одиночных курганов — к VI—IX вв.

Близ деревни стояла когда-то курганный группа, типичное древнерусское деревенское кладбище из 60 с лишним курганов и жальников; некоторые насыпи были сплошь выложены камнями.

Из Наволока дорога ведет вдоль берега озера к деревне Репьи. Недалеко от околицы, справа от дороги, в яблоневом саду стояла сопка, раскопанная Череменецким отрядом СЗАЭ в 1972 г. Раскопки в Репьях были начаты не случайно. Дело в том, что хотя в Верхнем Полужье (на



Курган в д. Наволок.



Сопка и жальник в д. Репьи.

территории Ленинградской и Новгородской областей) насчитывается более 50 сопок в 30 пунктах, эти насыпи до сих пор оставались неизученными. Лужские сопки оказались „белым пятном” среди погребальных памятников Северо-Запада.

Сопка у деревни Репьи, описанная еще Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Черня-

гиным в 1927 г., — типичная насыпь этой категории. Высокая, около 4 м, с крутыми склонами, слегка уплощенной вершиной, следами каменного венца по основанию (из-под дерна по склонам виднелись плиты и небольшие валуны), она величаво высилась на просторной надпойменной террасе, примерно в 100 м от края озерной долины.

Вокруг сопки расположен жальничный могильник. Соседство вряд ли случайное: сопки, окруженные жальниками, довольно часто встречаются в глухих верховьях и на малых притоках рек Новгородчины. Н. К. Рерих предполагал в свое время, что в некоторых районах (верховьях Ловати, Мсты) нет обычных древнерусских курганных могильников и, по-видимому, совершался переход „от сопок к жальникам непосредственно”³⁵. О таком же „крутом и прямом переходе” от сопок к жальникам писал А. А. Спицын³⁶. Репьевская сопка позволяла проверить эти почти забытые гипотезы.

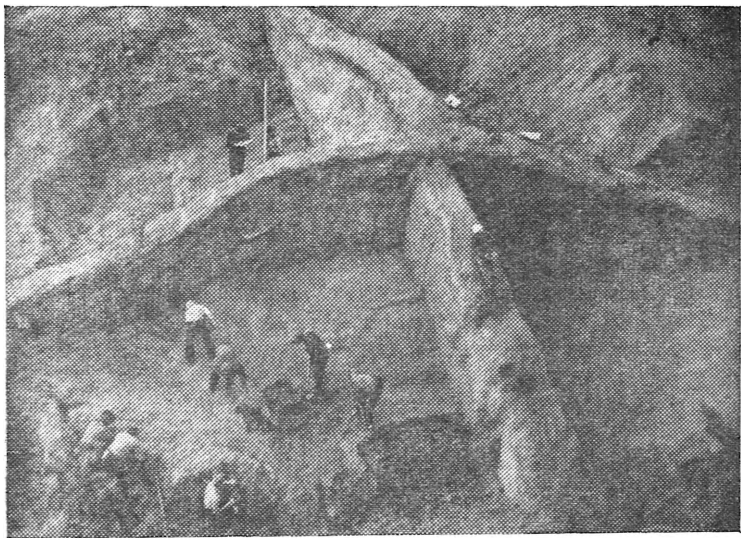
Наш выбор во многом определили и сравнительно небольшие размеры при неплохой сохранности сопки в Репьях. Целых насыпей такого типа в послереволюционные годы никто не копал. Раскопки сопок ограничивались ава-

рийными спасательными исследованиями разрушающихся памятников, от которых обычно сохранялась ко времени работ небольшая часть насыпи. В августе 1972 г. исследования целых сопок были начаты одновременно в двух местах Ленинградской области — отрядом СЗАЭ в Полужье и отрядом Староладожской экспедиции ЛОИА под руководством В. П. Петренко в урочище Победище близ Старой Ладоги. Предстояло проверить, что же нового даст изучение всего объема насыпи по методике послойного раскрытия.

...Крутобокая зеленая насыпь в яблонево́м совхозном саду сначала кажется вообще недоступной. Высоко вверх уходят отвесные склоны, почти сплошь покрытые колючими обрубками снятого нами кустарника. На вершине насыпи видна глубокая яма — местные ребята́шки года два назад, любопытствуя, выкопали и унесли отсюда человеческий череп... Но вот закончена нивелировка, разбита сетка координат. Прежде чем браться за раскопки, надо, пожалуй, привести в порядок злосчастную яму.

Ей надо придать правильную форму, выбросить осыпавшуюся землю, выровнять и зачистить стенки — тогда в разрезе можно будет увидеть, насколько глубоко повреждена насыпь самовольными раскопщиками. Стоп! Лопата натывается на камни в одной из стенок. Видно, что они образуют правильную кладку: нижний ряд из мелких круглых валунов, сверху — тщательно подогнанные друг к другу необработанные плиты. Так, значит, мальчишки разрушили каменную вымостку, часть которой останется у нас в бровке.

Зачищая другую стенку, натываемся на бедренную кость скелета. Выбрав лопатами лишнюю землю, археологи берутся за ножи и кисти. И вот аккуратно расчищены кости ног, обломки таза. Вытащив череп, ребята́шки оставили на месте нижнюю часть костяка. Можно установить, что покойник лежал головой на север, — особенность



Раскопки сопки у д. Репьи в 1972 г.

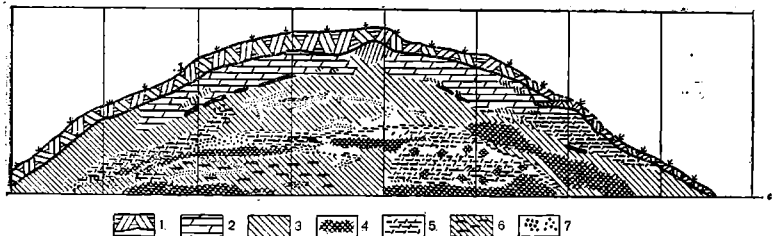
языческого обряда финно-угорских племен; обычно трупоположения в сопках — это впускные древнерусские погребения с западной ориентировкой.

Пока ударная команда из самых работоспособных и здоровых парней снимает дерн в северной части раскопа, корчуя бесчисленные пеньки и корни кустарника, в южной расчищают выступившие из-под дерна камни. Некоторые из них виднелись в склонах насыпи еще до раскопок. По мере того как мы снимаем верхний слой земли, обнажается сплошная кладка, каменный панцирь, прикрывающий с юга весь склон чуть не до середины насыпи. Видно, что кладку из валунов и тяжелых известняковых

плит сооружали в несколько приемов. Камни перекрыты красным железистым песком, взятым, вероятно, из ям тут же, на площадке верхней террасы. Такой же песок под камнями и над первым разрушенным погребением. Значит, захоронение совершено немного раньше, чем в насыпи появился этот слой красного песка. И, конечно, сначала были уложены на вершину холма останки, а потом уже сделана каменная вымостка над ними.

Под каменным панцирем на склоне насыпи все в том же красном песке открываются иногда прикрытые плитами бесчисленные костяки... 25 погребений открыто вокруг основания и на южном склоне сопки. Здесь и младенцы, обложенные каменными плитками, и взрослые — женщины и мужчины. Некоторые погребены в деревянных долбленых „домовинах“, другие — прямо на сопке, с камнями, поставленными в голову и ноги. Одни лежат головой на север, другие — на северо-запад, запад, образуя странный хоровод вокруг центра насыпи. Имеются парные погребения, есть даже скорченный костяк на левом боку (может быть, покойник был связан из суеверного страха, вызванного обстоятельствами смерти?).

Что же, многочисленные костяки в сопках встречаются нередко, древние насыпи использовали для более поздних кладбищ. Но вот что останавливает внимание: из 25 погребений — лишь одно впускное, зарытое в уже сооруженную насыпь! Контуры могильной ямы отчетливо видны в разрезе сопки, в бровке. И покойник здесь лежал в настоящем гробу, сколоченном большими коваными гвоздями. А вот все остальные захоронения — под каменной, сплошной кладкой и мощным слоем красного песка — впускными называть нельзя. Все они — и погребение на вершине, с северной ориентировкой, — связаны с насыпью; они не разрушают, а формируют ее, до появления этих захоронений и каменной кладки сопка была значительно ниже и меньше...



Разрез сопки у д. Репьи.

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — железистый песок; 3 — гумусированный песок; 4 — угольный слой кострища; 5 — глина; 6 — зола; 7 — светлый песок.

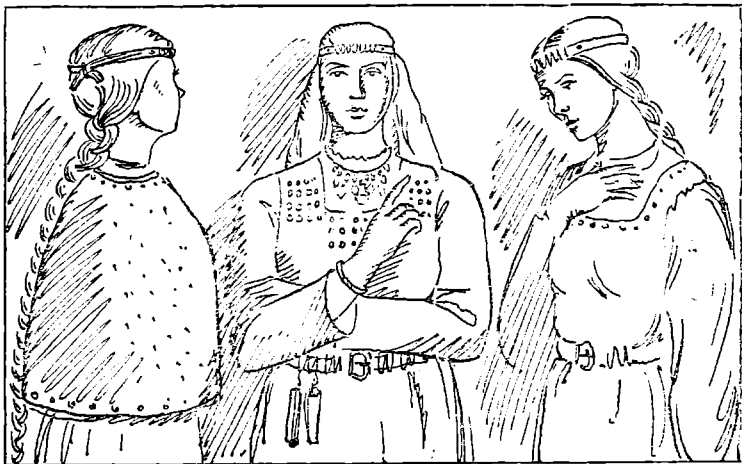
Выходит, свой „классический” вид с высотой почти 4 м и каменной кладкой по основанию сопки в Репьях приняла лишь не раньше начала XI и не позднее начала XIV столетия. В конце X — начале XI в. в наших краях распространился обряд трупоположения. А на камнях мы часто находили характерную керамику XIII и, в основном, XIV—XV вв., следы многократных поминок.

Итак, первый новый научный вывод: сопки как погребальные сооружения используют и возводят не до начала IX в., как принято было до сих пор считать, а до глубокого средневековья (до XI—XIII вв.), по крайней мере, в некоторых местах.

Что же собой представляла первоначальная насыпь? Прошел почти месяц напряженного и кропотливого труда — и вот сопка раскопана. В четырехметровых многослойных разрезах можно последовательно прочитать всю ее историю.

В основании сопки — первый погребальный костер. От него осталось мощное кострище с обуглившимися бревнами, прикипевшими к ним обломками костей, распла-

вившейся бронзой. Кремация, несомненно, производилась здесь же, на месте. Остатки сожжения ссыпаны в две неглубокие конические ямки, часть костей была уложена в берестяной туесок, часть осталась лежать среди углей и золы погребального костра. Костер был зажжен для трех похороненных одновременно женщин. Они были преданы огню в богатом уборе — головных венчиках из серебряных квадратных бляшек с чеканным орнаментом или из бронзовых скобочек, надетых на тканую ленту, с массивными бронзовыми браслетами на руках, в праздничных накидках, расшитых мелкими бронзовыми и серебряными бляшками-скорлупками, с подвесками, бусами, сережками... Многие из этих вещей известны в северных длинных курганах. В целом же этот убор (впервые восстанав-



*Возможно, так были одеты женщины, погребенные в VI—VII вв.
в сонке у д. Репны.*

ливающийся по материалам сопки) характерен для прибалтийско-финских племен VI—VII вв.

Над погребениями женщин был насыпан небольшой курган высотой около 1,3 м, диаметром до 12 м, похожий на одиночные курганы в Боровском Купалище и в Наволоке. Но в отличие от них на репьевском кургане позднее совершили еще два сожжения. Мощное кострище, занимавшее площадь примерно 30 кв. м, открыто на вершине этой, первоначальной насыпи. Как и на первом погребальном костре, здесь предали огню тела по крайней мере двух покойников. Часть костей осталась лежать на месте кремации, другие были собраны в берестяной туесок.

На склоне насыпи был устроен еще один погребальный костер. Среди костей здесь найдены две бронзовые подвески — обоймочки с продетыми в них кольцами, к которым привешены тонкие пластинки. Такие подвески встречаются в древностях прибалтийско-финских племен. А над погребением — развал грубого лепного горшка, и рядом с горшком — находка совсем неожиданная: плоская железная сковородка. Она побывала на погребальном костре (к железу плотно прикипели мелкие угольки). Такие сковородки — неременная деталь ритуала чудских приладожских курганов X—XI вв. Репьевская находка, судя по составу всего комплекса, лет на сто — двести старше приладожских.

Оба кострища — на вершине и на склоне насыпи — были прикрыты мощным слоем серого гумусированного песка, взятого, скорее всего, прямо с поверхности в ближайших окрестностях сопки. Высота насыпи при этом достигла 2,5 м. В таком виде она простояла некоторое время — образовался тонкий слой дерна, позднее перекрытый красным песком и сохранивший для нас контуры насыпи VIII—X вв.

Склоны сопки (а курган более чем двухметровой высоты уже можно обозначить этим названием) стали ме-

стом для 23 погребений по обряду трупоположения; еще одно такое погребение совершили на вершине насыпи. Высота ее за счет подсыпок и каменных кладок возросла до 4 м. Позднее в поле сопки была вырыта могила, и в ней похоронен покойник в гробу.

И, наконец, три-четыре столетия спустя, уже в наши дни, пришли любопытные местные мальчишки и разрушили верхнее погребение...

Подведем первые итоги. Сначала бесспорные: сопки и длинные курганы в Верхнем Полужье сооружали примерно одновременно — с VI—VII до X в. (а сопки — и позднее). То есть архаичные погребальные обычаи какая-то часть населения Полужья сохраняла уже в то время, когда здесь появились достоверно славянские и древнерусские курганные могильники.

Далее. В длинных и некоторых круглых курганах, одиночных сопкообразных насыпях и сопках найдены одна и та же баночная керамика, женские украшения, сходные элементы обряда (погребения в берестяных туесках, ямках). Эти особенности культуры сходны с материалами достоверно финно-угорских (чудских) памятников Эстонии и других районов Прибалтики. Материальная культура, представленная в этих разнообразных по форме и способу сооружения погребальных памятниках, близка, если не одина.

Существуют какие-то связи между сопками и более поздними жальниками, а также между сопками и курганами южного Приладожья. Вполне возможно, что обе эти группы памятников X—XI и XI—XIV вв. оставило население, по происхождению связанное с создателями сопки VI—VII вв.

От бесспорных выводов можно перейти к предположениям, гипотезам. Вырисовываются пока еще смутные контуры сложной и своеобразной археологической культуры второй половины I — начала II тысячелетия. Может быть,

ее памятниками следует считать в равной мере сопки, одиночные курганы (те же сопки, но „недосыпанные”), длинные и круглые курганы, а на позднем этапе, одновременном древнерусской курганной культуре, — жальники? Все эти памятники размещаются в зоне рек и местностей, названия которых проникли в русский язык из языка дославянского, финно-угорского населения, родственного эстам, судя по письменным источникам, до прихода славян, в V—IX вв., здесь обитала чуди.

Пока трудно объяснить разнообразие погребальных памятников того времени. Может быть, оно связано со сложным этническим составом летописной чуди, а возможно, с неизвестной нам пока социальной структурой чудских племен? С различной ролью — в разные времена, военных вождей и родовых старейшин, „хозяек”, „лучших жен” и колдуний? Проводя в 1972 г. археологическую разведку в верховьях Плюссы, где также известны и сопки, и длинные и одиночные курганы, студентка АГУ Н. В. Хвошинская записала в одной из деревень Псковщины любопытную легенду: не варяжские князья, не вещей Олег были погребены в местных сопках, а девушки, замученные тираном-барином. Может быть, это предание — смутное воспоминание о тех очень далеких временах, когда под величественными насыпями погребали останки „лучших жен”, преданных огню в богатом уборе, ясновидиц и колдуний, владычиц „жита и обилья”, жизни и богатства рода-племени?

„Чудь белоглазая” оставила глубокие следы в культуре русского населения Северо-Запада. Память и суеверное почитание сопок, обряд жальников, любовь к обильным металлическим украшениям и многие другие особенности средневековой культуры Новгородской Руси связаны с этими древними насельниками. В море славянских припельцев, видимо, долго оставались неразмытыми островками поселения чуди. Сопка и жальник у деревни Репьи,

как и некоторые другие такие же памятники, оставлены, скорее всего, этим постепенно ославянившимся населением.

Конечно, можно предположить, что славяне продвинулись на север уже к VI в. и сопки и длинные курганы принадлежали кривичам и словенам, в среде которых уже растворилась чужь. Но тогда почему же летописец хорошо помнит это племя и еще в IX в. отличает его от словен ильменских?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к материалам средневековых древнерусских памятников. Следует найти такие памятники, по которым развитие прослеживалось бы непрерывно с IX—X по XII—XIII вв. Если в ранних слоях древнерусских городищ мы обнаружим ту же посуду, те же украшения, что и в длинных курганах и в сопках, значит, не стоит спешить называть эти погребальные насыпи чуждскими. Но если городища связаны с иной археологической культурой и если какое-то время эта культура существует на нашей территории одновременно с сопками и длинными курганами, тогда наша гипотеза получит право на существование.

Итак, материалы длинных курганов и сопок нужно сравнить с находками из древнерусских городищ Северо-Запада.

Древнерусские городища и курганы Полужья

На Киевском шоссе, к западу от озер Череменецкого и Врево, километрах в двадцати за Лугой, стоит поселок Городец. Здесь находится одно из немногочисленных городищ, известных в Ленинградской области. Этот памят-



Городец под Лугой. Вид на городище с юга.

ник, крупнейший в Полужье, как бы аванпост обширного массива древнерусских укреплений, распространенных в современной Псковской и Новгородской областях.

...Мы видим высокий зеленый холм. Под сенью вековых раскидистых деревьев поднимаемся вверх по узкой каменной лестнице, сложенной из белой путиловской плиты. Оглянемся назад. Внизу бежит на юг серая лента шоссе, по которой проносятся тяжелые самосвалы и нарядные автобусы. А здесь, наверху, за зелеными ветвями виднеются стены деревянной церкви. Характерный руст — рельефная дощатая обшивка, треугольный фронто́н, белые арки колокольни подсказывают, что храм сравнительно

поздний, он построен военным инженером М. П. Сакером в 1840-х гг. У алтаря — могила архитектора. Так из двадцатого века мы неожиданно бросаем взгляд в девятнадцатый.

Кладбище, раскинувшееся вокруг церкви, возникло вместе с бесчисленными усадьбами петербургской знати, появившимися в этих краях в XVIII столетии. Кое-где на могилах сохранились литые чугунные кресты, каменные надмогильные плиты, тяжелые мраморные надгробия с потускневшим золотом цифр: 1893, 1846, 1798... Еще сто лет в глубь времен.

За надгробьями виднеются бревенчатые стены часовни. Она построена на месте сгоревшей церкви XVIII столетия. По преданию, под нею находится гробница монастырского настоятеля — „преподобного Трифона“, убитого в 1597 г. Об этом повествует выведенная церковной вязью конца прошлого века надпись на беломраморной плите в алтарной части часовни. Предание живуче — до сих пор городецкие жители рассказывают о священнике, зарубленном то ли литовцами, то ли ливонцами, то ли шведами.

Все эти памятники стоят на площадке древнерусского городища. Крутой вал со всех сторон окружает ее. С вала открывается вид на живописную долину узкого Городецкого озера, вытянувшегося с севера на юг. В заболоченной озерной пойме прячется узкая извилистая речка Платаниха. Здесь она берет начало и бежит, постепенно набирая силу, на восток, к озеру Врево.

С востока и юга к городищу подступает холмистая равнина. Нынешний поселок Городец расположен по склонам холмов, вдоль Киевского шоссе и старинного Псковского тракта, проходившего по озерной долине. Городище возвышается над окрестностями, господствует над ними, и вероятно, не случайно именно со стороны старой дороги на Псков находился древний въезд на городище —

отлогий подъем, земляной пандус, ведущий к проходу в насыпи вала.

Если посмотреть с городища на восток, то далеко на горизонте, за синими перелесками, можно заметить серо-голубое зеркало озера Врево — до него отсюда километров семь-восемь. Врево узким, примерно пятикилометровым водоразделом отделено от второго большого озера Полужья — Черменецкого.

На север от Городца ландшафт меняется: для этих мест характерен холмисто-котловинный ледниковый рельеф, с высокими продолговатыми холмами — камами, переходящий затем в болотистую озерно-ледниковую равнину; из болотных озер берет начало река Саба, левый приток Луги. Древний Городец стоял у водораздела Луги и Плюсы, как бы прикрывая с запада небольшой плодородный „треугольник” — долины озер Верхнего Полужья.

Впервые городище у деревни Городец было обследовано в 1927 г. Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным. В 1960 году в Городце побывал отряд комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. Отряд под руководством А. С. Потресова и Е. В. Шолоховой исследовал древние водные пути новгородцев. При обследовании Городца на площадке городища были обнаружены черепки древнерусской гончарной керамики.

До этих находок Городец не включали в число памятников X—XIII вв. Поэтому когда в 1970 г. отряд Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ начал обследование Лужского района, мы особое внимание обратили на это городище. На площадке был заложен маленький, размером 6×3 м, разведочный раскоп.

Раскопки древних поселений на первых порах напоминают чем-то расчистку древних икон: сначала на небольшой площади осторожно, слой за слоем, снимаются позднейшие отложения — дерн, перемешанная земля с кладбищенскими остатками... Лопата быстро уступает место

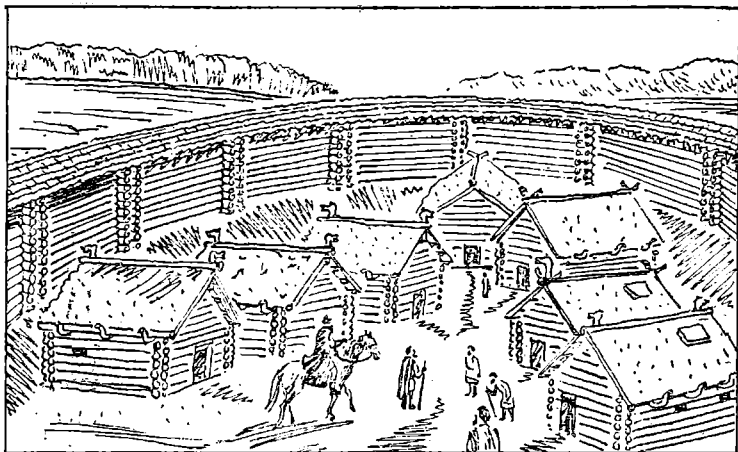
ножу и кисти. Осторожно сметая „пыль веков”, постепенно раскрываем остатки чего-то разрушенного: здесь — развал камней, там — куски обожженной глины, тут — сгоревшее бревно, черепки раздавленного горшка... Черными пятнами выделяются древние ямы, надо их расчистить и разобрать. Вот в одной из ям попадаются только лепные черепки, а везде вокруг керамика гончарная — значит, эта яма на сто — двести лет древнее всех остальных.

И вот все расчищено, разобрано, зачерчено и сфотографировано, собраны и описаны первые находки, среди зеленого поля площадки раскоп выглядит таким аккуратным, ясным — и ничего в общем-то непонятно: вскрыты разрозненные части сложного целого, проявлены крошечные обрывки гигантской киноплёнки, отснявшей „фильм” длинной в триста — четыреста лет...

Для того чтобы увидеть хотя бы несколько его сюжетов, нужны многие недели и месяцы. Исследование, ограниченное коротким северным летом, растягивается на годы.

С 1971 по 1973 г. в Городце под Лугой вел раскопки отряд СЗАЭ, организованный Ленинградским университетом и Музеем истории Ленинграда. Материалы, полученные в Городце, вошли в музейную экспозицию. За три полевых сезона была раскопана вся сохранившаяся часть площадки городища — около 1000 кв. м. Наблюдения, возникшие во время исследования, позволяют восстановить основные этапы жизни древнего Городца, рассказать о главных ее событиях.

...С характерным, негромким шорохом десятки лопат входят в землю. Мерно, ритмично летят в сторону куски дерна. День, другой, третий — и вот приоткрывается зеленый травяной покров, занавес, задернутый много столетий назад. Неглубоко, в 30—40 см, у нас под ногами лежат остатки поселения XIII в.



В кольце укреплений располагались постройки Городца XIII в.

Поселение было окружено мощным валом. Укрепления на гребне, к сожалению, были уничтожены при строительстве каменной ограды монастыря. Вероятно, как обычно в укреплениях того времени, это было деревянное забрало из уложенных горизонтально бревен, концы которых входили в пазы вертикальных стоек. Вал с забралом венчал 10—15-метровый, тщательно обработанный крутой склон холма, так что общая высота укреплений со стороны неприятеля достигала 20 м. Преодолеть их под градом стрел, камней, копий было делом нелегким.

В кольце укреплений располагались жилые постройки. В XII—XIII вв. Городец был застроен небольшими бревенчатыми срубами размером 4×4 или 5×5 м. Деревянные дощатые полы лежали на бревенчатых лагах, часто под полом устраивали глиняную подмазку или подсыпали слой

обожженного песка. В домах стояли небольшие, сложенные из мелких, потрескавшихся от огня камней печи (так называемые печки-каменки, топившиеся по-черному, типа печек в деревенских банях).

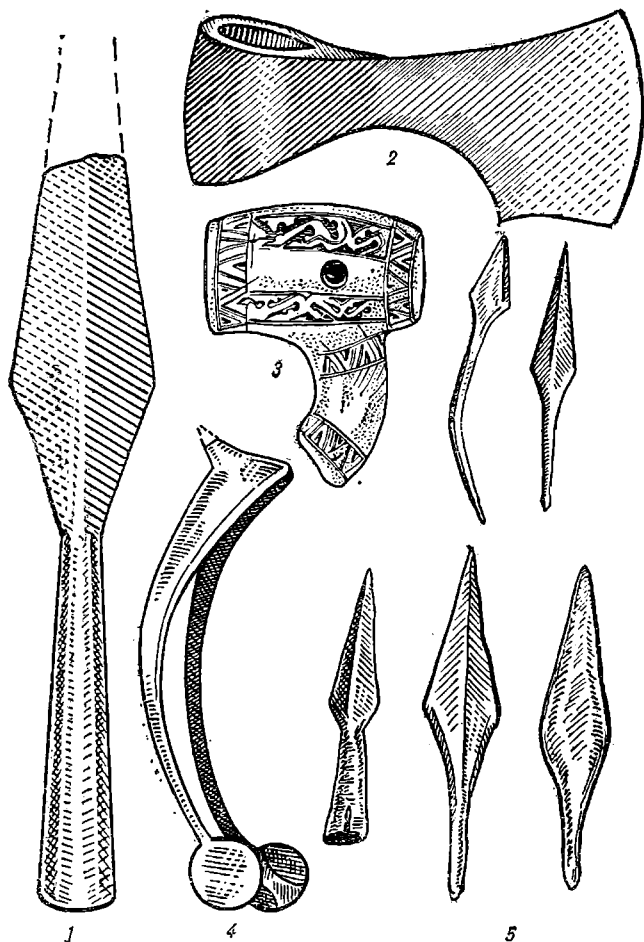
Любопытная деталь: в основании одного из срубов, в углу под печью, был уложен оберег — конский череп. Этнографы фиксировали этот обычай в конце прошлого века, но, оказывается, он был известен еще в XIII столетии.

Жилые срубы располагались двумя рядами вдоль насыпи вала, по краю площадки. Ее центральная часть в XII—XIII вв. оставалась сравнительно свободной. Дома поставлены близко друг за другом; их расположение, одинаковые размеры и устройство свидетельствуют об относительно равном положении, которое занимали их обитатели.

Но вот особенность — возле жилищ не обнаружено хозяйственных построек. Среди находок есть орудия труда — серпы, косы-горбуши, но нет амбаров, хлевов, кладовых. В одной из построек раскопана зерновая яма — зерна в ней немного, это даже не годовой запас, а, так сказать, на текущие нужды...

Откуда же его брали? Из каких-то общественных кладовых? Надо учесть, что раскопать удалось лишь часть площадки городища, и не самую главную. Центральные постройки — жилые и хозяйственные — могли размещаться в южной, более высокой части площадки, занятой ныне церковью и кладбищем.

Это тесно застроенное, сильно укрепленное поселение погибло в середине XIII в. Земля городища хорошо сохранила многие следы внезапного нападения, все постройки верхнего горизонта сгорели. У стены одного из срубов найдено брошенное оружие — сломанный наконечник копья, боевой топор с треснувшим и отвалившимся обухом... Рядом — еще один боевой топор, совершенно



Оружие и снаряжение всадника XII—XIII вв. из находок
в Городце:
1 — копье; 2 — боевой топор; 3 — нагвешие плети; 4 — шпора;
5 — наконечники стрел.

целый. Выбросить его не могли, оружие выпало из рук воина.

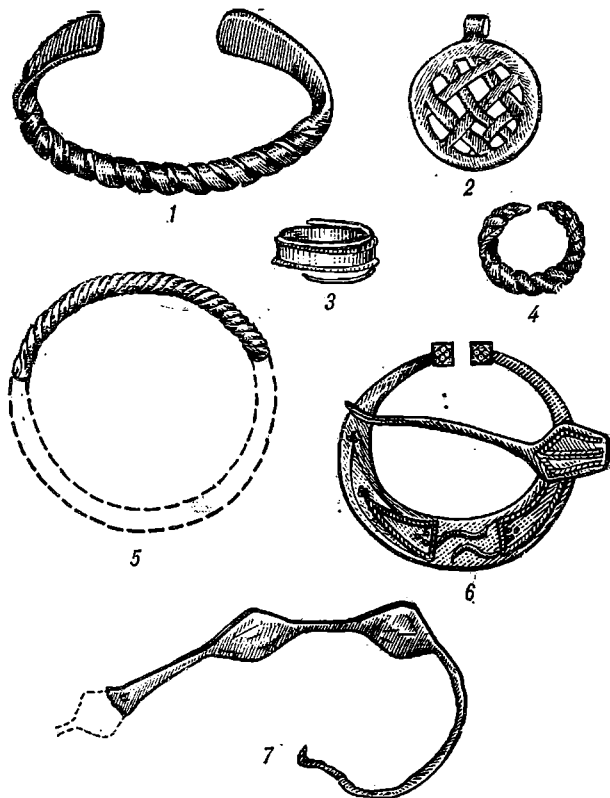
А вот четырехгранный наконечник стрелы — арбалетный болт. Конец сбит от удара обо что-то твердое — может быть, о камень, а может, о стальную пластину панциря. То и дело попадаются обрывки кольчуги, отдельные кольчужные кольца.

В одной из построек найдены конские удила. Всадник не успел взнуздать боевого коня, да, вероятно, он и не нужен был в этом внезапном, последнем бою. В развалинах изб найдены брошенные орудия труда, утварь — косы-горбуши, серпы, тесло, пешня (кто-то хаживал зимой на озеро ловить рыбу из-под льда); в подполе одной из небольших построек — целый клад: скобель, полосовое железо, лист бронзы. Хозяин был мастером на все руки — и плотник, и кузнец, и ювелир.

В развале одной из печей оказался даже совершенно целый горшок — вещь на поселении вообще очень редкая, ибо посуду-то били и в мирное время. Здесь же — зерновая яма со сгоревшими припасами.

Все говорит о том, что нападение на Городец было неожиданным, обитатели его не успели ни убежать, ни спрятать свое имущество.

А прятать было что. В каждой постройке найдено по несколько навесных цилиндрических железных замков, тех самых, изготовлением которых славились русские ремесленники. Что лежало в сундуках за этими замками? Остается только догадываться: меха, заморские сукна, тонкое полотно не сохраняются в песчанистом культурном слое Городца, — это не Новгород и не Ладога. Но среди находок — великолепный витой бронзовый браслет, перевитый сканной нитью. Подобные браслеты из бронзы, серебра, золота найдены в киевских кладах, зарытых в дни монгольского нашествия. Такие украшения были доступны



Украшения, найденные в культурном слое Городца:
 1 — бронзовый браслет; 2 — бронзовая подвеска; 3 — серебряный перстень; 4 — бронзовый перстень; 5 — обломок стеклянного браслета; 6 — бронзовая подковообразная фибула; 7 — бронзовая зигзаговка ромбоштиткового височного кольца.

лишь женщинам знатных семей. Их нет в деревенских, рядовых курганах Руси.

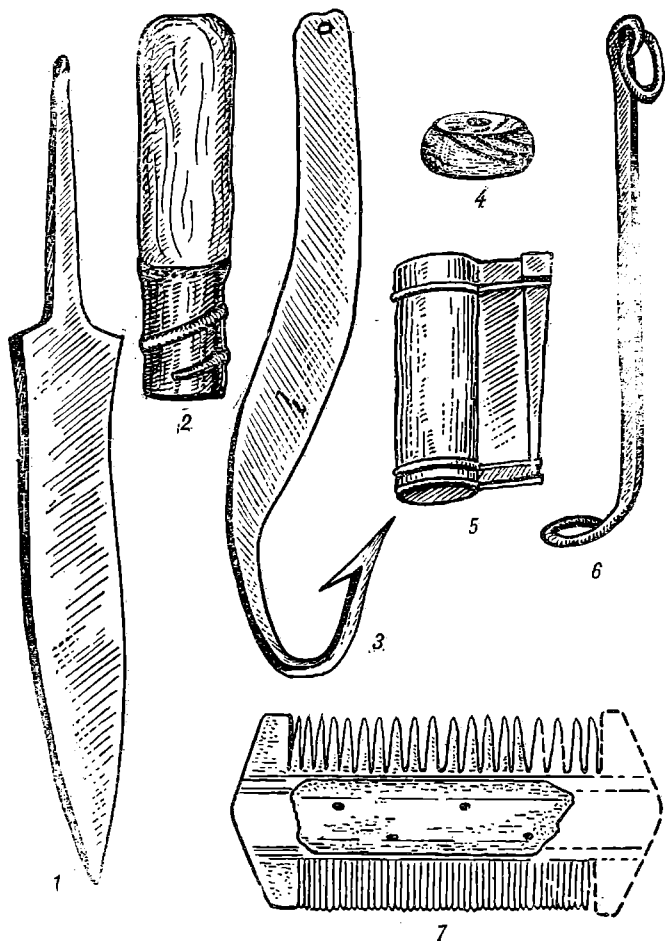
Женщины Города носили и хрупкие стеклянные браслеты, их обломки то и дело попадаются в верхнем слое городища. Эти украшения, излюбленные у древнерусских горожанок, в деревнях также не встречаются: слишком часто пришлось бы ездить в город за новыми...

Бронзовые подковообразные фибулы-запоны, скреплявшие женские накидки или воинские плащи „корзно“, найдены в нескольких постройках. Среди вещей, связанных со снаряжением всадника, — костяное навершие плети, украшенное искусно вырезанным узором.

Добавьте к этому оружие — кольчуги, копья, боевые топоры, стрелы, находки сапожных подковок, предметов конской сбруи, серебряные перстни, стеклянные и бронзовые бусы, обломки браслетов, и вы без труда представите облик обитателей Города XII—XIII вв. — богато одетых и хорошо снаряженных конных воинов, женщин в дорогих городских украшениях.

Все эти находки — прекрасные образцы городского ремесла (кузнечного, гончарного, стеклодельного, ювелирного, оружейного, косторезного). Вещи — привозные, скорее всего из Новгорода. Немногочисленность орудий труда, обилие оружия и украшений, регулярный характер застройки, напоминающей военные поселения, мощные укрепления — все это свидетельствует о том, что Городец XIII в. был местом обитания феодальной дружины.

Конечно, и здесь жили люди, обслуживавшие дружинников: пахари и пастухи, ремесленник — одновременно кузнец, ювелир и плотник. Но прежде всего Городец был военно-административным центром, одним из средневековых погостов. Сюда свозили жители окрестных мест дани и оброки. Отсюда тиун или вирник в сопровождении вооруженных „мужей“ выезжал творить суд и расправу, собирая при этом штрафы и выкупы — „виры и продажи“.



Бытовые вещи из верхнего горизонта Горудца:
 1 — нож; 2 — рукоять ножа (дерево, бронза); 3 — рыболовный крючок; 4 — шиферное пряслице; 5 — замок; 6 — ключ; 7 — гребень.

Часть собранного, очевидно, поступала князю или Новгороду, а остальное шло дружине „в кормление” — вот откуда сундуки, полные всякого „узорочья”, дорогие украшения жен, оружие, серебряные запоны, подкованные сапоги... Но в случае нужды, в грозный час отсюда же устремлялась на врага отважная русская конница защищать порубежные земли. „Мужами храборствующими” называли дружинников на Руси. Среди жителей древнего Городеца вполне могли оказаться соратники Александра Невского, не зря враг, вторгшийся в крепость, встретил здесь упорное, хотя и беспорядочное сопротивление. Свидетельство тому — разбросанное среди пожаращ городеца оружие.

Можно представить себе, как в тихий предрассветный час раздался на въезде гулкий топот подкованных копыт тяжелых боевых коней. Спихнулись спросонок воротные стражи, но поздно: под хриплые крики команды на чужом языке расходятся дощатые створки ворот. Рассыпались по площадке проворные „кнехты”, вскидывая дальнобойные арбалеты... Чужие всадники, уставив копы, проносятся в глубь площадки, разбегаются среди изб „факельщики”. В пламени и в дыму бой рассыпается на множество подвигов, неравных схваток — у вала, среди домов, в бревенчатых горницах.

Именно так, внезапным наездом, легче всего было, наверное, взять столь мощную крепость: к длительной осаде Городец был неплохо подготовлен. А неожиданные налеты небольших отрядов в то время нередко бывали более успешными, чем правильная осада.

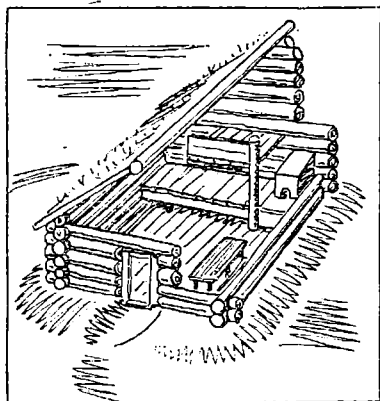
Когда погиб Городец? Массовые находки в верхнем горизонте характерны для XII—XIII вв. Довольно часто встречаются привезенные из Овруча на Украине пряслица из розового овручского камня — шифера; добыча его прекратилась после разгрома южнорусских городов в 1240 г. татарами. На близкое к этому время указывает и витой

бронзовый браслет. Если же мы обратимся к новгородским и псковским летописям, то прежде всего вспомним дату Ледового побоища на Чудском озере — 5 апреля 1242 г. Вторжение немецких рыцарей в русские земли началось за два года до этого: в 1240 г. немцы осадили Изборск, с помощью изменников заняли Псков, опустошили земли по реке Луге, угрожали Новгороду. После разгрома на льду Чудского озера крестоносцы „прислали с поклоном: что зашли мы мечом, Воть, Лугу, Псков, Летголу, от того от всего отступаемся...” Как видно, и в градок на месте нынешнего Города „зашли мечом” враги в 1240—1242 гг.

А когда же возникло это укрепленное поселение? Ранние отложения сохранились значительно хуже: культурный слой с площадки городища неоднократно брали для подсыпки вала. Но тем не менее можно проследить остатки наземных построек и различного рода ямы XI—XII вв. Как и позднее, основной тип жилища — наземные срубы с печами-каменками, иногда обширным подполом. Есть и отдельные, углубленные в землю постройки типа полуземлянок, попадают вещи курганного времени, X—XI вв.: обломки браслетов, характерные подвески-медальоны, подковообразные фибулы из бронзы и железа, наконечники, на материке выступают срубы и углубленные в землю постройки, где уже нет гончарной керамики, только посуда, сделанная от руки (гончарный круг в этих областях Руси распространился лишь к концу X в.).

Планировка и застройка этого раннего поселения заметно отличает его от дружинного градка XI—XIII вв. От построек сохранились довольно глубокие, от 30 см до 1 м, котлованы прямоугольной формы, размерами 5×4 м, 4×3,5 м, 2,5×3 м, средней площадью от 7,5 до 20 кв. м. В эти котлованы, судя по сохранившимся углям, были впущены бревенчатые срубы, на несколько венцов возвышавшиеся над землей. Полы, как и в более поздних избах,

устроены из досок или деревянных плах, уложенных на бревенчатые лаги. В углу каждой из построек, иногда на земляном возвышении, — печь-каменка. Печки небольшие, 1,5 м в диаметре и до 0,8 м в высоту. Они умело, плотно сложены. И самое главное — в каждой печи среди камней найдено множество лепных черепков, развалы целых сосудов, свидетельствующие о глубокой древности этих жилищ.



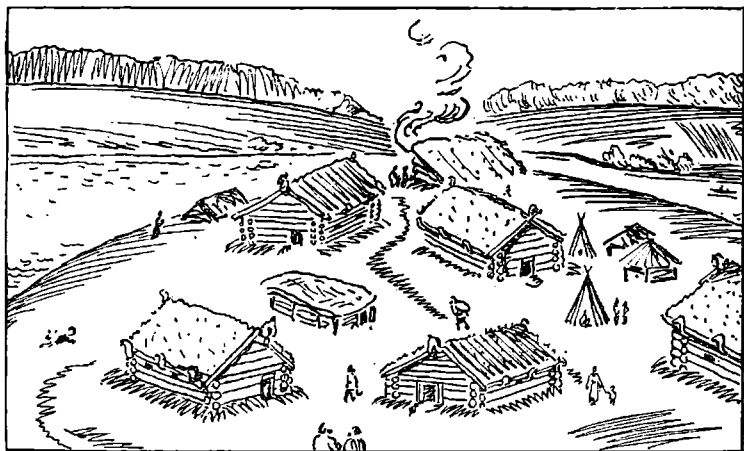
Полуземлянка.
Реконструкция.

Можно сравнить остатки городецких полуземлянок с новгородскими избами XI—XIII вв. — планировка некоторых из них (наиболее скромных) напоминает планировку жилищ Города. Как полагал крупнейший знаток древнерусских жилищ Северо-Запада Ю. П. Спегальский, в этих избах рядом с печью (обращенной устьем к входу) устраивались деревянные полаты в один или два яруса. В свободной части жилища могли поставить стол, лавки. Впрочем, как писал Ю. П. Спегальский, „во всем внутреннем устройстве древней новгородской избы... выражено, что преобладающим назначением ее было служить убежищем для ночного сна... Днем, во время топки печи, когда дым заполнял верхнюю половину избы... на полатах никого не было, вечером же, после того как дым выходил, а входная дверь запиралась, полаты становились наиболее теплым, удобным и теперь уже спокойным местом для ночлега”³⁷. (Нужно ли напо-

минать, как долго хранят тепло раскаленная печь-каменка и нагретые ею бревенчатые стены!)

Постройки такого типа были характерны для славян VII—IX вв. всюду в местах их обитания. Уже в X столетии на Северо-Западе полуземлянки вытесняются наземными постройками-срубами, более подходящими для наших условий. В древнейших слоях Городца отмечены следы, по крайней мере, двух наземных построек. По размерам, планировке да и внешнему виду наземные жилища немногим отличались от углубленных.

Ранние постройки сгруппированы в южной части раскопа. Северная, дальняя часть площадки занята небольшими хозяйственными постройками, наземными или углубленными. Здесь также летние дворовые очаги, иногда укрытые легкими навесами типа шалаша. По самой окра-



*На пустынном зеленом холме в IX в. появились первые постройки
Городца.*

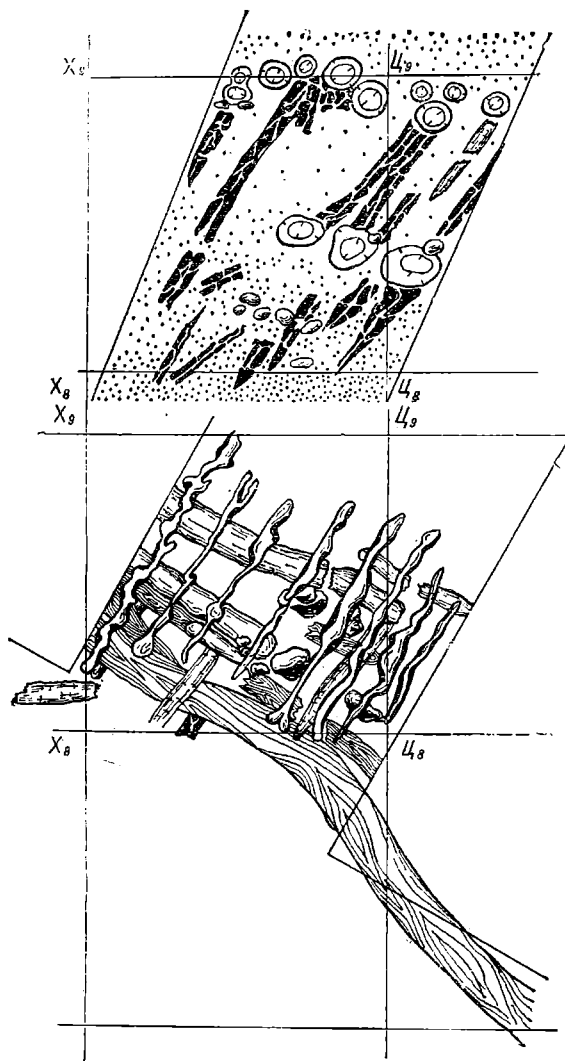
ине поселения, уже на склоне мыса, располагаются остатки производственных комплексов. От них сохранились мощные слои угля, развалы обожженных камней, груды железного шлака и крицу (непрокованного металла). Судя по находкам гончарной керамики, эти комплексы перестали функционировать к концу X в.

Такое разделение поселка на зоны — жилую, хозяйственную, производственную — характерно для эпохи, когда большие семьи еще только-только разделялись на малые: сохранялось хозяйственное единство обитателей разных полуземлянок, древний родовой уклад, о котором хорошо помнил русский летописец еще в XI столетии.

Видимо, не сразу, но и этот поселок был окружен мощными укреплениями. Нижняя, ранняя часть вала насыпана частью из песка и суглинка, частью из культурного слоя, в котором найдена только лепная керамика. Полное отсутствие здесь гончарных черепков заставляет сделать вывод, что вал насыпан не позднее X в.

В основании его открыта необычная для Древней Руси конструкция. Сначала на месте будущей насыпи, вдоль нее, уложили на землю пятью-шестью рядами длинные толстые бревна (в поперечнике до 30 см). Поверх них положили новый слой бревен, на этот раз поперек, коротких и толстых. Выше — третий слой, снова вдоль оси вала. Над ним — следующий, поперечный. И так удалось проследить шесть — восемь рядов бревен, лежащих друг на друге и образующих внушительную решетку. Первоначальная высота ее достигала 1,5—2 м при ширине около 2 м. Мощная деревянная стена опоясывала всю площадку городища (при раскопках ее следы были выявлены на протяжении примерно 50 м).

Над деревянной решеткой и с ее внешней стороны был насыпан земляной вал из суглинка, песка, культурного слоя. По верху для большей прочности его покрыли слоем глины толщиной около 30 см. И наконец, по гребню



Конструкция оборонительных сооружений
Городца — частокол
на гребне и решетка
из бревен в основании
первоначального вала
(по данным раскопок
1973 г.).

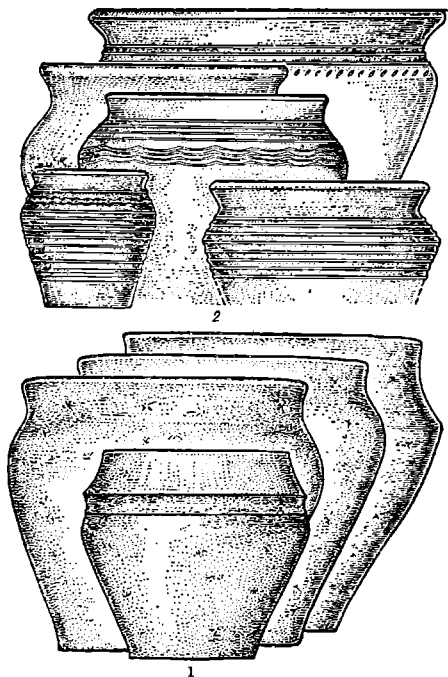
Фрагмент полевого
плана.

этой насыпи, достигавшей с внутренней стороны примерно трехметровой высоты и возведенной над 10—15-метровой кручей склонов, был выстроен плотный деревянный частокол.

Валы с деревянной решеткой в основании до сих пор у нас были известны лишь в Москве и в Новгороде. Там они датируются XII в. Городецкие укрепления на 200 лет старше новгородских и московских конструкций. Вообще же такой способ сооружения оборонительных валов с IX по XIII в. был широко распространен у западных славян, живших на южном побережье Балтики.

Появление строительных традиций балтийских славян в наших землях представляет особый интерес и ставит новые вопросы: историки и языковеды давно уже предполагали, что словене ильменские (а может быть, и кривичи) пришли на нашу территорию из западнославянских земель. Многие особенности новгородских и псковских народных говоров отличают их от южно- и восточнорусских. В то же время в этих говорах много черт, сближающих их с говорами Польши. Широко были распространены у древних новгородцев и западнославянские имена, нечастые в других русских землях.

Серьезных археологических доказательств особой близости словен ильменских с балтийскими славянами до сих пор предъявлено не было. В древнерусских городах Новгороде, Пскове, Ладоге найдена гончарная керамика западнославянского облика, но она могла попасть сюда вместе с товарами из городов южной Балтики — Волина, Щецина, Гданьска, Колобжега, Старгарда, Арконы. Конечно, и строительство укреплений могли поручить заезжему мастеру. Но, может быть, правы лингвисты: словене, жившие в Городеце, возвели вал, сообразуясь с традициями своей прежней родины... Для того чтобы дать окончательный ответ, понадобятся новые исследования валов городищ, курганов, железных вещей, керамики, украшений.



Керамика Городца под Лугой:
1 — лепная; 2 — гончарная.

сопкам. Вероятно, эта керамика (на Городце ее немного) попала сюда от местного, дославянского населения.

Есть горшки с резким перегибом плечика, ребром в верхней части сосуда. Эта реберчатая керамика — предмет острых дискуссий. Ее много найдено в культурном слое VIII—IX вв. Старой Ладogi, в ладожских сопках. Такая посуда не характерна для достоверно славянских памятников юга. Но различные реберчатые формы известны

А находки эти, связанные с ранней эпохой жизни на городище, пока не так уж многочисленны. Но то, что есть, вызывает новые и новые вопросы.

Чаще всего встречается керамика — лепные высокие горшки, расширяющиеся кверху, с округлыми плечиками и слегка отогнутым венчиком. По пропорциям, выделке, размерам они близки обычной для VIII—IX вв. славянской посуде других территорий. Наряду с ними встречаются изредка черепки баночных сосудов, уже знакомых нам по длинным курганам и

в Прибалтике, вплоть до Литвы. И далее на юго-запад, в землях западных, балтийских славян. Хотя тамошние сосуды заметно отличаются от наших... Что стоит за этой формой — особая, прибалтийская „мода”, культурные влияния, этнические связи, — пока сказать трудно. В Городец этой керамики примерно столько же, как и достоверно славянской.

Наконец, самый характерный, городецкий тип лепной посуды — горшки с горизонтальным желобком (каннелурой) по плечу на перегибе от горла к тулову сосуда. Там, где у других сосудов острое ребро, здесь — след указательного пальца, неглубокая канавка, опоясывающая сосуд. До раскопок в Городце был известен всего один такой горшок, из слоя первой половины IX в. на Староладожском поселении. Сейчас наряду с массовыми находками этой керамики на площадке и в землянках Городца отдельные черепки сосудов с каннелурой обнаружены при раскопках В. В. Седова на Труворовом городище в Старом Изборске и при раскопках К. М. Плоткина на городище Камно, под Псковом. Новый тип керамики, до последних лет, по сути дела, неизвестный на Северо-Западе, может быть, позволит наконец проследить пути словен ильменских... Но пока нигде более, кроме названных поселений, эта загадочная форма не обнаружена.

Зато установлено, что формы лепной керамики в Городце повторяются в некоторых формах сосудов, сделанных на ручном гончарном круге. От посуды полуземлянок протягивается ниточка к керамике X—XI вв., к древнерусской курганный и городской культуре.

Среди гончарной посуды, как и в Новгороде, и в Пскове, отдельные формы — явно западнославянского облика. Но спешить с выводами не стоит: на возможном пути движения славян пока намечены лишь редкие точки — Ладога, Городец, Изборск, Камно, Псков, Новгород... Самая дальняя — городище Городок на Ловати. Раскопки боль-

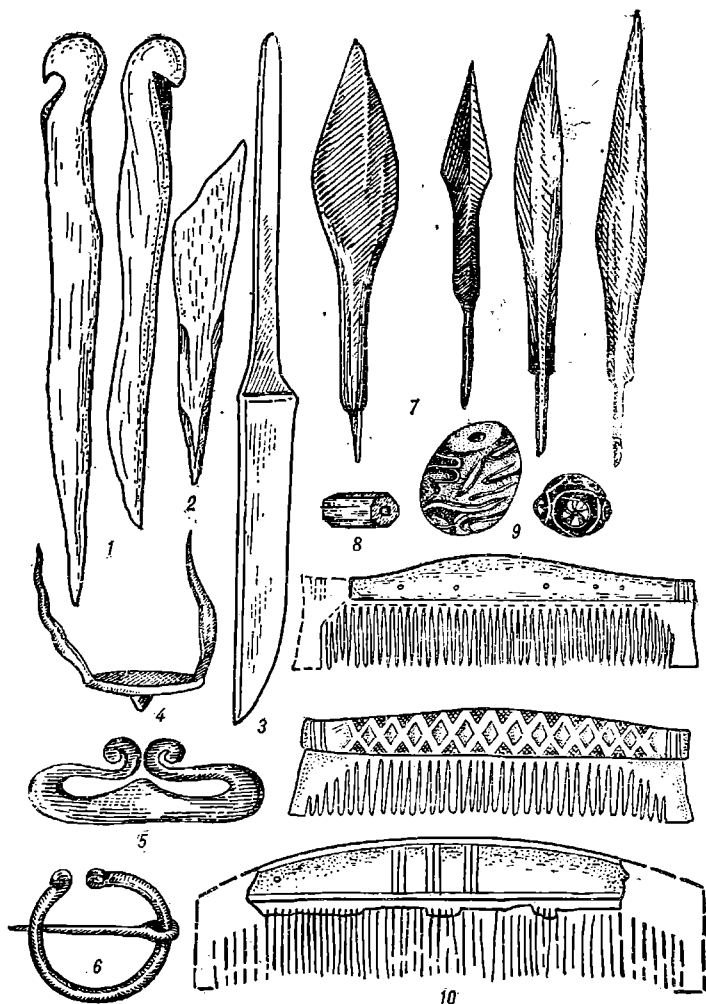
шинства этих памятников начались лишь в 1970-х гг. Новые материалы еще предстоит всесторонне проверить.

Кроме керамики в полуземлянках Городца и одновременном им культурном слое найдено много железных изделий. Главным образом это ножи, прямые, с длинным черенком. Железо — хорошего качества: не зря, видно, обитатели городища оставили на северном склоне груды железных шлаков.

Есть и костяные поделки — шилья, проколки, кочедыки для плетенья. Среди них выделяются гребни. Они украшены нарезными линиями, образующими иногда сложный узор. Такие односторонние составные гребни хорошо известны по находкам в Старой Ладоге, что позволяет датировать горизонт полуземлянок — древнейший слой Городца — IX веком.

В слое, перекрывшем полуземлянки, найдены арабские дирхемы IX—X вв. Среди находок есть обрезки, половинки монет, — серебро принимали на вес (в отложениях X—XI вв. найдена бронзовая чашечка от весов). Полновесные, целые монеты на Руси называли „ногатой“, от арабского слова „нага“ (чистая). Обрезки дирхемов — „резаны“ (в „Слове о полку Игореве“: „...рабыня по ногате, а раб — по резане...“).

В ранних отложениях культурного слоя практически нет вещей, типичных для культуры местных, неславянских племен: никаких следов характерных богатых металлических украшений финских или балтских типов, хотя они нередко встречаются на древнерусских селищах и особенно в курганах. В то же время в среднем горизонте, относящемся в основном к XI в., найдена заготовка ромбошиткового височного кольца, сделанного из тонкой бронзовой проволоки. Такие кольца считаются этнографическим признаком словен новгородских XI—XII вв. До X в. в славянских памятниках (в отличие от финских и балтских) украшения вообще встречаются крайне редко.



Находки из нижнего слоя Городца:

1 — копчедыки; 2 — шило; 3 — нож; 4 — ледоходный шип; 5 — кресало;
6 — подковообразная фибула; 7 — наконечники стрел; 8 — сердечковидная бу-
зина; 9 — стеклянные бусы; 10 — гребни.

Лепная керамика и арабское серебро, железные ножи и резные ладожские гребни, полуземлянки и печки-каменки — вот из чего вырастает древнерусская культура X—XII вв. на Северо-Западе. Как же датировать начало, истоки ее? Самая ранняя находка на Городец — крупная мозаичная бусина, темно-синяя, с богатым и сложным узором: зелеными, белыми, красными разводами. Такие бусы известны в Финляндии и Западной Европе, они относятся к VIII в.

Темно-синяя, почти черная бусина с белыми „глазками“, окруженными бело-красными „ресничками“ (ее так и называют — глазчатая), — IX в. К IX в. относятся часть дирхемов, некоторые из гребней. Видимо, в этом столетии (может быть, в самом начале его) появились первые городецкие жилища.

Сто с лишним лет спустя это было плотно застроенное, хорошо укрепленное поселение: острые концы частокола, поднимаясь над склоном, скрывали кровли построек. Если взглянуть на Городец из озерной поймы и представить себе, как выглядело городище в глубокой древности, вспоминается картина Н. Рериха: высокий зеленый мыс над темной водной гладью, неровные бревна стен, неяркие огни костров... Скользит мимо городища лодка-однодеревка (кстати, такие „кемейки“ до сих пор делают местные рыбаки). Настороженно поглядывает вверх, на поселок, молодой гребец. Погружен в глубокую думу старец. „Гонец. Встал род на род“.

Городец IX—X вв. был родовым градом. Мощное славянское укрепление не сразу, но неуклонно превращалось в центр разноязычной округи. И „встал род на род“: первые укрепления Города сторели, упавшие по склону бревна частокола как будто указывают направление вражеского напора — со стороны озера, откуда ждать его труднее всего. Приступ, видимо, был отбит — градок продолжал жить, вал его был досыпан и укреплен заново.



Н. К. Рерих. „Гонец. Встал род на род“.

Городец оказался одним из немногих известных пока центров древнерусской культуры, где прослеживается ее развитие от старолadoжских до новгородских форм, преемственно и непрерывно с IX по XIII в.

Осмотрим еще раз древнее городище — ровную зеленую площадку, слегка повышающуюся к югу, туда, где стоят церковь и высокие тополя над забытыми могилами... Крутые валы, отлогий въезд, вдоль которого, убегая вниз, выстроились избы поселка. А теперь представим себе, что проявленную археологами „киноплёнку“, отснявшую вразбивку сюжеты 700—1000-летней давности, можно переклеить и „прокрутить“ в хронологическом порядке. В быстрой смене мелькающих кадров мы смогли бы проследить

основные события истории этого места — одной из ячеек Древней Руси...

...На пустынном зеленом холме, омываемом с двух сторон водами озера и реки, появляются первые люди. Речь их, хотя и не без труда, мы понимаем — это „язык словенск". Вооруженные „суседи", пахари и воины (какими и много веков спустя оставались русские люди), пришельцы облюбовали „место пусто": ведь ближайшие памятники, оставленные местными насельниками, известны либо на озере Врево (сопки), либо ближе к водоразделу Луги и Плюссы (сопки, длинные курганы).

Вьются голубые дымки над островерхими дерновыми кровлями. Отсюда выходят в поля на работу, в лес — на промысел, на озеро — ловить рыбу. „Бортники" бродят по лесам в поисках дикого меда и воска, звероловы приносят „скору" — меха пушных зверей. Не все принесенное — достояние добытчика: по обычаю, за которым следят все более ревностно, часть принадлежит если не „князьку", то „старцу градскому". Может быть, на поселении с самого начала жили именно глава общины и „лучшие мужи", в VIII—IX вв. занимавшие уже высокое место в славянском обществе.

„Лучшие мужи" не довольствуются добровольными приношениями. Накопив какие-то средства, — освоенная целина, неисчерпаемые леса и реки щедро вознаграждают за труд земледельцев и охотников, — знатные словенские мужи, собрав „отроков" — молодежь, „конно, людно и оружно" отправляются по окрестностям „примучивать" разбросанную по прилаужским лесам чужь, собирать дани. Сначала это делается изредка, время от времени. Но каждый поход все более обогащает „нарочитых мужей". Все более уверенно чувствуют себя окружающие их воины. Вооружаются дорогим привозным оружием, отправляют „торговых людей" в далекую Ладогу, везут оттуда заморские товары. А то и кто-то из заезжих купцов, прослышав

про новый градок, сворачивает с прямого пути на Ильмень или на Чудское озеро и на Городец подолгу торгуется, отвешивая тонкие серебряные кружки и дольки — „ногаты и резаны”.

Торг, „обилъе” привлекают в Городец не только окрестных славян. И чужь приходит сюда встретиться с заезжими торговцами, а то в неурожайный год одолжить зерна у „старца градского” или кого из „лучших мужей”. Или вернуть долг — зерном, медом, воском, „скорами”. Может быть, в городецких семьях появляются чудские женщины, — лепная посуда местных форм, скорее всего, сделана ими. Позднее, в XI—XII вв., на городище встречаются отдельные чудские украшения.

Градок превращается в новый хозяйственный и политический центр края. Появление славян оборачивалось для чуди не только даяниями и оброками. Местное население учится новым приемам земледелия, включается в торговые связи, ищет суда и управы, а иногда защиты и вооруженной помощи у „старцев градских” и „нарочитых мужей”. Все чаще вокруг чудских селений появляются славянские поселки и выселки, все труднее различить: славяне ли, чужь ли — землепашцы, подчиненные Городцу; все они „смерды”, данники.

Растет значение поселения, и меняется его облик. Оборонительные сооружения Города X в. — дело рабочих рук всей округи. Большую работу нужно было проделать „всем миром” — обровнять крутые склоны, принести груды песка на холм, нарубить лесин, насыпать валы, поставить часток. Строительство укреплений у славян было хорошо организовано: каждая деревня, община получала твердо определенный „урок” — задание возвести часть насыпи или привезти какое-то количество бревен. Строительство мощных укреплений — один из лучших показателей достигнутого обществом уровня социальной организации.

Чаще всего это — дело централизованной княжеской власти. Возможно, вал Городца появился после 947 г., когда „иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани, и по Луге оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья, и места и повосты”. Путь Ольги из Новгорода по Луге в Псков мог идти мимо Городца. Вероятно, здесь киевская княгиня основала один из своих „повостов” (погостов), облекла „властителя” Городца правом от княжьего имени творить суд и расправу, а может быть, посадила в погосте одного из „мужей” своей дружины — нарядных и „изоруженных” всадников, киевских русичей, знатных новгородцев, варягов. Из княжеских дружинников выдвигались в то время не только опытные воины, но и администраторы молодого русского государства.

Городец стал одним из опорных пунктов княжеской власти в Верхней Руси. С каждым годом он обстраивается и укрепляется. Грозно высятся деревянные стены на высоких валах, расхаживают по ним дружинники с добротным оружием; время от времени раскрываются ворота, и по широкому въезду, сверкая сталью и серебром, украшениями и сбруей, отправляется в дальние разъезды конница под расшитым княжеским стягом.

И — грозный, но частый в древности финал. Резко, как отсеченная одним взмахом меча, жизнь на Городце обрывается и застывает. Земля одного из сотен русских „градов малых” бережно хранит память о летописных временах Руси, о трудах и битвах наших предков.

С этим далеким временем в Городце связано не только городище. В пределах поселка, на юго-восток от древней крепости, у косогора речной долины, стоял некогда курганный могильник. До наших дней он не сохранился. Но на месте одного из курганов были проведены контрольные раскопки. Они обнаружили округлый каменный венец диаметром 8 м, сложенный из больших валунов. В пределах венца найдены человеческие черепа и кости, остатки

разрушенных погребений. Этого, в общем, достаточно для того, чтобы сказать: могильник связан с городищем, одновременен ему. Такие курганные могильники из невысоких — до 1,5—2 м — курганов, окруженных по основанию каменными венцами, во множестве изучены в пределах Новгородской земли (в том числе и на Ижорском плато, и в Верхнем Полужье). Все эти памятники оставлены словенами новгородскими, хотя кое-где к ним примешиваются и погребения чуди, ижоры, води.

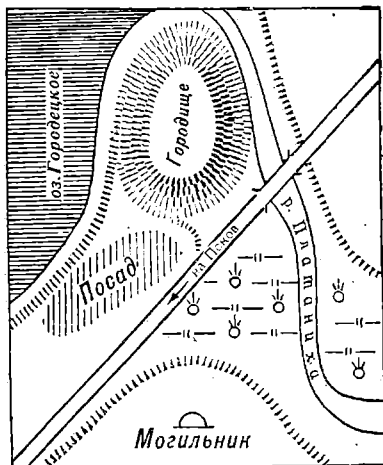
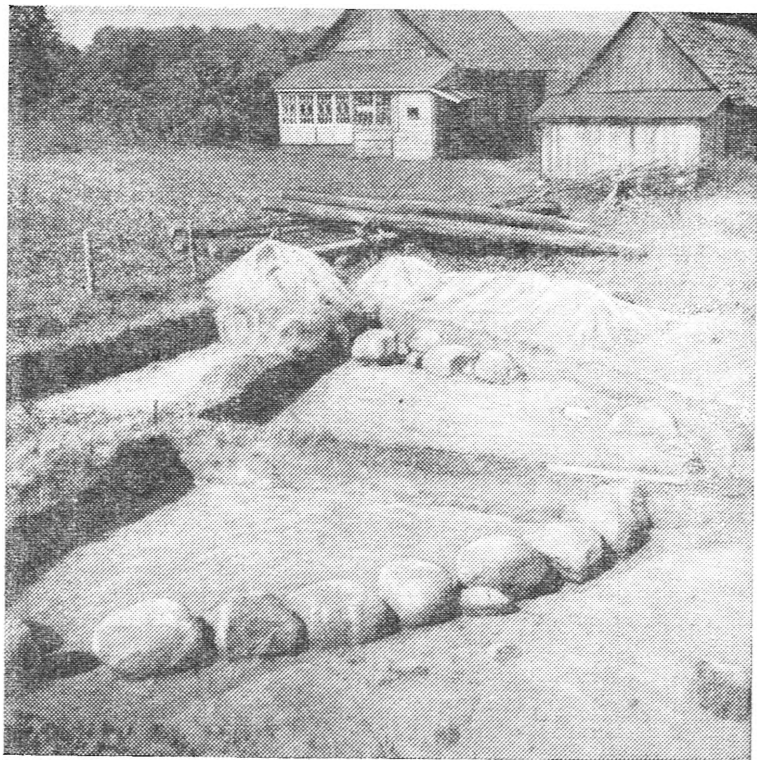


Схема расположения памятников
в Городце под Лугой.

После гибели укрепленного поселения на площадке городища возник Георгиевский мужской монастырь „в Гремячей пустыни“. Об этом свидетельствуют не только письменные источники и местные предания, но и отдельные находки керамики, характерной для XIV—XV вв. и более позднего времени. В верхнем слое городища найден костяной резной крестик — великолепный образец древнерусской художественной пластики. В средней части креста — иконка „Богоматерь Знаменье“, патрональный образ, своего рода герб Новгорода Великого в XII—XV вв. Крестик мог относиться, по условиям находки, и к XIII в. Но художественные особенности иконки соответствуют памятникам XV—XVI столетий.

К монастырскому времени относятся и серебряные монеты — „денежки“, чеканенные в Москве в начале XVI в. —



Раскопки кургана в Городце в 1972 г.

при Василии III и в XVII в. — при Федоре Алексеевиче. В конце прошлого столетия на городище был найден клад московских копеек XVII в.

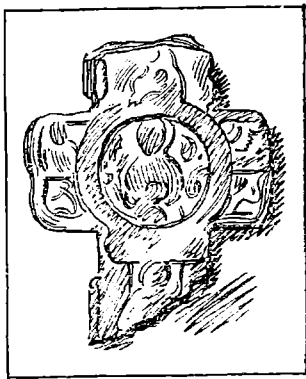
Фундамент Георгиевской церкви, построенной в 1770-х гг., был раскопан в 1973 г. архитектурным отрядом АГУ

под руководством кандидата искусствоведения В. А. Булкина. Как полагает исследователь, храм, простой и очень архаичный по планировке, мог быть поставлен на месте деревянной церкви XVI столетия.

Вокруг монастыря на городищенском холме, у подножья его, вдоль древней Псковской дороги в XV—XVI вв. возникло обширное неукрепленное поселение, своего рода посад. Раскопки, проведенные здесь в 1972 г. аспирантом АГУ И. В. Дубовым, обнаружили мощный культурный слой толщиной до 2 м с остатками деревянных сооружений, развалами камней; найденная керамика очень похожа на гончарную посуду Пскова XV—XVI вв. К сожалению, топография древнего Городца полностью совпадает с современной, и существующая ныне застройка не позволила пока раскрыть основную часть средневекового селища.

Гремячкой (Дремячкой) погост, первоначально, видимо, находившийся на городище, источники XV—XVI вв. отмечают на новом месте, к югу от Городца. Однако жизнь близ городища продолжалась, не прерываясь, до наших дней.

В 15 км к востоку от Городца, на западном берегу озера Врево, между центральной усадьбой совхоза имени Володарского и деревней Конезерье („конец озера” — „езера” по-древнерусски), находится еще одно из городищ Верхнего Полужья. Городище близ Конезерья — типичное мысовое. Выступ озерного берега с севера и юга защищен глубокими оврагами, с востока — водами озера. С запад-



Резной костяной крестик.



Разведочная траншея, проложенная на посаде Городца в 1972 г.

ной, напольной стороны площадка защищена заплывшим рвом и двухметровым валом, обложенным на поверхности камнями. Культурного слоя на площадке нет, но в разведочной траншее были открыты следы ям, кострищ, найдена лепная керамика. Возможно, это укрепление на озере Врево связано со сложным комплектом погребальных памятников, расположенных в черте деревни Конезерье.

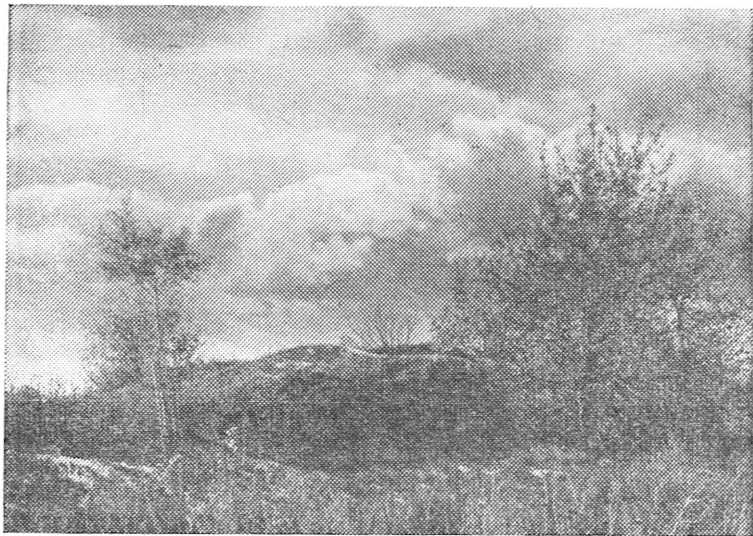
Здесь, на склоне надпойменной террасы

озера, находится большой курганный могильник. Высокую (около 3,5 м) сопку окружают сравнительно крупные, до 1,5 м, полусферические курганы. В западной части кладбища расположены жальники, окруженные валунами и плитами. Кое-где камни оградок торчат из-под земли, указывая на грунтовые захоронения.

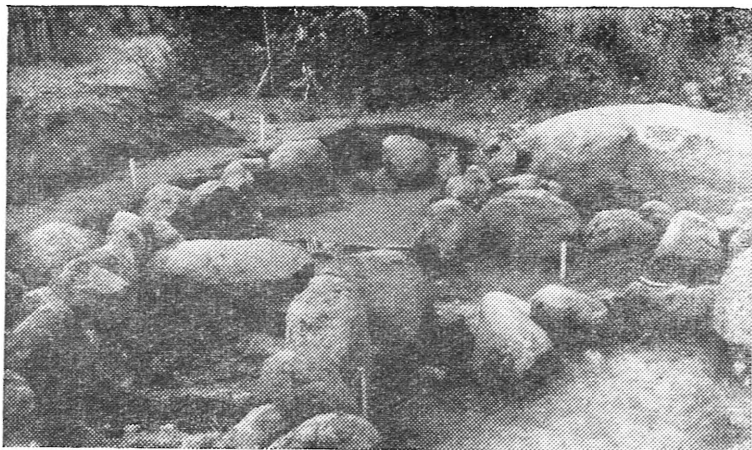
Сложный состав могильника выделяет его из других памятников Верхнего Полужья. В 1971 г. ленинградскими археологами З. В. Прусаковой и Е. А. Рябининым были начаты раскопки жальников. Один из них оказался своего рода семейной усыпальницей — вокруг основного погребения в глубокой яме, окруженной оградкой из валунов, располагались захоронения младших членов семьи, детей и подростков. Над каждой могилой была сложена из валунов и плит аккуратная оградка в виде каменного ящика.

Эти ящики, „цисты“, как их называли исследователи, при-
мыкают к ограде основного погребения. Такие сооружения
не характерны для славянских могильников.

Рядом со славянскими курганами был вскрыт еще один
жалыник — прямоугольная каменная ограда, разделенная
стенками из валунов на отдельные могилы. Она напоми-
няет по устройству „таранды“ — древние родовые усы-
пальницы эстонских и финских племен, известные на
много столетий раньше. И хотя найденные здесь вещи не
отличаются от курганных (витой браслет с петлеобраз-
ными концами, бронзовое колечко), погребения ориенти-
рованы головами на юг, юго-запад. Южная ориентиро-
вка — чудская традиция.



Курганный могильник в Конезерье.



Раскопки жальника в Конезерье в 1974 г.

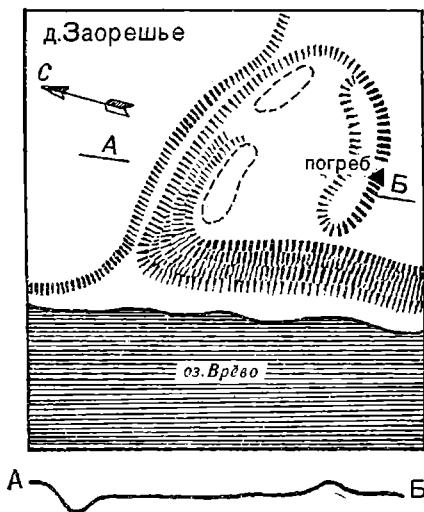
В одной из оградок, сложенной из мелких плит, было открыто самое раннее погребение — по обряду сожжения. Кальцинированные кости вместе с золой и углем были принесены с погребального костра и просто ссыпаны на расчищенную поверхность, а затем слегка прикрыты землей и окружены плитяной оградкой. Это похоже на обряд некоторых эстонских и финляндских памятников.

Все эти факты — свидетельство сложных процессов IX—XIV вв. на полужских землях. В могильнике отчетливо выступают чудские следы и традиции. Вокруг сопки — может быть, древнейшей родовой усыпальницы или могилы кого-то из старейшин — вперемежку расположились славянские курганы и могилы лужской чуди, постепенно смешивающейся со славянами, усваивающей древнерусские обычаи и наряды, нравы и язык. Следует отме-

тить, что в деревне Конезерье, ближе к мысу, когда-то находился курганный могильник из 18 насыпей, позднее распаханных. При распашке были найдены витой браслет, череп — словом, как и городецкий, могильник принадлежал словенам X—XIII вв. Возможно, что первые славянские поселенцы и местная чужь в Конезерье сначала жили раздельно, но постепенно, в течение жизни многих поколений, разноплеменное население перемешалось.

Других могильников, подобных конезерскому, на озере Врево нет. У деревни Задубье, на противоположном конце озера, известна еще одна сопка. До появления славян берега озера были почти необитаемыми. Зато памятников древнерусского времени здесь очень много, хотя и не все они сохранились до наших дней. Курганы известны в Скреблове (две насыпи), у деревни Александрово-Полесская и у деревни Будковичи, на водоразделе озер Врево и Черемонецкого. Сохранившиеся до наших дней памятники Полужья нужно сберечь.

У деревни Заорешье, на восточном берегу озера Врево, стоит еще одно мысовое городище. Среди местных жителей до сих пор рассказывают, что оно служило крепостью-убежищем во время набегов и наездов „литвы” и ливонских рыцарей, — сюда собирались со своим добром и скотиной все жители деревни. Городище находится на высоком мысу, сложенном из известняковой плиты. От деревни мыс отделен глубоким оврагом. Площадка городища в древности была окружена валом и с напольной стороны защищена рвом. Рва сейчас на поверхности не видно, здесь давно уже огороды, много земли принесено со стороны. Вал был укреплен мощной кладкой из больших валунов. К сожалению, 15 лет назад большая часть вала и культурный слой городища были полностью уничтожены при добыче известняка. Обрывочные сведения о находках оружия, бронзовых колец и браслетов, черепов и т. п. позволяют лишь предположить, что городище в Заорешье во многом



План городища у д. Заорешье.

западном берегу озера, стояла группа из 15 курганов, тоже с каменными оградами. По две группы зафиксировано и близ некоторых других деревень — Александрово-Полеской (7 и около 40 насыпей), Скреблово (60 и 70 насыпей).

Прекрасный образец древнерусского деревенского могильника — курганный группа у деревни Будковичи — точно на полпути от озера Врево к Черемецкому. Курганы располагаются примерно в 300 м южнее деревни, на гребне отлогой просторной возвышенности водораздела, среди полей. В могильнике более 200 насыпей. В южной части сосредоточены наиболее высокие курганы — до 1,5–2 м. Форма их приближается к правильной полусферической, склоны ровные, хорошо задернованные. Раскопки в дру-

было близко городищу. Это — еще одно древнерусское укрепление на озерах Верхнего Полужья.

С городищем был связан, вероятно, могильник между деревнями Жилой Брод (ныне просто Брод) и Заорешье на восточном берегу озера Врево. В могильнике насчитывалось около 40 насыпей, по основанию окруженных каменными оградами. Второй такой же могильник находился возле самой деревни Брод, а напротив, на

гих могильниках показывают, что такие насыпи обычно самые ранние — не позднее X—XI вв. Нередко в них открывают погребения по обряду сожжения или труположения с мечами, копьями, боевыми топорами. Ближе к центру могильника курганы располагаются теснее, высота и диаметр их меньше. Это — расплывчатые, неправильной формы насыпи 30—50 см высотой, 2—4 м в поперечнике, обложенные иногда камнями. В северной части могильника сосредоточены жальники, иногда вообще неразличимые на поверхности, иногда сливающиеся в хаотическое скопление валунов и плит, торчащих из земли. Многие археологи полагают, что подобное расположение курганов и жальников показывает путь развития обряда X—XV вв. — от языческих курганов к жальникам и грунтовым христианским погребениям.

Из Будковичей по грунтовой полевой дороге можно пройти в деревню Голубково на западном берегу Черемнецкого озера. Это — Петровский погост, упоминаемый в новгородских писцовых книгах.

Древность поселения подтверждают и высокая сопка на окраине деревни, и курганный могильник на полях южнее ее, на возвышенности берега широкой долины речки Куксы, впадающей в озеро с юга, и городище, последнее в цепочке укрепленных поселений Верхнего Полужья, протянувшейся от Городца на восток.

Городище в Петровском погосте располагается на высоком, овальных очертаний мысу, окруженном со всех сторон низменной поймой озера. Невысокий перешеек отделяет мыс от береговой озерной террасы с крутыми, обрывистыми склонами. Из поймы на городище можно было подняться по отлогому въезду, устроенному с северной стороны, въезд начинался у основания высокого раската, близ северо-западного угла городища, и постепенно поднимался вдоль склона к северо-восточному углу. Расположение его, как и в Городце, хорошо продумано: враг, пытаясь под-



Городище и селище в б. Петровском погосте.

няться к воротам, должен был пройти вдоль всего фронта северной стороны укреплений, подставляя под удар правый, неприкрытый щитом бок...

С напольной стороны, по-видимому, городище было защищено валом и неглубоким ровом. Следы этих сооружений почти незаметны сейчас: вся площадка и частично склоны городища заняты

ныне кладбищем. В центре площадки в конце прошлого века была выстроена каменная церковь в русско-византийском стиле.

Вокруг городища, с южной и западной сторон, располагался обширный неукрепленный посад. На полях хорошо видны выходы культурного слоя. Толщина его достигает 60—80 см, в слое много керамики, костей, обожженных камней, попадаются железные шлаки и кузнечные крицы, куски ошлакованной глины, обломки тигельков, обработанные кости. Жители поселения занимались не только земледелием, но и различными ремеслами. Петровский погост, как и Городец X—XIII вв., был центром округа, именно к нему „тянули” древнерусские поселения, основанные словенцами новгородскими на берегах Череменецкого озера.

Городища Полужья — памятники поры образования Древнерусского государства. Данные последних раскопок свидетельствуют о появлении первых славянских укреплений на этих землях уже в IX в. В следующем, X столетии

славянские градки стали центрами небольших округов с разноплеменным населением. Сформировалась административная структура Древнерусского государства.

Пока не удалось проследить до конца связь между городищами и курганами ранней поры, эпохи сожжений. Вещи и керамика, характерные для сопок и длинных курганов VI—IX вв., в слоях поселения IX в., принадлежавшего славянам, практически отсутствуют. Скорее всего, в ту пору славяне Полужья не воздвигали сопок, не сооружали и длинных „домов мертвых”. Эти погребальные обычаи можно отнести к традициям дославянского населения Полужья. Однако сопки и длинные курганы продолжали насыпать в X в. уже после появления славянских городищ. В обряде сопок Полужья прослеживается переход к средневековым жальникам. Те и другие оставлены, видимо, одним и тем же населением, постепенно слившимся со славянами в единую древнерусскую народность.

Откуда пришли славяне на Лугу? Пока ответа на этот вопрос дать нельзя. Полужье стало исходным рубежом для движения земледельческого славянского населения далее на север, в частности на плодородные земли Ижорского плато. Дальнейшее движение славян вниз по Луге, создание сплошной сети древнерусских поселений, непосредственно предшествовавших современным, отразилось в памятниках Ижорского плато — так называемых „курганах Ивановского”.

На Ижорском плато

Продвигаясь из верхнего Полужья на север по Луге и малым рекам, древние земледельцы оставили несколько скоплений памятников на берегах Луги и ее притоков. Уже к началу древнерусской эпохи сравнительно плотно были заселены низовья Оредежа. Здесь по берегам реки,

вдоль ручьев, у тихих озер и в лесных урочищах есть курганные могильники, сопки. У деревни Надби́лье находится мысовое городище, недалеко от него — урочище с названием „Рюриково городище”. Курганы и жалы́ники известны близ деревень Затуле́нье, Пантелеи́чи, Каши́цы, Борщевое, Ершово, Приста́нь, Фралево, Ям-Тесово (древний Тесовский погост).

В болотистой лесистой долине к западу от Луги, по берегам ее левого притока — реки Сабы, расположены могильники у деревень Затруби́чье, Сябе́ро, Верду́га, Осьмино. В устье Сабы, недалеко от деревни Большо́й Сабск на Луге, находится еще одно мысовое городище. Река Луга здесь подходит к южной окраине Ижорского плато. Могильники и городища как бы пунктиром намечают пути древнерусской колонизации, к X в. достигшей самых плодородных районов нынешней Ленинградской области.

Здесь, на Ижорском плато, сосредоточено примерно полторы сотни курганных могильников, число насыпей в них превышает 10 тысяч. Они есть едва ли не возле каждой здешней деревни, иногда — на просторных полях, иногда — скрытые зелеными рощами. Иные из них уже исчезли, уничтоженные распашкой или строительством.

Русские деревни, пережившие шведское владычество в XVII в., зафиксированные в Переписных оброчных книгах московскими дьяками еще на рубеже XV и XVI столетий, основаны были создателями этих полузабытых курганных кладбищ. Современная сеть поселений Ижорского плато восходит к X—XI вв. — ко времени появления первых курганов.

Исследование этих памятников было проведено в 1870—1880-х гг. А. К. Ивановским. Им раскопано более 5 тысяч насыпей в 120 могильниках. В начале нашего века раскопки на Ижорском плато продолжил Н. К. Рерих. Его полевые чертежи существенно дополняют краткие характеристики погребального обряда по данным Ивановского.



*Так хоронили мертвых в курганах Ижорского плато.
Реконструкция по данным раскопок автора и В. А. Кольчатова у д. Дай-
мище в 1975 г.*

Собственные полевые дневники А. К. Ивановского (использованные при публикации его материалов А. А. Спицыным) до сих пор не обнаружены. Результаты его раскопок известны, главным образом, лишь по кратким перечням находок. Сложные и своеобразные погребальные обычаи курганов Ижорского плато описаны суммарно и схематично. Чтобы пополнить знания о них, археологами Е. А. Рябининым и В. А. Кольчатовым (ЛОИА) на плато были начаты новые раскопки.

В 1975 г. отряд ЛОИА совместно с университетскими археологами провел раскопки курганного могильника у

деревни Даймище. Самые ранние насыпи относятся здесь к началу XI в. В конце XI — начале XII столетия в даймищенских курганах появляется своеобразный, специфический для Ижорского плато погребальный обряд. Покойника усаживали в сложенное из кусков дерна сиденье лицом на восток, затем засыпали землей, над погребением устраивали глиняную вымостку. В мужских захоронениях по этому обряду найдены боевые топоры, в женских — ромбоцитковые височные кольца. Сидячие захоронения — видимо, местная особенность культуры словен, поселившихся на северо-западной окраине новгородских владений.

Самыми ранними могильниками на Ижорском плато были курганные группы, содержавшие насыпи с сожжением. Один из таких могильников находился на территории современного районного центра Волосова. А. К. Ивановский исследовал здесь 20 курганов. В двух из них были найдены остатки сожжений. Остальные курганы — с трупоположениями. Вещей в них очень немного (ромбоцитковое, словенское височное кольцо, бусы, ножи, горшки, косы, серп). Перед нами — типичное древнерусское кладбище, возникшее на исходе X в.

Недалеко от Волосова, у деревни Калитино, в просторном бору среди высоких старых сосен живописно расположена одна из крупнейших курганных групп Ижорского плато. Здесь насчитывается более 800 курганов. 147 из них раскопаны Ивановским, несколько больших насыпей, вскрывая их полностью, исследовал Рерих. Очень выразительна композиция группы. В центральной ее части свободно разбросаны высокие, до 2 м и более, крутобокие насыпи. Вокруг них — курганы помельче, они группируются сначала гнездами, ближе к окраинам группы — почти правильными рядами. Чем дальше от центра могильника, тем меньше размеры курганов, тем заметнее каменные оградки по основанию, тем теснее скучены на-



Курганы у д. Калидино.

сыпи. Окраины кладбища заняты жальниками XIII—XV вв.

Н. К. Рерих раскопал в центральной части калитинского могильника несколько высоких насыпей с остатками сожжений в центре кургана, на высокой подсыпке. В небольших курганах открыты погребения по обряду трупоположения — более ранние из них совершены на кострище (связь с предшествующим обрядом!), есть несколько сидячих захоронений. На окраинах могильника — погребения на материке и в глубоких ямах, перекрытых курганной насыпью.

Раскопанные Ивановским курганы в Калитине (их легко можно узнать сейчас по глубоким прямоугольным „колодцам“ в центре насыпи) в большинстве случаев содержали трупоположения. При них найдены височные кольца, бронзовые и серебряные пряжки, подковообразные фибулы, перстни, бубенчики, бусы, ножи, браслеты. Все эти материалы характеризуют деревенскую культуру Руси X—XIII вв.

В ближайших окрестностях большие курганные группы известны у деревни Рабителицы — в одной из них около 800 курганов. Здесь во многих раскопанных Л. К. Ивановским насыпях, высоких, до 2,5 м, обведенных по основанию каменными оградами, были обнаружены „сидячие“ костяки. Рядом с ними иногда зафиксированы каменные жертвенники — квадратные в плане возвышения, сложенные из небольших валунов на остывшем ритуальном кострище. В могилах много браслетов, перстней, бус. В отдельных мужских погребениях найдены наконечники пик, в некоторых захоронениях — серпы, почти во всех ножи (иногда с нарядной медной оковкой ножен).

У деревни Введенское Рерихом были раскопаны курганы с сожжениями, похожие на большие насыпи в Калитине. По основанию они окружены оградками из крупных валунов. В средней части насыпи — мощный слой золы с остатками сожжения, но почти без вещей, попадают черепки, пережженное железо. В свое время Ивановский обнаружил здесь одно погребение с весами, несколько — с топорами или пиками. В женских погребениях — височные кольца, браслеты, бубенчики, бусы обычных для славянских курганов типов. В некоторых могилах найдены серпы. В одном из мужских погребений на каменном жертвеннике — кости коровы.

Курганные группы, насчитывающие десятки и сотни насыпей с остатками сожжений в самых ранних, типичны для славянского населения северо-запада Новгородской



Н. К. Рерих. „За морями земли великие“.

земли. Это — деревенские кладбища, принадлежавшие одной или нескольким сельским общинам. Группировка насыпей, когда один большой курган окружен несколькими маленькими, вероятно, отразила существование в ту пору пережитков большой патриархальной семьи. Со временем эта особенность планировки могильников исчезает, курганы XII—XIII вв. располагаются просто рядами.

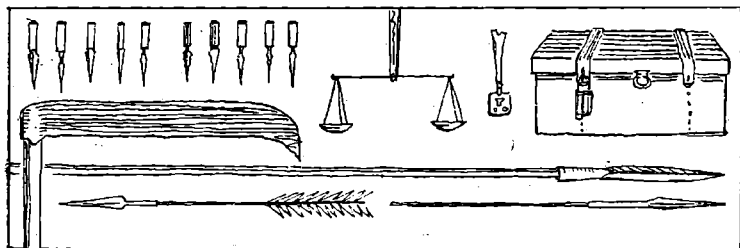
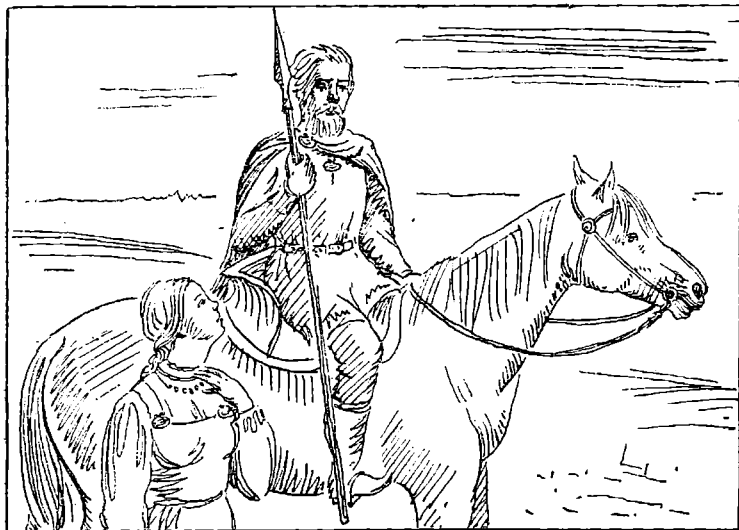
Разнообразные украшения, найденные в женских погребениях, составляют этнографический убор словен. С археологической точностью он воспроизведен в картине Н. К. Рериха „За морями земли великие”.

Впрочем, в этом уборе немало чудских черт: характерное для курганов Ивановского изобилие металлических украшений — наследие чуди, растворившейся среди словен, а во многом — и финно-язычных соседей, ижоры и води. Чем дальше к окраинам плато, тем больше финно-угорских народных украшений в древнерусских курганах.

Чудское наследие — каменные жертвенники в насыпях, кости коровы при захоронениях. Эти элементы обряда позволяют наметить путь словен на Ижорское плато — по Луге и Ловати. Жертвенники, оградки из валунов, кости коровы встречаются в ловатских сопках. Вероятно, вместе со словенами на северо-запад продвинулась часть дославянского населения южного Приильмения.

22 могильника в центре плато, где обнаружены курганы с сожжениями, по времени предшествующие обычным древнерусским, позволяют сделать вывод о том, что движение земледельческого населения на север началось сразу после освоения славянами Верхнего Полужья. К концу X — началу XI в. центральная часть наиболее плодородной зоны современной Ленинградской области была уже прочно освоена и заселена.

Большинство из раскопанных сожжений, в отличие от погребений XI—XIII вв., не содержало никаких вещей. Ситуация обычная в IX—X вв.: „бедность” славянских



Воин и женщина из Озертиц. Убор и погребальный инвентарь.
Реконструкция.

курганов вполне соответствует известным описаниям их обычаев. Но в середине X в. во многих местах Руси появляются сожжения по особому, пышному дружинному

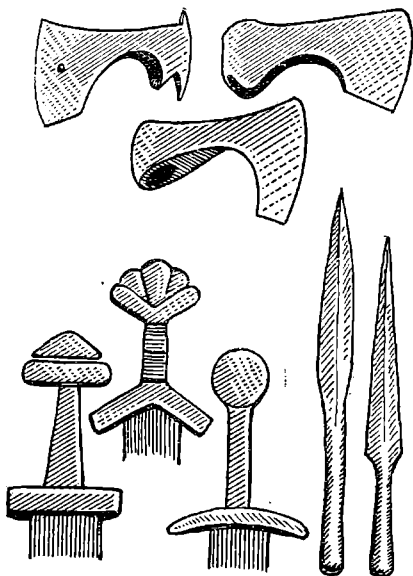
обряду: захоронения в ладье, вроде описанного арабским путешественником X в. Ибн-Фадланом, погребения воинов с конем, с наложницей, оружием и украшениями. А. К. Ивановским раскопан богатый курган с сожжением у деревни Озертицы. Среди находок — конские удила, плетъ, навесной замок от ларчика, кроме того, в курган положены коса, десять ножей, весы для взвешивания серебра. Есть и оружие — два копья, две стрелы. Покойнику принадлежал великолепный наборный пояс с бронзовыми бляшками. Такие пояса были в X—XI вв. рыцарским отличием воинов.

Может быть, вместе с умершим воином на погребальный костер взошла женщина — в остатках сожжений найдены бронзовая шейная гривна, три браслета, четыре подковообразные фибулы. Этот комплекс резко выделяется среди деревенских курганов и по обряду, и по составу вещей (среди украшений — формы прибалтийского происхождения). Может быть, это могила одного из славянских „нарочитых мужей” X в., с обычным для богатых курганов того времени сложным переплетением разных погребальных традиций.

Погребения с мечами XII—XIV вв. обнаружены Ивановским в могильниках у деревень Сумино, Хотынцы. К сожалению, неизвестны места находок мечей более раннего времени — X—XI вв. Но сам по себе факт их обнаружения свидетельствует о том, что среди могильников Ижорского плато есть погребения людей различного социального положения. Довольно часто, примерно по одному на десять — пятнадцать мужских погребений, встречаются захоронения с боевыми топорами. В могильнике у деревни Даймище такие погребения находились в более высоких курганах, окруженных сравнительно небольшими. Может быть, топоры клали в могилы глав семей, патриархов, представлявших и возглавлявших семейный коллектив. Вооружен был (в загробной жизни) далеко не

каждый, часто в мужских могилах, кроме ножа, никаких вещей нет. Но в целом оружие — копья, пики, топоры — попадаются в погребениях повсеместно, напоминая о грозных новгородских ополчениях, пеших „воях” Верхней Руси („Не хотим помирать на конях, хотим биться пеши, как отцы наши бились”, — сказали новгородские ратники своему князю Мстиславу перед битвой при Липице, 21 апреля 1216 г.).

Надо надеяться, что со временем наши знания о социальной структуре древнерусского общества (на основании курганных материалов) станут более глубокими. Земледельческое население Верхней Руси ни в X—XI, ни в XII—XIII вв. не представляло собой какой-то однородной, аморфной массы, — наряду с „холопами”, посаженными на землю боярами и знатными „мужами”, были и „смерды”, обложенные данью, обязанные являться на воинскую службу в ополчение. Были и просто „люди”, общинники, сохранявшие относительную свободу. Если они попадали в зависимость от феодала, их называли „закупам”, „рядовичами”, в зависимости от долга — „купы” или „ряда” (договора с хозяином). Наряду с этими раз-



Оружие из курганов, раскопанных
А. К. Ивановским.

личиями существовало деление на глав патриархальных семей, их сыновей с семьями, домочадцев. Членов общины разделяли и по возрастному принципу — „отроки”, „мужи”, „старцы” (пережиток родоплеменного строя). Изучение обрядов и социальной структуры осложняется также межплеменными связями, проявившимися в погребальных традициях.

В XIII в. памятники сельского населения отразили уже далеко зашедший процесс образования древнерусской народности, когда финские и славянские черты сливаются, образуя яркую культуру, тесно связанную и с местными традициями, и с культурой Великого Новгорода. Интересные материалы этого времени получены при исследовании могильника у деревни Русские Плесковицы (Плещевицы, недалеко от Волосова).

А. К. Ивановский упоминал здесь „более чем 450 курганов”. В 1972 г. Е. А. Рябинин зафиксировал 674 кургана и жальничных погребений. Площадь, занятая могильником, — более 3 га. В центральной и южной части могильника сосредоточены высокие, до 2,7 м, полусферические насыпи. К ним примыкают курганы поменьше — до 6 м в диаметре и до 1 м высотой. Далее к краям могильного поля — насыпи высотой 40—60 см, диаметром до 3 м, по Спицыну, „переходный тип от курганов XI—XII вв. к жальничным погребениям”. Северная часть могильника занята плотно стоящими круглыми и квадратными жальниками. Не только эти могилы, но и большинство курганов по основанию окружены каменными оградками.

А. К. Ивановским раскопано здесь 83 кургана. Некоторые погребения позволяют представить наряд XIII—XIV вв. Например, в кургане № 74 была похоронена женщина с серебряным головным венчиком, бронзовыми, круглыми в сечении, тяжелыми браслетами, „усатыми” серебряными и медными перстнями (пластинчатый „цук” с орнаментом переходит в тонкие, закрученные во-

круг пальца в полтора-два оборота „усики”), многобусинными височными кольцами, поясом с пряжкой. Височные кольца, бусы, перстни, браслеты найдены и в других женских погребениях XI—XIV вв.

Два кургана в этой группе раскопаны Е. А. Рябининым. Устройство и обряд насыпей одинаковы: погребения головой на запад совершены в глубоких грунтовых ямах. В одной из насыпей были захоронены одновременно мужчина и женщина. В головах, на перемычке, разделяющей могильные ямы, был установлен каменный крест, затем могилы были обведены оградкой из больших валунов и перекрыты вымосткой из мелких камней. На каменной площадке разожгли ритуальный костер и свершили тризну. Затем над могилами возвели песчаную насыпь высотой 0,4 м. Этот обряд с переплетением языческих и христианских черт относится к XIII в. Женщина была похоронена в праздничном уборе — с проволочными бронзовыми височными кольцами, витым и пластинчатым браслетами на руках, плоской подковообразной пряжкой, скреплявшей одежду у правого плеча.

Обилие металлических украшений особенно бросается в глаза на восточной окраине Ижорского плато. На берегу реки Оредежа, у деревни Ново-Сиверской, Л. К. Ивановским в 1873 г. были раскопаны две курганные группы. В погребениях найдены великолепные бронзовые браслеты со сложным чеканным узором — „пунсоном” (фигурным штампом), „плетенкой”, розетками, есть массивные витые браслеты, перстни и кольца. Одежду скрепляли подковообразные фибулы с изящным чеканным орнаментом или витые пряжки — те и другие характерны для памятников Прибалтики (они очень напоминают современное украшение латышей — сакту). Женщины носили богатые ожерелья, целые связки бус, сочетавшиеся с раковинами-каури, привезенными с берегов Индийского океана (древние новгородцы называли их „гажьими головками” за сход-



Украшения женщин из разных местностей Ижорского плато (сверху вниз): Русские Глеськовичи, Ново-Сиверская, Мануйлово.

Реконструкция по данным раскопок Л. К. Ивановского.

ство с черепом змеи). Каури — эффектные украшения, пользовавшиеся большим спросом, особенно у прибалтийско-финских народов. Найдены и характерные зооморфные (в виде животных и птиц) подвески-уточки, коньки („барашки”), типичные для курганной культуры юго-восточного Приладожья. Украшениями головы служили височные кольца, ромбошпигельные или гладкие провололочные, с нанизанными бусами.

Приладожские и прибалтийские украшения, наряду с древнерусскими, найдены и у деревни Старо-Сиверской. Эти находки позволяют предположить, что население восточной окраины Ижорского плато было смешанным: славяне здесь соседствовали с летописной

ижорой. Как полагает советский лингвист Д. В. Бубрих, ижора — потомки карел, в XI столетии продвинувшихся с Карельского перешейка на юг. в Приневскую низменность.

На западной окраине Ижорского плато в древнерусских курганах также встречаются вещи прибалтийско-финских типов. Они характерны для крайней западной группы Ижорской возвышенности у деревни Мануйлово в нынешнем Кингисеппском районе. В женских погребениях здесь найдены нашивные спиральки и бляшки — украшения одежды, большие булавки с ажурной крестовид-



Воин VIII в.

Реконструкция по санным погребениям в Доломцах.

ной головкой (с помощью таких булавок на плечах прикрепляли нарядные звенящие цепочки), найдены и сами эти цепочки, зооморфные подвески, изображающие двухголовых коньков, спиральные бронзовые браслеты, в пять-шесть оборотов обвивающиеся вокруг руки. Эти украшения хорошо известны нам по находкам в Эстонии. Но в тех же погребениях — обычные витые и пластинчатые браслеты, изготовленные новгородскими ремесленниками. Они украшены характерным богатым орнаментом из переплетающихся узких лент.

Курганы у деревни Мануйлово на западе и деревни Сиверской на востоке как будто отмечают границы сплошной территории, занятой словенами. На востоке соседями словен была ижора. На западе — вода, жившая вокруг Копорского залива.

Археологически определить происхождение воды XI—XIII вв. пока не удастся. На Ижорском плато почти неизвестны древности ранее X в. Раскопками А. К. Ивановского было выявлено лишь одно погребение, которое А. А. Спицын отнес к VIII в., — трупосожжение с железным коническим „умбоном” (бляхой, которую крепили в центре щита), копьем и конскими удилами. Оно обнаружено в кургане близ Доложского погоста (бассейн реки Систы, впадающей в Копорский залив).

Два интересных могильника с сожжениями исследовал Н. К. Рерих. У деревни Лисино среди курганов и жальников с трупоположениями были обнаружены низкие плоские насыпи, окруженные каменными оградками (одна была полностью покрыта камнями), содержавшие остатки сожжений. Этот обряд напоминает оградку, раскопанную в 1972 г. в Конезерском могильнике на озере Врево.

Другой могильник находится на мызе Извара, в имении родителей художника, где прошли годы его юности. Н. К. Рерих заметил, что в лесу, поблизости от усадьбы, „в разных местах торчали из-под корней и земли булыжники, где по два, где по четыре, образуя иногда ромбическую форму, удлиненную Восток-Запад”³⁸. Всего он обнаружил 24 такие могилы и исследовал 16 из них. Сохранились выразительные зарисовки, планы и профили могил, сделанные в процессе раскопок. Прямо под мхом лежали обычно плотным слоем мелкие булыжники, ограниченные с востока и запада небольшими валунами. Под камнями лежат слои золы, они выходят за пределы каменных настилов, сливаясь с кострищами, располагавшимися немного в стороне. На кострищах попадаются осколки мелких пережженных костей, свидетельствующие о том, что эти кострища — остатки погребальных костров.

В загадочных изварских могилах не найдено ничего, кроме мелких кусков пережженного железа. Датировать

как в славянских, так и в чудских традициях, — свидетельство постоянной и прочной связи этих районов со столицей Верхней Руси³⁹.

Основное развитие в этот период определялось уровнем хозяйства, культуры, общественных отношений словен ильменских. Но нельзя недооценивать и вклад „иных языцев“. В IX — первой половине X в. они были не пассивными соучастниками, а активными строителями Верхней Руси. Полнота представлений об истории этого начального периода зависит от изучения памятников, отразивших судьбы чудских племен IX—X вв., их контакты со славянами и варягами. Эти памятники лежат вдоль берегов Волхова и к востоку от него.

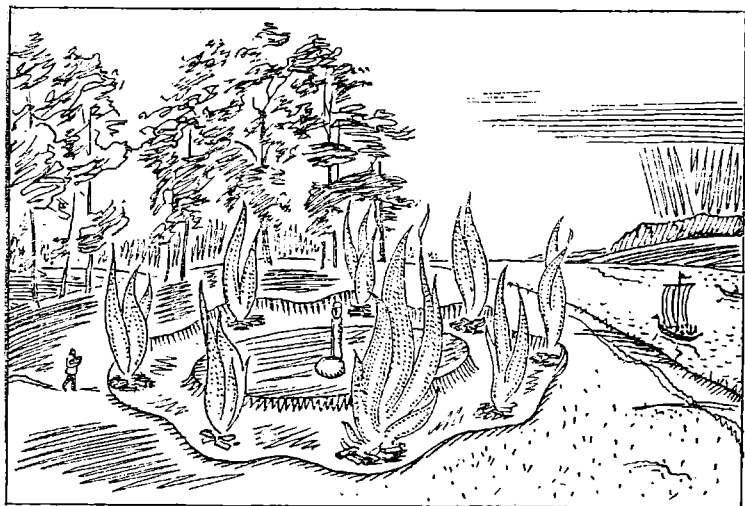
НА ВЕЛИКОМ ВОДНОМ ПУТИ

Путь по Волхову

Там, где берет начало могучий Волхов, тысячу с лишним лет тому назад возникла столица словен ильменских — Новгород Великий. Город свободно раскинулся по берегам реки. А если бросить взгляд со стен новгородского детинца и от златоглавой Софии на юг, то можно увидеть и светло-серое зеркало Ильмень-озера.

У истока Волхова, как бы открывая выход на озерные просторы, высились некогда два храма: на левом берегу — сохранившийся до наших дней Георгиевский собор Юрьева монастыря, построенный в 1119 г. князем Всеволодом, на правом — церковь Благовещения на Городище, заложенная в 1103 г. князем Мстиславом. Рюриково городище, на котором была выстроена вторая после Софии новгородская каменная церковь, в XII в. было резиденцией новгородских князей. Городище, как полагал М. К. Каргер, исторически предшествовало Новгороду: здесь, у Ильменя и Волхова, в IX—X вв. находилось одно из тех старых поселений, по отношению к которым город на нынешней Софийской стороне стал „Новым”⁴⁰.

Отсюда начинался путь по Волхову к Ладоге и Балтийскому морю. Сюда „из-за моря”, с севера, стремились корабли под полосатыми парусами, торговые гости и наемные заморские дружины. Здесь находили пристанище и



*Святылище в Перыни.
Реконструкция.*

отдых путешественники по великому пути „из варяг в греки”.

Но прежде чем причалить к высокому берегу, тяжелые „бусы” — корабли и нарядные ладьи проходили мимо городища, вверх по Волхову, к истоку реки, к водам Ильменя. Здесь, на высоком мысу, в роще Перыни курились костры во славу Перуна — верховного бога словен. Глубокий ров окружал святилище (в 988 г. разрушенное дядей князя Владимира Добрыней и почти тысячу лет спустя открытое археологами). Огонь пылал на дне рва, а посреди огненного кольца на высокой ровной площадке стоял деревянный идол. Ему и приносили корабельщики благодарственную молитву и жертвы, закончив трудный

и опасный путь. Среди местного населения сохранился обычай — проходя на лодке мимо Перыни, бросать в воды Ильменя монету⁴¹.

Благодарить, казалось, было за что. Позади не только многие десятки верст утомительного пути, непроходимые пороги, борьба с мощным течением реки... Позади и опасности неожиданных встреч, неравных схваток, пущенные с темного берега стрелы, тревожные ночевки у костра.

Не только для гостей — и для хозяев пути Волхов многие века оставался большой дорогой, со всеми ее неожиданностями. Поэтому и селились здесь неохотно — редкие городища, окруженные селищами, разделены десятками километров пустого, незаселенного пространства, на котором лишь кое-где попадаются одинокие сопки.

Сопки как бы пунктиром намечают путь по Волхову от Приильменя на север, к Ладоте. Возможно, с берегов Ловати, Мсты, Луги часть древнего населения отступила на север после прихода сюда словен. Впрочем, пришельцы также устремились вниз по Волхову: их притягивал возникший близ устья реки торговый город Ладога, ворота к Балтике, своего рода „окно в Европу“ IX в. И если сопки позволяют определить время начала освоения Волховского пути (не позднее рубежа VIII—IX вв., задолго до появления на Ильмене скандинавских викингов), то появление на берегах реки мысовых городищ — свидетельство прочного военно-административного освоения водного пути.

Цепочка укрепленных поселений на Волхове возникает в самом начале периода образования Древнерусского государства.

Первое древнерусское городище на Волхове в пределах Ленинградской области стоит на правом берегу реки, у деревни Городище, примерно в 20 км ниже города Кириши. Как это часто бывает, площадка городища на невысоком мысу занята кладбищем. Н. И. Репников, описывая памятники Волхова, упоминал древний каменный

крест, стоявший на городище. Возможно, кладбище здесь появилось уже в XIV или XV в., когда в Новгородской и Псковской землях широко распространился обычай ставить над могилами и жальниками высеченные из камня поминальные кресты.

Предшествовавшее кладбищу укрепление относится к типу мысовых городищ. Вал, расплывшийся и многократно перекопанный, сохранился лишь частично. Но, обходя городище с напольной стороны, можно, приглядевшись, проследить направление и форму древних оборонительных сооружений. На площадке находили наряду с гончарной и лепную керамику, так что вполне возможно, что это укрепление относилось к X, если не к IX в.

Под защитой городища располагалось обширное неукрепленное поселение — посад, возникший не позднее XI в. Этот комплект археологических памятников, пока еще практически не исследованных, связан, вероятно, с одним из древних местных центров Новгородской земли. Укрепленный градок с примыкавшим к нему посадом играл, несомненно, большую роль в движении по Волхову: это — и одна из стоянок на пути в Новгород, и крепость, обеспечивавшая безопасность гостей, и резиденция одного из тиунов или другого представителя феодальной администрации края. Еще в XVI в. на городище в сопровождении „приставов” останавливался австрийский посол в Московии Сигизмунд Герберштейн.

За городищем, ниже по Волхову, на левом берегу стоит небольшая деревенька Подсопье. Название говорит само за себя: на окраине деревни, за домами у самого берега Волхова, возвышается полуразрушенная теперь насыпь. В 1920-х гг. сопка была еще цела: высота ее достигала 5,4 м. Рядом находились остатки второй насыпи, ныне совершенно исчезнувшей.

Возле сопки на высоком, ограничивающем долину Волхова „коренном” берегу С. Н. Орлов обнаружил

в 1960-х гг. культурный слой поселения раннего железного века, по-видимому более древнего, чем насыпи. На нижней береговой террасе можно заметить широкую полосу темной земли. Это остатки древнерусского селища XI—XII вв., пока одно из немногих сельских поселений словен новгородских, известных на берегах Волхова. В культурном слое попадает характерная, изготовленная на гончарном круте керамика, украшенная волнистыми и прямыми параллельными линиями.

Ниже, недалеко от Гостинополя, Волхов разделяется на два рукава, образующих своего рода пятикилометровый остров. Не доходя примерно 1 км до него, у деревни Вындин Остров, стоит сопка высотой около 6 м. В северной части острова на Волхове С. Н. Орлов обнаружил следы поселения эпохи раннего металла (начала I тысячелетия нашей эры).

От Подсопья до Вындина Острова, на протяжении примерно 30 км, археологические памятники неизвестны. Нет их и ниже по реке, вплоть до Волховских порогов. Гостинопольскую пристань, которая активно использовалась еще в прошлом веке, многие исследователи связывают со временами пути „из варяг в греки”. В средние века здесь действительно делали остановку после перехода через пороги — само название „Гостиное поле” живо об этом напоминает. Однако древности VIII—X вв. в окрестностях Гостинополя пока неизвестны.

Памятники, связанные с Волховско-Днепровским путем, сосредоточены в пределах нашей области в нижнем течении Волхова, примерно на 20-километровом отрезке. Начинается он с одного из „узких мест” водного пути. Там, где сейчас высятся плотина Волховской ГЭС, находились грозные Волховские пороги, пожалуй не уступавшие знаменитым Днепровским. Скандинавские саги, ганзейские торговые грамоты XIV—XV вв. сохранили довольно подробные их описания. Сообщают они и о том, что пре-

одолевать их приходилось волоком. Близ порогов жили даже люди, специально занимавшиеся обслуживанием судов на этих волоках (немецкая грамота называет их „Forschkerlen” — от скандинавского „forskarlar” — дословно „ребята порога, работники порога”). В русских средневековых документах, относящихся, правда, к другому участку пути „из варяг в греки”, упоминается „тиун волоковой”, отвечавший за движение по волоку. Тиун в древней Руси — одно из высших должностных лиц: жизнь его, по „Русской правде” (своду законов, составленному Ярославом Мудрым), оценивалась в 80 гривен серебра, то есть в 16 раз (!) дороже жизни смерда. Ему поручали обычно сборы различных податей.

Волоки, следовательно, обеспечивали дополнительный доход и местным жителям, и князю. Неудивительно, что у Волховских порогов возникло небольшое городище.

Сейчас место этого древнего поселения оказалось в черте города Волхова. На правом берегу реки, немного ниже моста, стоит деревня Новые Дубовики. Несколько лет назад она находилась выше моста, там, где с левого берега Волхова хорошо виден воздвигнутый недавно памятник героям, павшим в Великой Отечественной войне. Памятник поставлен на дне старого карьера: у стенки высится прямоугольный бетонный обелиск, к которому ведут вымощенные плитами дорожки.

Этот карьер, к сожалению, был заложен точно на месте древнего городища. Сохранились лишь описания этого археологического памятника. Небольшие раскопки в Дубовиках были проведены в 1940-х гг. Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздиловым. В 1972 г. прилегающее к разрушенному городищу открытое поселение исследовал Е. Н. Носов.

Городище находилось на мысу, образованном безымянным ручьем, впадавшим в Волхов. Мыс сложен из известняковой плиты. Небольшое укрепление с напольной сто-

роны было защищено невысоким расплывшимся валом. Перед ним, по берегу ручья и вдоль Волхова, располагалось селище.

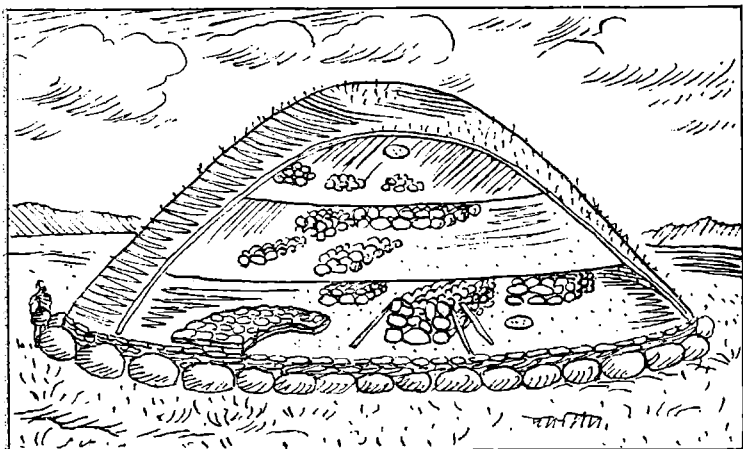
Поблизости от городища в Дубовиках вдоль Волхова стояли две группы сопок. Сохранилось четыре насыпи. Они возвышаются на краю волховского берега ниже моста, в пределах деревни.

Эти памятники свидетельствуют о том, что берег близ Волховских порогов был заселен еще в дославянское время. Что касается самого городища, то тип мысовых укреплений довольно редко сочетается с сопками — для данной территории это, вероятнее всего, вид поселения, распространившийся с появлением здесь славян. Но, разумеется, и прежние насельники могли жить как на селищах вокруг городища, так и в самом градке.

Археологам, исследовавшим уже полуразрушенный памятник, не удалось найти остатков жилищ. Но на селище, расположенном к востоку от вала городища, открыты остатки углубленных построек (хозяйственных ям, может быть, мастерских). По устройству они похожи на постройки некоторых других городищ и селищ Северо-Запада. Открыта здесь и большая (3,5×4,5—5 м) полуземлянка с остатками каменного очага.

В этих постройках найдена исключительно лепная керамика. Резной односторонний гребень типа ладожских, арабский дирхем указывают, что поселения в Дубовиках не только одновременны Староладожскому, но и тесно с ним связаны, — жители градка, очевидно, участвовали в торговых сделках, расплачиваясь привозными монетами, приобретали изделия ладожских косторезов. Так что первое поселение на месте нынешнего города Волхова существовало и играло заметную роль в жизни округа уже в IX столетии, а возможно, и в более раннее время.

Дело в том, что помимо Дубовиков, которые мы можем связывать с периодом образования Древнерусского



Сопка у д. Октябрьское.
Реконструкция.

государства, в пределах Волхова известны и другие археологические памятники. Напротив Волховской ГЭС, на левом берегу реки, находится деревня Октябрьское (бывшая Михаила Архангела). Скоро волховские новостройки подойдут вплотную к ней. А когда-то на этом месте (выше деревни) стояли две сопки. Одна из них в 1880-х гг. была раскопана Н. Е. Бранденбургом.

Девятиметровая насыпь оказалась сложнейшим, многоярусным архитектурным сооружением. Основание насыпи было окружено массивным каменным цоколем высотой до 1 м и шириной около 1,5 м. Наружную сторону его составлял ряд огромных валунов, опоясывавших окружность насыпи, а внутреннюю — тонкая круговая стенка, сложенная насухо (без раствора, как и все кладки этого времени) из небольших плит. Промежуток между

стенкой и валунами был плотно забит мелкими камнями и щебнем, а поверх них были уложены плашмя тяжелые плиты.

Внутри этого каменного венца, поражающего тщательностью и сложностью постройки, были открыты семь каменных настилов либо прямоугольной, либо неправильной формы. Это сложенные из больших валунов помосты площадью до 10 кв. м либо небольшие каменные кучи. Возле каменных сооружений прослежены остатки сгоревших бревен до 2 м длиной и недалеко от них — погребение, слой сожженных человеческих костей.

Над погребением среди каменных кладок была сооружена насыпь высотой 3,4 м. Ее вершина стала основанием для нового комплекса загадочных каменных построек. Здесь был сложен прямоугольный помост из валунов, с юга и с севера к нему примыкали плоские каменные кучи. Жертвенники, или своего рода надмогильные памятники, были перекрыты новым слоем земли. Высота сопки при этом достигла уже 5,5 м. На этом уровне были сложены еще три груды валунов. Под одной из них лежал раздавленный горшок с углями.

Над третьим ярусом каменных сооружений была воздвигнута трехметровая насыпь. Общая высота сопки достигла 9 м. На вершине ее, в ямке менее 1 м глубиной, было совершено последнее захоронение — здесь найдено немного сожженных костей с обломком железа и бронзовой проволоки.

Беличаявая многоярусная насыпь над Волховскими порогами вызывает немало вопросов. Кто был погребен под ней? Соплеменники не пожалели труда, чтобы увековечить память об этом человеке. Сложный обряд, каменные жертвенники и ограда, может быть, указывают на особо священный, сакральный характер погребения. Похоронен здесь вождь, или жрец, или жрица, а может быть, жертва, посвященная божествам порогов? Скудные находки мол-

чат об этом, трудно судить не только о положении погребенного, но даже о времени сооружения насыпи. Вокруг каменного венца Н. Е. Бранденбургом были открыты захоронения по обряду трупоположения, появившиеся в XI в. Некоторые из них обставлены камнями (как погребения репьевской сопки и жальников). Возможно, в эпоху жальников возле сопки хоронили потомков ее создателей.

Каменные кладки и венец напоминают сооружения сопки в нижнем течении Ловати. Не оттуда ли пришли люди, поселившиеся над Волховскими порогами? В таком случае насыпь у деревни Октябрьское — новый этап развития древней погребальной традиции, причем, этап кульминационный: столь строгого и богатого ритуала мы в других сопках до сих пор не знаем.

Те же черты обряда, правда, менее ярко проявившиеся, известны в сопках вокруг Ладоги. Сопка у деревни Октябрьское, вероятно, относится к тому же времени, что и самые ранние ладожские, — VIII в.

За городом Волховом река круто поворачивает прямо на север. Разбегаются по сторонам высокие зеленые берега с разбросанными здесь и там деревнями. Сменяют друг друга темные леса, просторные поля. И вот еще за одним поворотом взору открывается широкая панорама храмов и башен, сбегających к реке улиц и грозных каменных стен.

Это — древняя Ладога.

Открытия в Старой Ладоге

„Старой“ Ладога стала в 1704 г., после того, как в устье Волхова Петр I основал Новую Ладогу. До конца XVII в. Ладога оставалась грозной крепостью на Волхове, центром русских земель Приладожья. Стены и башни ка-

менной крепости высятся и ныне, реставрированные ленинградскими архитекторами, на мысу у слияния с Волховом неширокой речки Ладожки (иногда ее называют здесь Еленой).

Ладожка бежит по широкой, просторной низине, с трех сторон окаймленной возвышенностями древнего коренного берега Волхова. С юга, где у склона ее виднеются постройки Никольского монастыря, возвышенность носит название Победище. По краю ее цепочкой расположились зеленые сопки.

С запада над Ладогой господствует Ахматова гора, на нее поднимается старинная Прогонная улица. Оба названия появились в сравнительно позднее время, после XIII в., — отсюда начинался путь военных отрядов и государевых гонцов на запад, к Орешку.

Другая улица Ладого, вытянувшаяся вдоль берега Волхова, носит древнее название — Варяжская. Она ведет к строениям Успенского монастыря. За белостенным Успенским храмом XII в. виднеется церковь Иоанна Предтечи (XVI в.), а за ней, на обрывистом берегу Волхова, — цепь высоких сопки. Это место так и называется — урочище Сопки. Ближайшая из них, на излучине Волхова, — „Олегова могила”.

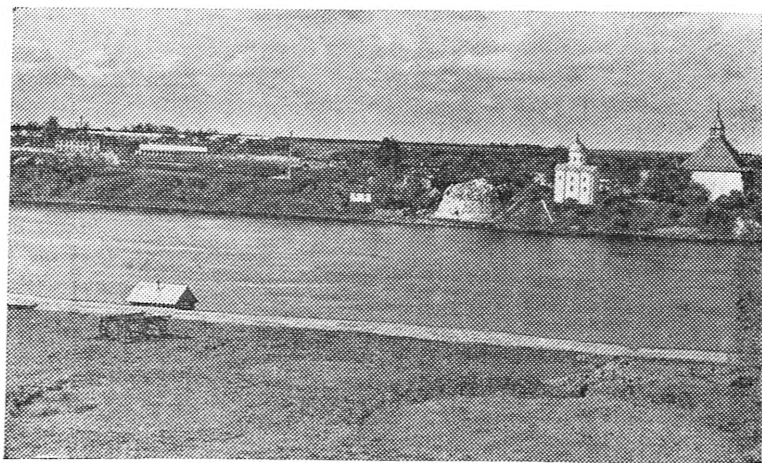
Берег Волхова напротив крепости образован двумя уступами — террасами. Нижняя из них называется „урочище Плакун”. Здесь еще можно видеть остатки курганов (в деревне Малое Чернавино), раскопанных В. И. Равдоникасом.

По краю верхней террасы над Плакуном высится несколько сопки. Еще одна насыпь, к сожалению испорченная силосной башней, видна выше по течению Волхова, у деревни Лопино.

За стенами и башнями крепости, окружающей белый Георгиевский собор XII в., к югу от высокого крепостного вала вдоль левого берега Волхова поднимается неровная

возвышенность. Это так называемый Земляной город — древнейшая часть староладожского поселения. Название он получил в XVI—XVII вв., когда здесь были насыпаны земляные валы и выстроены деревянные стены (в конце XVII в. совершенно обветшавшие и затем разобранные). Первоначальное поселение было неукрепленным и располагалось почти на 3 м ниже современного уровня площадки. Мощный культурный слой накапливался в течение тысячи лет — с VIII по XVII столетие.

Первые археологические наблюдения здесь были сделаны еще в начале XII в. Киевский летописец, посетивший Ладогу, внимательно осмотрел ее древности. Ладожский посадник Павел (строитель каменной крепости,



Старая Ладога. Вид на урочище Плакун, крепость и Земляное городище.

Фото 1968 г.

стены которой были открыты экспедицией ЛОИА в 1972 г.) показал киевлянину Олегову могилу, а на берегу Волхова ладожане рассказали гостю, что после грозы, „когда бывает туча великая, находят дети наши глазки стеклянные и маленькие, и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, их выплескивает вода”.

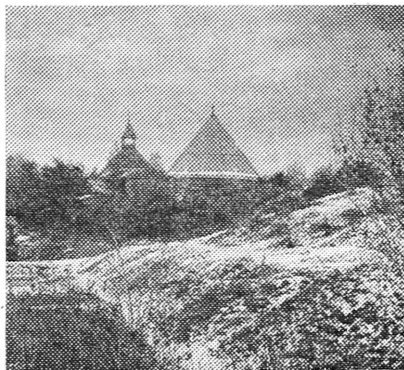
Эти „стеклянные глазки” — бусы VIII—

XI вв. — и донныне в изобилии находят у подножия Земляного города ладожские ребяташки.

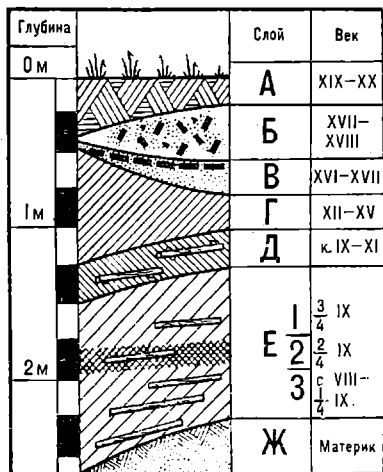
Раскопками Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса на Земляном городище было исследовано более 2000 кв. м площади поселения. В 1970-х гг. исследование Ладоги возобновила экспедиция ЛОИА. Имеющиеся материалы давно поставили Ладогу на одно из первых мест среди памятников Древней Руси, однако многие вопросы ее истории ждут еще решения.

Трехметровая толща культурного слоя Ладоги разделена археологами на условные горизонты, обозначенные буквами и цифрами. К древнейшим из них относятся горизонты Е₃, Е₂, Е₁ и горизонт Д. Культурный слой Земляного города прекрасно сохранил органические материалы, прежде всего дерево. Поэтому здесь удалось всесторонне изучить жилые и хозяйственные постройки.

Всего в нижних горизонтах Ладоги (толща Е) было открыто более 40 построек. Большая часть из них сосредото-



*Земляное городище в Старой Ладоге.
Вид с юго-запада.*



Стратиграфия культурного слоя староладожского Земляного городища (по В. И. Равдоникасу, даты — по О. И. Давидан).

ся в центре жилья) собирались в зимние вечера все главы и домочадцы дома и сообща обсуждали очередные, важные для них хозяйственные и другие вопросы”⁴². Пол в этой центральной части жилья был вымощен плотно утрамбованной глиной, в боковых частях, возле бревенчатых стен, он был земляной.

Столбы внутри сруба, по реконструкции Ю. П. Спегальского, несли на себе крышу дома, утепленную толстым слоем земли и дерна. Сруб стоял на высокой земляной подсыпке, огражденной снаружи еще одним рядом очень толстых бревен, положенных на землю. Первые постройки Ладоги стояли в сырой, низменной, болотистой местности. Для того чтобы осушить площадь под жилищем, была сде-

точена в древнейшем горизонте Ез. Крупнейшая из ранних построек представляла собой сруб из бревен длиной 7,5 и 6,6 м, к которому примыкала небольшая хозяйственная пристройка. Жилая половина дома делилась на три части двумя рядами столбов. В центре жилища находилась большая прямоугольная печь (точнее открытый очаг) из каменных плит. В. И. Равдоникас писал: „И если дать волю воображению, то легко можно представить себе весьма правдоподобную картину, как вокруг такой пылающей печи (недаром же она находится

лана не только подсыпка под сруб, но и канава вокруг него.

Севернее дома находился большой (5×5 м) бревенчатый амбар, также окруженный дренажной канавкой. Восточнее — хлев с откидной плетневой загородкой, разгороженными стойлами, деревянным настилом пола и мощным слоем навоза.

Топкая, влажная почва двора была кое-где вымощена беспорядочно набросанными камнями и плитами. Площадь, занятая принадлежащими одной семье жилой и хозяйственными постройками, превышает 200 кв. м. Это — просторная, сравнительно свободно спланированная усадьба. Так была застроена вся изученная часть старолadoжского поселения. В каждой из усадеб, разбросанных по прибрежной низине вдоль Волхова и Лadoжки, могло обитать не менее 15, а то и до 30 человек.

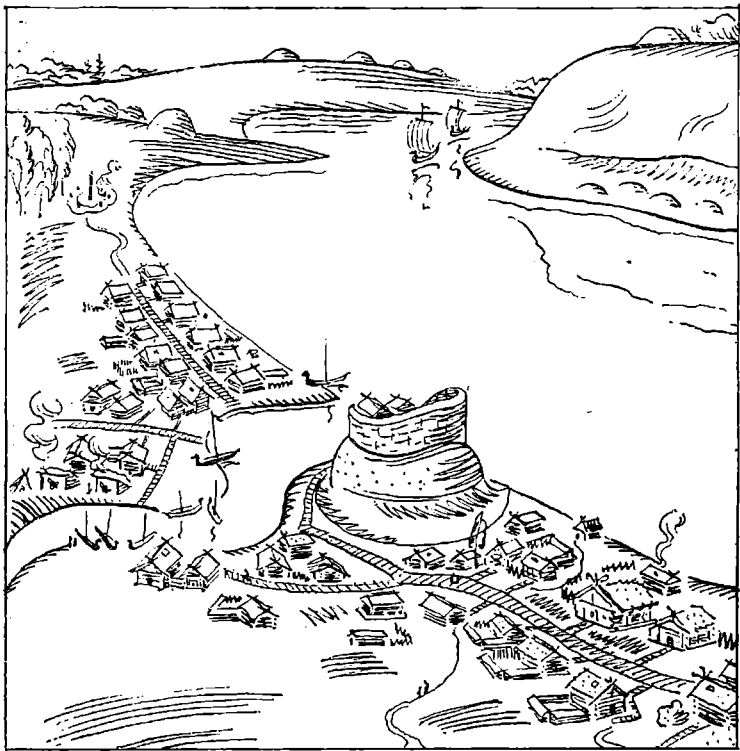
В следующий период характер застройки не изменился. В горизонте Е₂ открыты большие дома (жилая площадь — до 49 кв. м), с очагом посередине. Вокруг них располагались амбары, поднятые на резных столбах, кладовые, загон для скота, огороженный плетнем. К скотному двору из жилого дома вели деревянные мостки, они были выстроены не зря: по всей поверхности горизонта Е₂ залегал мощный слой навоза. Здесь же, возле построек, находились помойные ямы и кучи отбросов (в них попадаютс я наджаберные щиты крупных осетров).

Беспорядочно застроенное поселение сгорело. Пожар вряд ли был просто стихийным бедствием — на некоторое время жизнь на Старолadoжском городище как будто замирает. В следующем, верхнем горизонте Е₁ открыты остатки всего четырех построек, одна из них — большой дом длиной до 17 м. С ним соседствует небольшая изба с печью в углу. Под одной крышей с этим жилищем помещался сруб с печью посередине (как считает Ю. П. Спегальский, мастерская).



*Большими, свободно поставленными усадьбами была застроена Ла-
дога в IX в.*

Зато следующий период, горизонт Д, — время плотной, тесной застройки. На месте сожженного поселения выросла ровная улица. С севера на юг протянулись одинаковые, небольшие бревенчатые избы. К ним лепятся маленькие хлевы, клети, амбары.



В X в. Ладога становится древнерусским городом.

Одновременно на мысу Ладожки и Волхова, до того необитаемом, были сооружены укрепления, отделившие стрелку мыса от застроенной части поселения. Эти изменения произошли во второй половине IX — начале X столетия. Ладога приобрела облик древнерусского города.

Постройки этого времени — квадратные срубы примерно 4×4 м, с печью-каменкой на огражденном бревнами земляном опечье, в углу, и деревянными полами (часто — с глиняной подмазкой под полом). Жилища такого типа обычны в X в. для славянских памятников лесной зоны. Ладожские избы по реконструкции Ю. П. Спегальского были окружены деревянными галереями, соединявшими жилище с различными подсобными и хозяйственными помещениями. Столбы галерей, детали крыши, проемы дверей и даже детали хозяйственных построек, по мнению исследователя, были отделаны нарядной (может быть, раскрашенной) резьбой.

Славянский характер Ладоги X в. не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело с большими домами более раннего времени. В свое время В. И. Равдоникас отнес древнейшие из них к VII в. и полагал, что оставили их кривичи, жившие большими семьями. По мере разложения патриархальной семьи изменился характер жилища.

Сейчас все эти положения пересмотрены⁴³. Древнейшие постройки Ладоги датируются второй половиной VIII столетия. Ни у кривичей (о пребывании их на Волхове сведений в летописи нет), ни у других славянских племен неизвестны большие дома — размеры самых ранних славянских построек: 4×4 , 4×5 м. Ладожские срубы слоя Е сравнивают с большими домами скандинавов, со столбовыми постройками финнов Прикамья, с жилищами балтских городищ, но точных соответствий пока нигде найти не удалось.

В 1972 г. отряд Староладожской экспедиции под руководством В. П. Петренко приступил к раскопкам в районе Варяжской улицы, на левом берегу Ладожки. Мощность слоя здесь достигает 3,7 м (превышая толщу отложений Земляного города). В его нижних горизонтах найдена керамика, не отличающаяся от посуды слоя Е. Материалы

раскопок 1972—1976 гг. позволяют более детально представить древнейшую топографию Ладоги.

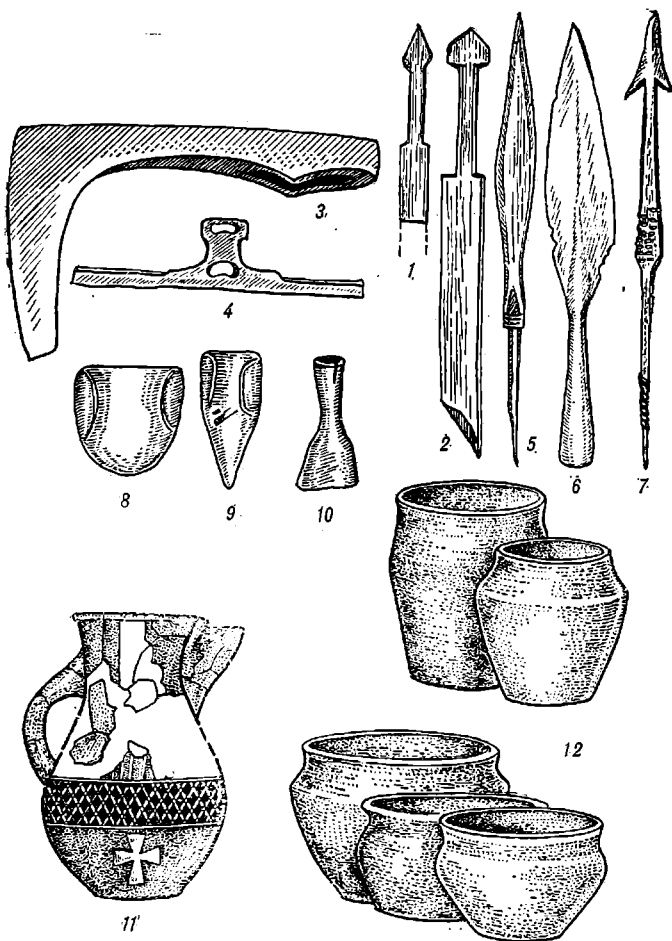
Первоначальное поселение располагалось по обоим берегам Ладожки и вдоль Волхова, вокруг небольшой бухты, образованной излучиной Ладожки возле крепостного мыса. Стрелка мыса могла служить своеобразным причалом; легкие корабли IX—X вв. обычно просто вытаскивали на берег.

О составе обитателей, их занятиях, древних событиях истории Ладоги мы сейчас можем судить прежде всего по находкам из слоев старолadoжского городища. Десятки тысяч обломков глиняных сосудов, около 12 тысяч стеклянных бус, 450 изделий из рога и кости, свыше 200 кожаных вещей, 40 обрывков тканей, около 30 наконечников копий и стрел, десятки деревянных и берестяных поделок, большое количество бронзовых украшений, янтаря — вот лишь приблизительный перечень старолadoжских находок, полученных только в советское время.

Самые массовые находки — керамика. Чаще всего в Ладоге встречаются лепные сосуды баночных форм, с ребром в верхней трети горшка (они считаются типично старолadoжскими). Есть и горшки более плавных очертаний.

В горизонте Д лепная керамика сменяется гончарной — обычного древнерусского типа. Надо заметить, что до сих пор не разработана подробная классификация лadoжской посуды. Трудно судить о полном наборе имеющихся здесь форм.

Среди посуды, изготовленной на месте, есть отдельные привозные вещи. Наиболее эффектный образец такого рода импортов найден (вместе с обычной лепной керамикой) в одном из курганов Плакуна. Это так называемый „фризский кувшин“, инкрустированный серебряной фольгой. Такая, несомненно, парадная посуда встречается только в IX в., и то крайне редко, — целые сосуды



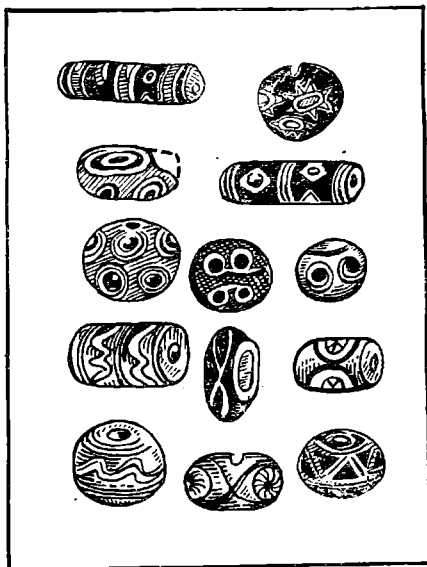
Оружие, орудия труда, керамика Ладоги VIII—IX вв.:

1, 2 — деревянные игрушечные мечи; 3 — боевой топор; 4 — деталь
удила; 5, 6, 7 — наконечники копий; 8, 9 — сошники, 10 — нож;
11 — фризский кувшин; 12 — лепные сосуды.

известны всего в 12 памятниках Европы. Один из них — Старая Ладога.

В Ладоге найдено около 12 тысяч бус. В подавляющем большинстве своем это привозные изделия. Среди них особенно выделяются эффектные мозаичные бусы, изготовленные из многослойных стеклянных палочек. Место их производства — города Средиземноморья. Через Средиземное море, по Дунаю, Эльбе и Везеру эти бусы попадали на север Европы; в Ладогу IX в. они поступали, скорее всего, из Скандинавии⁴⁴.

Из Средиземноморья ввозили и глазчатые бусы — при их изготовлении на поверхность бусины одну за другой наносили разноцветные капли расплавленного стекла. Например, на синюю поверхность сначала капельку молочно-белого стекла, потом — кроваво-красную. Когда стекло застывало, на синем фоне оставался красный „глазок”, окаймленный узким белым ободком. Изготовление таких бус требовало очень высокого, подлинно ювелирного мастерства. Эти изысканные украшения пользовались большим спросом и дорого ценились в Европе VIII—IX вв.



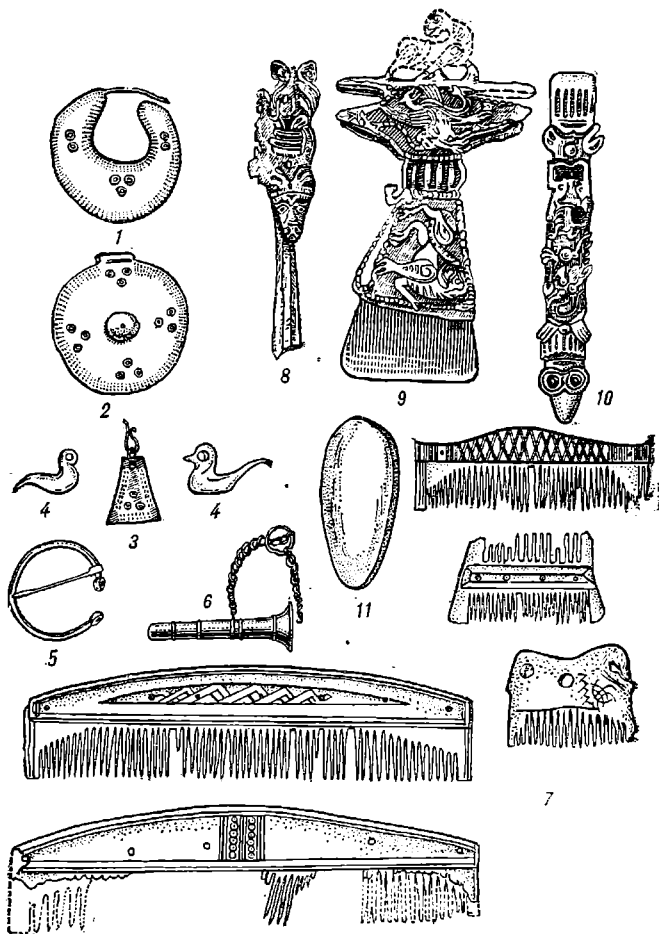
Средиземноморские стеклянные бусы, найденные в Старой Ладоге.

Из скандинавских городов Бирки и Хедебю поступал в Ладогу рубленный бисер — мелкие стеклянные бусы (их найдено более 4 тысяч). Золото- и серебростеклянные бусы, в Ладоге представленные более чем 550 экземплярами, изготавливались из трехслойных стеклянных трубочек: на основу наворачивали тонкие листики серебряной или золотой фольги, а снаружи ее покрывали тонким слоем светло-коричневого или бесцветного стекла. Фольга очень эффектно просвечивает, наполняя маленькую бусину золотистым сиянием.

Древняя традиция изготовления этих бус восходит к культуре Египта начала нашей эры. В Восточной Европе эти бусы бытовали до XII в. На старолadoжском городище обнаружены следы местного стеклодельного производства. Как и в Бирке, и в Хедебю, ладожские ремесленники в первую очередь, видимо, изготавливали бусы со сравнительно несложной технологией.

— Так что не из туч небесных падали поразившие киевского летописца „глазки малые” — они отразили дальние связи Ладоги с северными землями и Египтом, Кавказом и Средней Азией. По этим находкам можно судить и о начавшемся превращении ладожского торжища в самостоятельный ремесленный центр.

Одной из развитых отраслей ремесла в ранней Ладоге было косторезное дело. В слое E найдены многочисленные отходы производства и готовые изделия. Среди них выделяются односторонние гребни с накладками, украшенными резным орнаментом. Гребни этой формы проникли с Запада, из Фрисландии, маленькой страны на берегу Северного моря⁴⁵. Древние фризы, искусные ремесленники, сукноделы, мореплаватели и торговцы в VIII—IX вв. освоили северные морские пути, селились во многих торговых городах и поселках. Они основали Хедебю в Дании, жили в шведской Бирке. Вполне возможно, считает исследователь ладожского ремесла О. И. Давидан, что фризские



Украшения, изделия ювелиров и косторезов Ладоги VIII—XI вв.:
 1 — височное кольцо; 2 — нагрудная подвеска; 3 — трапециевидная подвеска; 4 — костяные подвески «птички»; 5 — подковообразная фибула; 6 — игольник; 7 — гребни; 8 — скандинавская фибула с длинной иглой (литейный брак); 9 — декоративный топорик (реконструкция по Г. Ф. Корзухиной); 10 — цепочкодержатель (литейный брак); 11 — скандинавская скорлупообразная фибула.

косторезы появились и в Ладоге. Там, как и в скандинавских городах, производство гребней стало распространенным местным промыслом. В первой половине IX в. норманнские викинги разграбили города фризоз, захватили в свои руки балтийские пути. Но фризские гребни и в IX, и в X вв. продолжали изготавливать ремесленники городов Скандинавии, Балтийского Поморья, Верхней Руси.

Наряду с заморскими образцами в Ладоге X в. бытовали гребни с высокой фигурной спинкой, характерные для финно-угорских племен Поволжья и Северо-Запада. В слое XI—XII вв. все эти формы сменяются общерусскими, двусторонними гребнями.

Уникальную часть ладожской коллекции составляют изделия из кожи. Во влажном культурном слое староладожского поселения сохранились древнейшие на Руси образцы кожаной обуви⁴⁶. Ладожане носили в VIII—IX вв. мягкие остроносые башмаки из дубленой кожи, расшитые простенькими узорами; каблуков не было: у некоторых видов обуви треугольная пятка вшита в мягкий задник башмака. Такой прием неизвестен сапожных дел мастерам других городов Руси — это мода западная, балтийско-поморская и скандинавская.

Тесные отношения поддерживала Ладога и с ближайшими соседями, населением Прибалтики, Верхнего Поднепровья. С восточного берега Балтийского моря в Ладогу поступал янтарь, служивший сырьем для местных ювелиров. Найдены в Ладоге и характерные женские украшения прибалтийских типов — детали женского головного венка, латгальской „вайнаги“, трапециевидные подвески, круглая нагрудная бронзовая бляха, похожая на женские украшения длинных курганов Смоленщины, височное кольцо типа восточнолатвийских. Не все эти находки можно считать торговыми импортами в точном смысле слова, — они могли попасть в Ладогу вместе с выходцами из Прибалтики или Верхнего Поднепровья.

Точно так же и какая-то часть северных импортов связана с появлением в Ладоге пришлого населения. К таким находкам относится одна из самых знаменитых — палочка с рунической надписью из горизонта Е₂, найденная в одной из ладожских усадеб первой половины IX в. На ней вырезаны 52 знака — скандинавские руны, магические письмена.

Сделать это мог только скандинав, живший в Ладоге. Даже среди норманнов не все владели рунической таинописью. Знаменитый исландский скальд X в. Эгиль Скалагримссон сказал однажды:

Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит;
В непонятных знаках
Каждый может сбиться...

Ладожская надпись читается с трудом, но это, несомненно, стихотворный текст, написанный на древнесеверном общескандинавском языке. Переводу поддается половина его. По-русски это значит примерно так:

Сверкающий лунный эльф,
Сверкающее чудовище,
Будь под землей!¹⁷.

Несомненно, перед нами — поэтическое заклинание, один из ранних образцов древнескандинавской поэзии.

В ранних слоях Ладоги найдены и норманнские амулеты — обломки железной гривны и привешивавшегося к ней невзрачного железного топорика. Такие вещи ценились не как украшение; их носили поклонники бога Тора, скандинавского громовержца. Для людей, поклонявшихся иным богам, они не имели бы ценности.

Любопытна и другая деталь: ладожские ребята VIII—IX вв. играли деревянными мечами, довольно точно копирующими формы норманнских мечей этого времени.

Грозное оружие, производившееся во франкских мастерских на Рейне, несмотря на строгие ограничения вывоза, стало излюбленным вооружением викингов. На Руси древнейшие находки мечей в курганах относятся к концу IX в. — они моложе староладожских игрушек. В VIII столетии жители Ладоги могли познакомиться с каролингскими мечами только через норманнов, приезжавших и живших достаточно долго, чтобы ладожские ребяташки начали играть „в викингов”.

Уже в IX в. Ладога приобрела значение торгового центра. Западные ее связи достигали Фрисландии, восточные — документированы находками иранских и арабских монет. К началу IX в. ладожане накопили первые клады серебра. Два из них найдены за пределами поселения, недалеко от урочища Победище, близ деревни Княжино. Зарытые после 804—808 гг., они, видимо, принадлежали местным жителям, хорошо знавшим окрестности.

Третий клад найден на староладожском городище. Он попал в землю около 860 г. и, возможно, связан с пожаром, уничтожившим постройки горизонта Е₂.

Из Ладоги арабские дирхемы поступали дальше на запад, в Швецию и на остров Готланд. Первые восточные монеты на Готланде появились в то время, когда по материалам Ладоги можно проследить первые контакты со скандинавами (VIII в.). К 40-м гг. IX в. количество серебра в кладах Готланда возрастает. Этот факт связывают с летописными сообщениями о „варяжской дани” (до 859 г.!). В горизонте Е₂, относящемся к тому же времени, есть находки, отразившие присутствие в Ладоге норманнов.

В середине IX в. поступление серебра на запад резко сокращается („Изгнаша варягы за море, и не даша им дани”). И лишь постепенно, к 70-м гг. IX столетия, торговые отношения готландцев и шведов с восточным побережьем Балтики становятся устойчивыми и прочными⁴⁸.

Очевидно, в последней четверти столетия произошла основательная перестройка славяно-варяжских отношений, сформировалась какая-то новая, более приемлемая для обеих сторон основа. И безусловно, ладожанам принадлежал решающий голос при определении характера торговых связей со Швецией и другими странами Запада.

Итак, уже в IX в. Ладога — крупный торговый центр Северо-Запада — играла особую роль в сношениях со Скандинавией. Несомненно также, что путь по Волхову связывал ее со словенскими землями вокруг Ильменя. Но по материалам поселения трудно определить, кто же все-таки жил здесь. В слоях Ладоги оставили свои следы финны и балты, скандинавы и славяне (напомню, что первые типично славянские избы появились еще в толще E).

Погребальные памятники Ладоги составляют такую же пеструю и сложную этническую мозаику. Их раскопки начал еще в 1820-х гг. З. Ходаковский — он исследовал крупнейшую из ладожских, так называемую Полую сопку в урочище Сопки (полагают, что первоначально именно эту насыпь ладожане называли могилой вешего Олега).

Полая сопка видна издалека, из любого места в Старой Ладоге. Высота ее превышает 5 м, диаметр основания — более 30 м. Вокруг сопки кое-где видны огромные валуны. Они образывали правильную кладку, двумя лучами сходящуюся с севера к подножию сопки. Получался как бы гигантский (40 м в длину) треугольник, вершину которого венчала огромная зеленая насыпь.

В середине насыпи Ходаковским были обнаружены остатки сожжения, наконечник копья с расходящимися шипами (такие копья в VIII—IX вв. были известны в Прибалтике, Финляндии, Скандинавии). Ниже погребения лежали огромные валуны; расчистить полностью эту кладку исследователю не удалось.

Так что о погребении в Полной сопке пока можно сказать немного. Заманчиво было бы именно здесь, на

высоком берегу Волхова, стоя на вершине величавой насыпи, представить себе описанное поэтом погребение варяжского князя, вождя славянских и чудских дружин, — тризну вещего Олега:

Князь Игорь и Ольга на холме сидят,
Дружина пирует у брега...

Княжеские масштабы памятника в Ладоге не имеют себе равных. Что же до скудости открытого погребения, то ведь и известные большие, „королевские” курганы Упсалы в Швеции немногим богаче. Оружие, каменные „лучи” (как в датском святилище Еллинге), кладки — черты скандинавского обряда... Впрочем, каменные сооружения над погребениями рассеяны по всей Прибалтике, есть в сопках Ловати, под воздействием соседей они могли появиться и у славян... Нет, рано связывать Полую сопку с именем знаменитого варяга вещего Олега, хоть и писал летописец: „И есть могила его в Ладозе”.

Вокруг „Олеговой могилы” сохранилось еще несколько сопок. Одна из них, наполовину разрушенная, была исследована С. Н. Орловым. В основании насыпи открыты два сожжения с кострищами и большая куча валунов. В одном из погребений, безусловно женском, найдены бусы, такие же, как в слоях IX—X вв., балтские трапециевидные подвески. Во втором сожжении вещей не оказалось, оно могло быть и женским и мужским. Кроме того, в сопке находились жженные кости животных и целый череп лошади. Живописное и мрачное действо разыгралось когда-то на берегу Волхова. Представим себе пылающие костры, женщину, уложенную на костре в праздничном наряде, каменный жертвенник, над которым совершается неведомый обряд, жертвоприношения животных, наконец, конский череп, водруженный над потухшим костром...

Культ коня, сложный ритуал женских погребений заставляют вспомнить финские, чудские обычаи, „лучших

жен", похороненных в репьевской и, наверно, многих других сопках.

Сложное переплетение обычаев разных племен выявляется и в ладожских сопках. Классический образец их — сопка № 140 из раскопок Н. Е. Бранденбурга в урочище Победище: насыпь высотой 4,2 м сооружалась слой за слоем, по мере появления новых захоронений. Сопки такого типа считаются семейными усыпальницами.

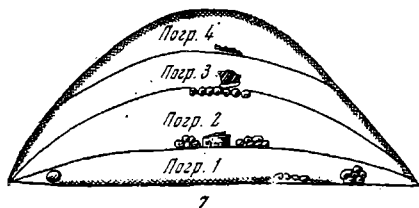
Что же дает вертикальный разрез этой сопки?

Верхнее, самое позднее захоронение — рассыпанные сожженные кости и среди них бронзовый бубенчик — вполне может быть славянским. Впрочем, маленькие звенящие бубенчики-подвески были излюбленным украшением многих восточнофинских племен с глубокой древности. В X в. их начали носить и славяне.

Следующее погребение, лежащее ниже, от славянских отличается: на поверхности насыпи был устроен настил из крупных булыжников, а над ним помещена урна с остатками сожжения и оплавившимися бусами. Глиняный сосуд был накрыт сверху каменной плиткой. Эти черты обряда — норманнские.

Еще ниже открыто сложное сооружение из больших камней, уложенных в два-три ряда. Внутри него был устроен каменный ящик из плит, а в ящике находился большой горшок. В этом сосуде лежала маленькая урна с остатками сожжения маленькой девочки. Понятна забота, с которой устроено последнее „жилище" ребенка, но очень трудно сказать, на каком языке говорили родители. Такие сложные каменные конструкции известны в курганах Скандинавии, Литвы, у западных славян...

Наконец, нижнее, основное погребение отличается от всех предыдущих. Оно окружено каменным венцом, охватывающим половину основания насыпи. Внутри венца — треугольная каменная кладка, очаг — куча углей — и в стороне остатки сожжения. Покойник (видимо, муж-



Разрез сопки № 140.
Реконструкция С. Н. Орлова.

чина) был предан огню в богатом наборном поясе с бронзовыми бляшками, вместе с верховым конем (сохранились кости лошади). На погребальный костер положили лапу медведя, оберег, таинственным образом связывавший мертвеца с „хозяином леса“.

Медвежьи лапы, очаги в курганах с сожжениями широко известны в Приладожье. Вместе с конем сжигали мертвых древние пруссы и другие балтские, а также некоторые финские племена. Каменный венец вокруг насыпи — черта прибалтийская.

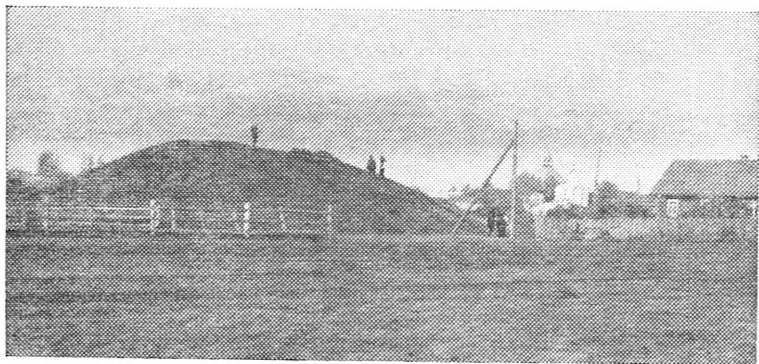
Погребение в сопке № 140 можно отнести, судя по вещам, к VIII в. Очевидно, уже в это время население Ладоги было достаточно смешанным, в местной культуре переплелись традиции разных племен.

Вторая сопка с захоронением коня раскопана С. Н. Орловым над урочищем Плакун. Насыпь была разрушена, сохранился костяк лошади в богатой уздечке, украшенной 39 серебряными бляшками. Возле остатков сопки позднее были найдены обломки византийской или киевской амфоры X в.

Тип уздечки — литовский. А сам обряд захоронения коня (также известный в Литве) заставляет, кроме того, снова вспомнить ладожскую легенду о вещем Олеге, принявшем смерть от коня своего...

В 1971—1973 гг. ленинградские археологи В. А. Назаренко и Е. Н. Носов раскопали большую сопку в самом урочище Плакун, на нижней береговой террасе напротив Земляного города. В основании насыпи обнаружено по-

гребение по обряду сожжения, судя по некоторым находкам относящееся к VIII—IX вв. А в верхней части насыпи позднее было совершено захоронение по иному обряду. Покойник не был сожжен, его уложили в ладью и установили ее на вершине сопки. Возле форштевня судна — костяки двух верховых лошадей. Погребение сильно разрушено ямами, но детали обряда и немногие дошедшие до археологов находки свидетельствуют о том, что на вершине сопки в Плакуне был похоронен норманн. В роскошных боевых кораблях похоронены норвежские корольязычники (всемирно известные курганы в Усеберге, Туне, Гокстаде). Вещи ладожского погребения — специфически варяжские: ланцетовидные стрелы, резная костяная головка дракона. К конским копытам привязаны железные ледоходные шипы: древние скандинавы предполагали, что в загробном странствии мертвому всаднику не раз придется преодолевать скалистые просторы и бескрайние ледники Севера...



*Сопка в урочище Плакун.
Фото 1971 г.*

Вниз по берегу Волхова, к северу от сопки в Плакуне, цепочкой располагались 13 низких плоских курганов. С 1940 по 1968 г. все они были раскопаны. В большинстве из этих насыпей обнаружены сожжения в ладье, характерный обряд шведских викингов, хорошо известный по могиальникам IX—X вв.

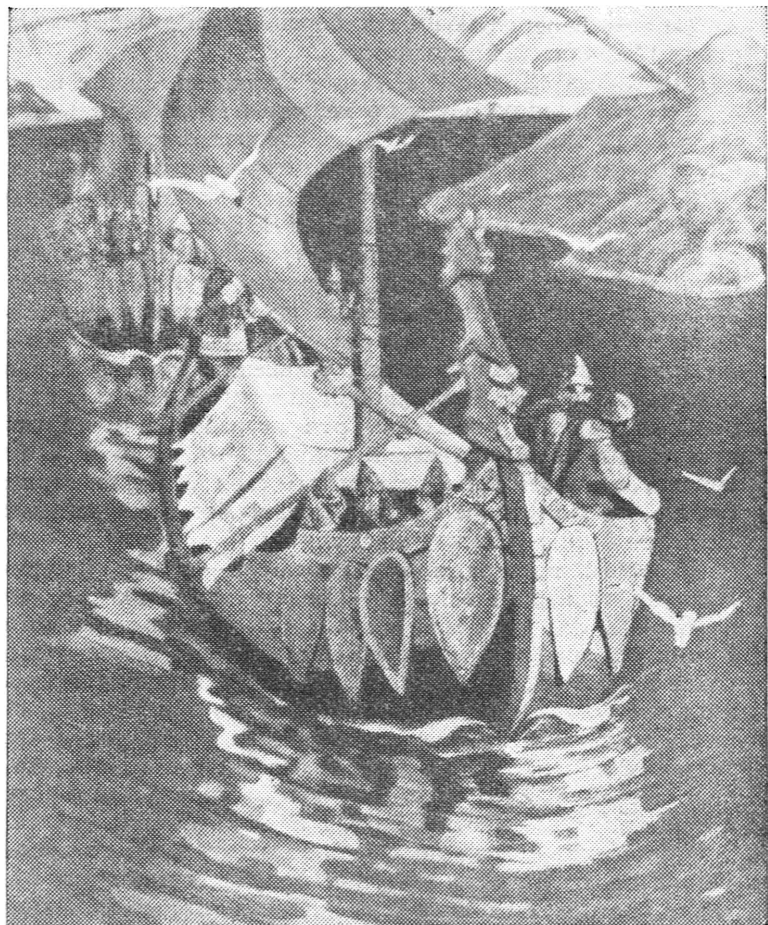
Вместе с сожжениями в ладье — три женских захоронения. Одно из них исследователь Старой Ладogi Г. Ф. Корзухина отнесла к началу IX в. (здесь были найдены фризский кувшин и роскошные серебряные бусы). В мужских могилах найдено оружие, в том числе согнутые, перекрученные наконечники копий. Это — норманнский обычай порчи оружия, „убитого“, чтобы сопровождать в загробный мир мертвого воителя.

В 1968 г. Г. Ф. Корзухина обнаружила в одном из курганов труположение в деревянной камере. Богатые дружинные захоронения по этому обряду в шведской Бирке известны на рубеже IX и X вв.

Теперь окинем взглядом всю террасу Плакуна с юга на север или представим себе, что мы спускаемся по Волхову из Новгорода мимо Ладogi. Навстречу нам на правом берегу, у самых вод Волхова, поднимается семиметровая сопка, на вершине которой была погребена ладья с норманнским всадником. Он лежал головой на север, ногами на юг, по направлению движения погребальной ладьи, как будто открывая и возглавляя мрачное шествие мертвых.

За ним в некотором отдалении цепочкой вытянулись курганы, под которыми скрыты ладьи с сожженными в них воинами.

Не правда ли, похоже на движение дружины во главе с вождем? Вспомним картину Н. Рериха „Заморские гости“. ...Осторожно и медленно движутся по русской реке суда, украшенные головой дракона, внимательно



Н. К. Рерих. „Заморские гости” (фрагмент).

всматривается в незнакомый берег предводитель — „ступиматр” варяжских находников.

„Флотилия мертвых” в Ладоге оставлена, скорее всего, дружиной викингов. Судя по женским погребениям, норманны прочно обосновались на старолadoжском поселении, появилась возможность даже привезти сюда свои семьи. Как полагает Г. Ф. Корзухина, скандинавы вошли в состав населения Ладоги в начале IX в.⁴⁹.

Возможно, к более раннему времени относится еще один ладожский могильник, открытый в 1940 г. южнее Земляного города. Он находится на нынешних огородах, начинающихся сразу за валами и бастионами XV—XVIII вв. Разведочная траншея, заложенная здесь С. Н. Орловым, прошла над небольшими ямками, в которые были сыпаны остатки сожжений. Эти погребения перекрыты культурным слоем поселения конца IX—X в., то есть, вероятно, одновременны горизонтам слоя Е на городище. Грунтовый могильник с сожжениями мог быть оставлен местным финно-угорским населением.

В целом погребальные памятники — сопки, курганы Плакуна, грунтовые могилы — свидетельствуют о том, что в VIII—IX вв. население Ладоги было разноплеменным. Возможно, конечно, что первоначально здесь существовало какое-то небольшое поселение местной ладожской чуди, хотя отчетливые следы его до сих пор не обнаружены. Но уже в течение VIII в. оно превращается в международный торговый центр. И вряд ли есть особый смысл в поисках основателей Ладоги, поселение такого типа должно было объединять представителей всех племен Севера.

Отношения между ними, конечно, менялись со временем. В эпоху больших домов и ранних сопок здесь, очевидно, преобладала чужь (хотя в больших домах Ладоги жили и норманны, может быть, балты). Появление могильника в урочище Плакун свидетельствует о значительной роли скандинавов в жизни Ладоги IX в. Пожар гори-

зонта Е₂ — важный рубеж в истории поселения: после него Ладога приобретает определенно славянский характер, хотя в течение всего X в. здесь вместе со славянами жили и норманны, и чудь, может быть, и балты.

Труднее всего судить о времени первого появления в Ладоге славян. Среди лепной керамики поселения наряду с реберчатыми могут быть выделены и сосуды достоверно славянского облика. В слое Е открыта и вполне славянская изба IX в. В горизонте Е₂ найден горшок с горизонтальной каннелюрой, городецкого типа.

Полуземлянки в Ладоге вряд ли были, — в болотистой низине их невозможно строить. Практически неизвестны до сих пор в окрестностях Ладоги маленькие круглые курганы с сожжениями. Впрочем, как вспоминал М. И. Артамонов, один такой могильник лет двадцать пять назад стоял в окрестностях Ладоги, недалеко от речки Любша. На мысу у впадения Любши в Волхов располагается небольшое мысовое городище. В курганах на Любше, говорил М. И. Артамонов, можно было руками прямо из-под дерна вынуть глиняную урну с остатками сожжения... К сожалению, этот могильник, видимо, был уничтожен при строительстве пионерлагеря, занимающего сейчас и территорию городища.

На Любшанском городище обнаружен слой с лепной керамикой, исследованы остатки разрушенной полуземлянки с печкой-каменкой, оборонительные сооружения. Славянские градки в окрестностях Ладоги и на Волховских порогах появились примерно одновременно. По-видимому, еще до строительства укреплений на ладожском мысу славяне вошли в состав постоянного населения Ладоги.

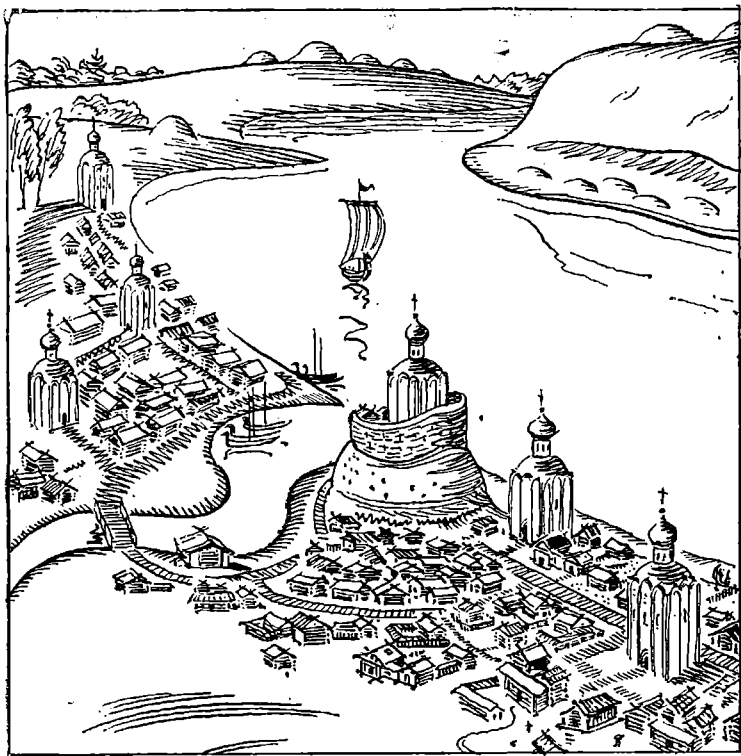
Уже к исходу VIII — началу IX в. Ладога резко отличалась от обычных селищ и городищ. Это — не имеющее укреплений, открытое торгово-ремесленное поселение нового типа, доступное и притягательное для пришельцев из

разных мест и племен. Словене и чудь, норманны и балты сосредоточиваются здесь, на великом водном пути. Главным образом, это — новые, подвижные элементы, дерзкие дружины, готовые и к торговле, и к разбою; обогащающаяся племенная знать; мастера-умельцы, ювелиры и косторезы, рудознаты и плотники, корабельщики и волоковые работники.

Вероятно, как и во многих других межплеменных торговых центрах того времени, порядок и спокойствие в Ладоге поддерживала не власть князя, а добрая воля собравшихся, своего рода равновесие сил вооруженных „гостей”. Установленный таким образом „вечный мир”, конечно, часто нарушался. В середине IX в. осевшие в Ладоге викинги, видимо, попытались захватить в свои руки власть над богатым торговым городом. Попытка кончилась для них печально: гибнут в огне большие дома, обрывается поток восточного серебра на Север, „изгнаша варяги за море и не даша им дани...”. Археологические, нумизматические и письменные источники четко рисуют этот конфликт.

Не только для варягов, но и для славянских дружин, стремившихся к низовьям Волхова, к выходам на морские пути, обстановка в ладожском поселении была достаточно сложной. Выдвинутые далеко на север волховские градки словен еще не успели стать форпостами дальнейшего славянского расселения. Здесь, близ Ладоги, на племенном пограничье словенские „нарочитые мужи”, „отроки”, „гости” до поры до времени были лишены прочной опоры, оторваны от своей основной, исконной племенной территории.

Превратить межплеменной торговый центр в средневековый город — вот за что шла борьба в Ладоге второй половины IX в. Набиравший силу господствующий слой Верхней Руси стремился противопоставить стихии вольных дружин новые отношения. Основанные уже не на равновесии сил разноплеменных гостей, а на авторитете



Ладoga в XII в. — крупнейший „пригород“ Великого Новгорода.

княжеской власти, подкрепленном мечами княжеского войска.

„Вста род на род... не бе в них правды“, — примирительно замечает летописец. „Правдой“ в Древней Руси называли не только истину, справедливость. Так князья име-

ювали и установленные ими законы („Русская правда” Ярослава, „Правда Ярославичей”...), а согласно этой, княжеской „правде”, жизнь одного человека оценивалась в 5 гривен, а другого — в 80.

Не война племен, а борьба славянской и чудской знати со свободными общинниками — вот суть ладожского конфликта. Победителями на этот раз вышла знать, объединившаяся и призвавшая на помощь варяжские дружины. Силой оружия в Ладоге был установлен новый, княжеский порядок. И не так важно, кто на первых порах взял на себя функции носителя княжеской власти. Будь то Рюрик или любой из славянских и чудских вождей — ладожский князь создавал Древнерусское феодальное государство.

Ладога из международного торгового центра превратилась в город новгородских словен. Не случайно к концу IX в. она приобрела бесспорно славянский характер: улицы, вытянувшиеся вдоль Волхова к стенам новопостроенной крепости, заселены славянскими ремесленниками, торговцами, землепашцами. С этого времени развитие ее истории, ее культуры мало чем отличается от пути многих других городов Руси.

Прочно овладев Ладогой, новые князья, окруженные дружиной, где равно превратились в княжских мужей. вчерашние отроки и викинги, переносят свой „стол” на юг, к истокам Волхова, в глубь земли словен ильменских, в Новгород. После Рюрика и Олега в Ладоге князей не было. Межплеменной порт Северо-Запада догосударственной поры превращается в один из первых „пригородов” столицы Верхней Руси — Новгорода Великого.

Пригород богатый. В конце X—XI вв. Ладога остается предметом вожделений викингов. Ярослав Мудрый для защиты от них посадил здесь наместником родича своей жены (дочери шведского короля) „ярла” Рагнвальда с варяжской дружиной. Богатый город Aldeigjuborg („кре-

пость на Ладоге") часто упоминался в скандинавских сказаниях. В XII в. древнерусская Ладога достигла расцвета: здесь построили мощную каменную крепость, возвели шесть каменных храмов (Псков в то время мог похвалиться всего четырьмя). Однако ни в XI, ни в XII столетии роль Ладоги нельзя сравнить с ее значением в начальный период русской истории.

Расцвет ее в VIII—X вв. определялся крайне своеобразными культурными, торговыми, политическими контактами славян, норманнов и чуди. В дальнейшем варяги растворились среди славянской знати, центром Верхней Руси стал славянский Новгород. Судьбу же чуди в X—XII вв. можно проследить по памятникам южного Приладожья.

В КРАЮ ПРИЛАДОЖСКОЙ ЧУДИ

Сопки Тихвинщины

По окраине южного Приладожья, вдоль рек Сяси и Тихвинки, тянутся сопки — самые дальние и самые поздние из этой группы памятников. Внешне они не отличаются от насыпей Волхова, Луги, Ловати, Мсты, иногда лишь поражая размерами — до 9 м в высоту. Некоторые по основанию окружены ровиком. При раскопках одной из таких сопок у деревни Городище на реке Сяси В. И. Равдоникас обнаружил внутри насыпи, на высоте 1,85 м и 4 м от основания, кострища четырех ритуальных очагов. Над очагами, в вершине насыпи, были зарыты остатки двух сожжений.

Ритуальные очаги и ровики — черты, редко встречающиеся на основной территории распространения сопок. Они отмечены лишь на Мсте и возле Ладоги. Но зато ровики и очаги-огневища чрезвычайно характерны для классической культуры приладожских курганов (первая половина X — начало XI в.).

Некоторые из сопок Приладожья, вероятно, относятся к немного более раннему времени: население, принесшее эту традицию, скорее всего продвинулось на Нижний Волхов, Сясь и Тихвинку в начале IX в. Но среди приладожских сопок немало и насыпей, одновременных курганной культуре. Черты ее, например, выступают в обряде сопок

в урочище Горбиничи на Тихвинке, раскопанных А. И. Колмогоровым. Глубоко в еловом лесу стояла группа курганов, среди которых выделялась высокая (7 м) коническая сопка, по основанию примерно на высоту 1 м выложенная крупными валунами. К юго-востоку от нее стоял низкий (1,5 м) курган, также окруженный кольцом из валунов. Насыпи соединяла трехметровая каменная вымостка, своего рода дорожка.

В сопке, на глубине 2 м от вершины, стояла погребальная урна — глиняный горшок, наполненный сожженными косточками и обложенный со всех сторон крупными камнями. В основании насыпи открыты остатки каменного очага с мощным слоем угля и пепла. На очаге лежали топор, копье и нож.

Это несомненно мужское погребение в огромной насыпи связано с захоронениями во втором, малом кургане. Внутри он был разделен на две части каменной стенкой из валунов, соединяющейся с внешней оградой. В каждом из этих почти правильных четырехугольников (напоминающих позднейшие жалники) обнаружено по одному женскому погребению. Костяки лежали головами на юг, женщины были похоронены в праздничном уборе — с браслетами, серьгами, бусами. И, бесспорно, умерли насильственной смертью: череп одного скелета был пробит, а на тазовых костях второго найден плотно прижатый к ним наконечник копья, которым был нанесен мучительный и смертельный удар.

В жестоком и мрачном ритуале этого памятника немало черт, известных в курганной культуре Приладожья, отличающих ее от древнерусских курганов: разделение на мужскую и женскую части, человеческие жертвоприношения, очаг в основании насыпи. Сопки Тихвинщины как бы очерчивают юго-западную границу приладожской курганной культуры, а возможно, указывают и на один из ее

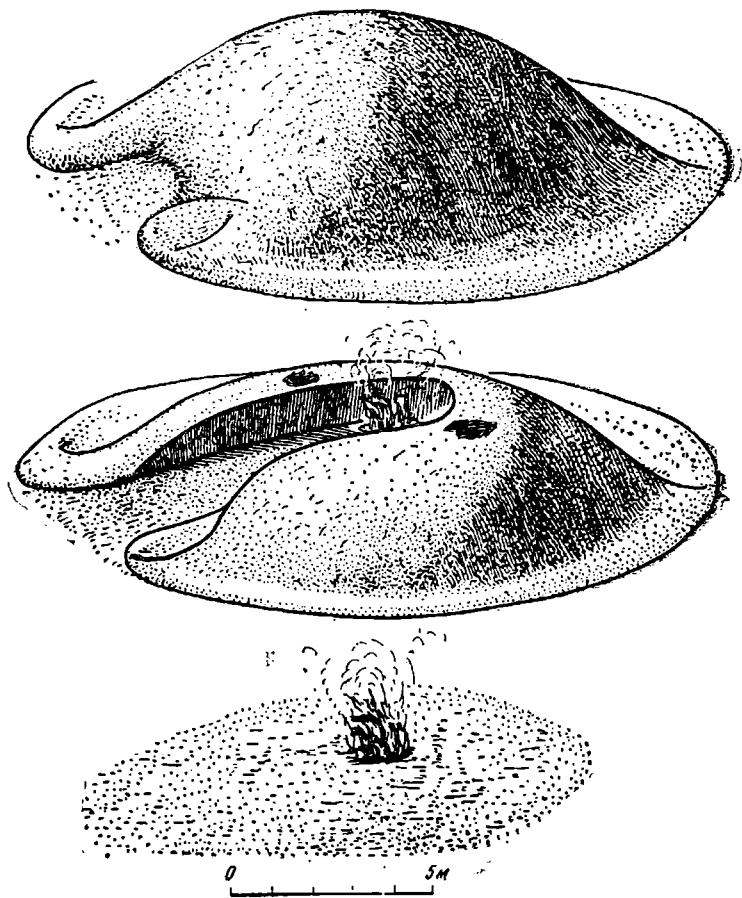
истоков. Элементы ритуала, рассеянные в сопках VIII—IX вв. на Мсте, близ Ладоги, на Сяси (ровики, очаги, медвежьи лапы и т. д.), в курганах X в. на Паше и ее притоках образуют стройный и своеобразный погребальный обряд.

«Жилища мертвых»

Памятники приладожской культуры известны по раскопкам Н. Е. Бранденбурга и В. И. Равдоникаса. Новые полевые исследования, проведенные В. А. Назаренко, позволили детально восстановить канву погребального ритуала. Курганы с сожжениями и с трупоположениями связаны единой идеей загробного жилища. Погребальная площадка прежде всего ограждалась ритуальным ровиком, исключавшим ее из мира живых. Земля из ровика, выброшенная внутрь площадки, образовывала своего рода кольцевой валик: под защитой его раскладывали очаг из мощных двухметровых бревен. Огонь очага пылал в течение всего времени совершения погребения.

К востоку от очага в приладожских курганах помещали мужское погребение, к западу — женское. В тех случаях, когда захоронения находятся на одном уровне, то есть совершены одновременно, женское погребение было сопровождающим (при трупоположении, как мы видели, эти жертвоприношения женщин фиксируются с протокольной достоверностью). В более поздних курганах погребения найдены на разном уровне, но строгое разделение мужской и женской частей „жилища мертвых” сохраняется долго.

На очаге устанавливали набор погребальной посуды: горшки (иногда с железным обручем, чтобы сосуд можно было подвешивать, как котел), кованые железные сковородки. Часто при очаге находят железные лопаты для



Последовательность сооружения Чирладожского кургана.
Реконструкция В. А. Назаренко.

разгребания углей. Возможно, очаг оставался незасыпанным, и при совершении нового погребения огонь разжигали на том же месте, в центре кургана⁵⁰.

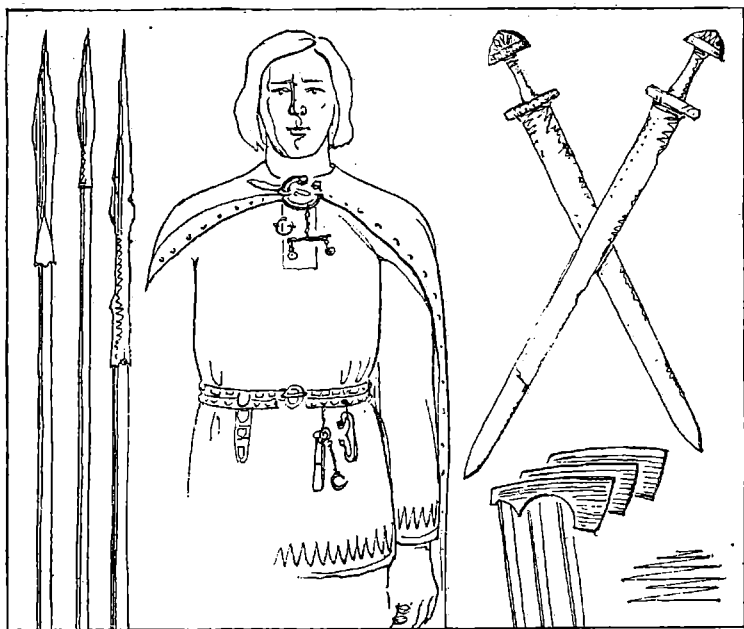
После того как останки были прикрыты землей, в ровике вокруг насыпи разжигали очистительный огонь. „Огненные кольца” вокруг курганов также прослежены лишь при раскопках последних лет.

Устойчивый и своеобразный обряд неизвестен за пределами Приладожья. „Дома мертвых” других финно-угорских племен решительно отличаются от курганов Паши и Сяси. Но приладожская культура выделяется не только погребальными обычаями: здесь причудливо и тесно переплелись финно-угорские (чудские) и скандинавские культурные традиции.

Курганы чуди и варягов

Как и классический приладожский обряд, норманнские элементы отчетливее всего представлены в курганах на Паше, где, как писал В. И. Равдоникас, „скандинавское влияние было наиболее мощным”.

На Паше эти курганы распространены в нижнем и среднем течении. Недалеко от устья реки, на ее притоке Кумбите, богатые курганы с классическим приладожским обрядом были раскопаны Н. Е. Бранденбургом. В одном из курганов высотой 1,7 м, в основании, на уровне древней, погребенной под песчаной насыпью почвы, в слое пепла покоились останки сожженного воина, отправленного в загробный мир с полным набором оружия: три боевых топора, два копья, четыре стрелы. Сохранились украшения воинского пояса: бронзовая пряжка, 23 нашивные бляшки. На костер поставили и деревянный, окован-



*Убор и снаряжение воина из Кумбиты.
Реконструкция.*

ный железом ларец с каким-то имуществом, — обломки перегоревших оковок найдены вместе с другими вещами. Рядом с захоронением лежали крест-накрест два каролингских меча с прямым перекрестьем, орнаментированным навершием, и копьё с узким длинным пером и вытянутой втулкой для насадки на древко.

Погребение находилось в восточной части кургана. В центре насыпи, на уровне погребенной почвы, был устроен очаг-огневище из слоя крупного угля на усыпанной

мелким гравием глиняной подмазке. На огневище найдена плоская железная сковорода. Много в этом кургане вызывает вопросы. Все типы оружия — мечи, боевые топоры, копье — характерны для скандинавской культуры эпохи викингов. В могилах Швеции VII—X вв. известен обычай класть по два-три меча, топора, щита, — обилие оружия указывало на знатность воина. К норманнским чертам ритуала можно отнести и ларчик в могиле, и сломанный („убитый”) костяной гребень с циркульным орнаментом типа ранних гребней Старой Ладоги.

Но мечи, уложенные крест-накрест, — черта обряда, отмеченная у финно-угорских племен Прикамья еще в последних веках до нашей эры. Очаг-огневище со сковородкой, брошенной среди горящих бревен, — деталь специфически приладожская, ничего подобного в курганах викингов мы не знаем.

Значит, воин, вооруженный по норманнскому образцу привозным оружием, был погребен согласно местным обычаям. Хоронившие его соратники, несомненно, были чуждыми обитателями Приладожья.

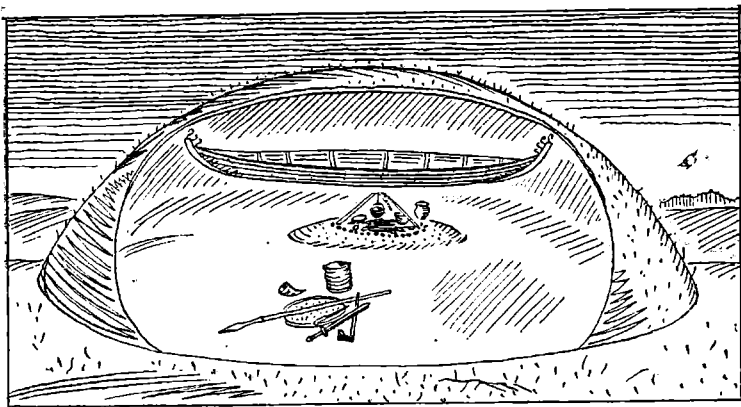
В сопровождающем (женском?) погребении найден лишь один бронзовый бубенчик. Иная картина — в соседнем кургане (№ 8): мужское захоронение (кремация с оружием), располагавшееся, как обычно, к востоку от очага, сопровождали три женских сожжения с богатыми вещами; останки двух женщин лежали к западу, третьей — южнее очага.

Многочисленные, хорошо сохранившиеся находки позволяют представить себе всех этих людей, живших тысячу лет назад, — древнего воителя с острой секирой и длинным копьем, наборным сверкающим поясом и трех женщин. Одна из них — в богатом уборе, с поблескивающими ажурными фибулами на груди, несколькими нитями разноцветных бус на шее, массивными бронзовыми браслетами на запястьях, шейной гривной, выглядывающей из-

под нарядного плаща, скрепленного маленькими пряжками. Две другие ее спутницы одеты скромнее, но и у них играют разными цветами стеклянные крупные бусы, сверкают на руках браслеты, к поясу привешены цепочки с мелкими вещами — ухверткой, ножиком в расшитых ножнах, плащи или накидки скреплены большими подковообразными пряжками (типа латвийской сакты, с чеканным орнаментом, рельефными головками). Кто же эти люди? Родичи по крови или муж и жена, похороненные в сопровождении служанок, или знатный воин, преданный огню вместе с умерщвленными наложницами? В облике погребений проступают пока неясные контуры приладожского общества с военной демократией и „патриархальным рабством”, прочными родовыми узами и появляющимся социальным неравенством.

Один из самых ярких приладожских курганов раскопан Н. Е. Бранденбургом у деревни Усть-Рыбежна. Даже после раскопок насыпь (№ 19), достигающая 2 м в высоту, выглядит весьма внушительно. В центре просторной, более 15 м диаметром площадки, на полуметровой подсыпке был сооружен огромный, до 2 м в поперечнике, очаг — глиняная площадка, усыпанная гравием. На очаге горели большие бревна, оставившие крупные угли и головни. Затем на огневище поставили два глиняных горшка, положили кованую железную сковороду. Над очагом, вероятно, к деревянной треноге около 1 м высотой на железной цепи был подвешен котел, склепанный из железных листов.

Когда очаг был полностью оснащен, с погребального костра перенесли остатки сожжения и сложили их на площадке в 6 м к востоку от очага. Здесь же положили боевое оружие: большой железный меч с инкрустированной серебром рукоятью, боевой топор, копье. Рядом с оружием с западной стороны погребения стоял набор парадной посуды: рог для питья с серебряными орнаментиро-



Устройство кургана в Усть-Рыбежне.

ванными оковками, железная бадья с четырьмя кольцевидными ручками (с глубокой древности, со времен этрусков и римлян, в Европе такая посуда служила для вина) и лепной горшок. Кроме того, в погребении найдены стрела, нож, гири для взвешивания серебра, навесной замочек (может быть, от ларчика).

Затем „жилище мертвого” засыпали суглинистым песком, при этом кто-то из друзей или родичей бросил в насыпь массивную серебряную круглую пряжку. После того как высота кургана достигла 1 м, на вершине его была установлена ладя длиной 10 м, шириной 5 м, ориентированная с севера на юг. От нее сохранилось более 100 железных заклепок, скреплявших истлевшие доски обшивки. После этого, доведя высоту насыпи до двух с лишним метров, сооружение кургана закончили.

Больше всего это погребение похоже на могилы знатных вождей скандинавских викингов. Тех тоже хоронили

или сжигали в ладье с полным набором боевого оружия, пиршественной посуды, часто — с ларцами, весами и гирьками для взвешивания серебра. Все типы вещей из этого погребения — скандинавские. Конструкция ладьи с заклепками, спиральными украшениями форштевня тоже хорошо знакома и по кораблям викингов из Гокстада, Усеберга, Саттон-Ху, и по многочисленным погребениям в ладье из курганов Швеции и Норвегии.

Но в то же время в обряде кургана № 19 есть специфические особенности: ладья стоит над погребением, а такие случаи в Скандинавии были редкими, — обычно человека хоронили в ладье. И конечно, ритуальный очаг с полным набором посуды — примета местная.

Снова остается предположить, что в окружении неведомого вождя (а в его высоком положении и норманнском происхождении не приходится сомневаться) были не только варяги, но и „чудины“. Как знать, может быть, здесь, далеко на севере, похоронили одного из загадочных варяжских послов Олега, подписавших в 912 г. в Константинополе первый договор Руси с греками („Мы от рода рускаго, Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид, иже послани от Олга, великого князя рускаго...“ — так начинался этот документ, переведенный с греческого языка на русский). Договору предшествовал знаменитый поход вещего Олега в 907 г., когда „иде Олег на Греки... поя же (взял) множество варяг, и словен, и чюдь...“, и едва ли не все племена Руси — славянские и неславянские — вошли в это войско. Какой-нибудь Карл или Фарлаф мог оказаться во главе чуждского ополчения — не случайно чюдь и варяги упомянуты летописцем почти сразу друг за другом. Прошли годы... Где-нибудь в первой половине X в., вкусив радость побед, отягощенные добы-

чей, отнятой у византийцев и хазар, привыкнув жить своим сплоченным военным коллективом, со своими обычаями и нравами, вернулась чудская дружина на родину, на зеленые берега Паши. И здесь нашел свой конец их вождь варяг, боярин киевского князя — то ли недуг, то ли неожиданное нападение, а может быть, и старинная распря стали тому причиной. На высоком мысу похоронили его верные дружинники, соединив варяжские и чудские похоронные обряды и насыпав в память славного вождя величавый холм.

Похожие большие дружинные курганы именно к середине X в. появились далеко на юге, в Поднепровье. Здесь первых русских бояр и воевод, таких, как славянин Претич или варяг Свенельд, хоронили в высоких курганах (иногда — с сожженной ладьей), с полным набором оружия (мечи, копья, топоры, шлемы), парадной посуды. Большие курганы появляются в это время в крупнейшем дружинном могильнике — в Гнездове под Смоленском. К ним относятся курганы Чернигова — знаменитые Черная могила и Гульбище. Все это — памятники времен Олега, Игоря, Святослава, первых князей и первых далеких походов Руси, памятники героической юности Древнерусского государства. Так что курган в Усть-Рыбежне отнюдь не стоит особняком среди русских древностей. Но на Паше и вообще в Приладожье это памятник, единственный в своем роде.

Более скромные курганы, вытянувшиеся цепочками вдоль берегов Паши, с очагами-огневищами в основании, сожжениями и трупоположениями, с топорами и копьями, гривнами и шумящими подвесками, располагаются у деревень Рыбежна, Балдино, Нововесь, Новая, Часовенская, Кириллино, Урицкое, Костино и др. Наибольшее количество классических приладожских курганов сосредоточено на небольшом отрезке реки, в районе деревни Вихмесь и на реке Сязниге, впадающей в Пашу напротив де-

ревни. Вихмесь — место находки крупнейшего из древнерусских монетных кладов. В 1934 г. в окрестном лесу был обнаружен медный котел и в нем 13 тысяч серебряных западноевропейских монет (денариев) и слиток серебра. Клад относится к XI — началу XII в. Вероятно, Вихмесь того времени была одним из торговых поселений на Паше.

Вдоль дороги по правому берегу Паши ниже того места, где находилась деревня (сейчас обитатели ее переселились в Усть-Рыбежну), цепочкой стоят девять высоких курганных насыпей, исследованных Н. Е. Бранденбургом. Среди них есть многоярусные курганы, например большая (18 м в диаметре) насыпь (№ 69). В нижней части ее находилось сожжение женщины с гривной и скандинавскими фибулами, массивными браслетами. На том же уровне найдено мужское сожжение, с копьем, подковообразной пряжкой и железными удилами (из перевитых стержней, с зажимами для ремней). Удила такой же конструкции найдены в третьем, верхнем погребении, здесь же, среди сожженных костей, — два копья, наконечник одного из них намеренно согнут. Отсутствие очага, ритуальная порча оружия (преследовавшая и практическую цель — сделать бессмысленным ограбление курганов ради обладания дорогим вооружением) — все эти особенности,



*Убор норманнов из Вихмеси.
Реконструкция.*

а также состав инвентаря свидетельствуют о том, что курган создан норманнами, вероятно осевшими в богатом торговом поселке на Паше.

В курганах Вихмеси и ближайших деревень сосредоточены все типы вещей, известных в приладожской курганной культуре: оружие — копья, боевые топоры, стрелы; серебряные подвески, бусы, кольца, монеты (арабские дирхемы, германские денарии), подковообразные пряжки; бронзовые гривны, фибулы, пронизки — бусы, пряжки, подвески (в том числе шумящие украшения, „уточки“, бубенчики), спиральки, браслеты, ухвертки, игольники, цепочки, височные кольца; бытовые вещи — кресала, ножи, замки, костяные орнаментированные гребни; стеклянные, сердоликовые, кварцевые бусы; обрывки тканей и кожи от одежд бересты, от погребальных покрывал; кости жертвенных животных. Во многих курганах обнаружены очаги-огневища с обычными на них горшками, железными сковородами и лопатами для разгребания угля, котлами.

Десять курганных групп и одиночных насыпей располагаются на реке Сязниге, левом притоке Паши.

В основном курганы Сязниги связаны с небольшими, типа хуторов, поселениями приладожской чуди. Но есть в них и погребения с норманнскими чертами обряда. Высокий (2,3 м) курган (№ 45 по Бранденбургу) на холмистой возвышенности левого берега, в лесу — прекрасный образец классических приладожских курганов. Здесь было открыто огневище, устроенное с обычной тщательностью. На слое крупного угля лежали черепки разбитого горшка, а возле очага глубоко в землю была воткнута железная очажная лопата. К востоку от очага были захоронены остатки сожжения. И снова перед нами — типичное погребение викинга: рядом с останками лежали сломанный, по обычаю норманнов, железный меч, боевой топор, наконечник копья и остатки щита (сохранилась железная щитовая бляха — умбон, защищавший середину щита, эта де-

тадь — типично скандинавская). Южнее очага — погребение женское, совершенное по чудскому обряду: костяк головой на юг, с серебряной шейной гривной, рядом — два горшка.

Очаг, символизирующий единое жилище, объединяет разноэтничные погребения. И трудно сказать, был ли „хозяин” норманном, осевшим в Приладожье, или чудином, перенявшим норманнское вооружение и обычаи (а может быть, варяги были среди хоронивших его родичей). Усадьба, стоявшая в X—XI вв. на узком мысу Сязниги, вероятно, была местом обитания патриархальной большой семьи. Глава ее, воин, похоронен, скорее всего, в сопровождении убитой рабыни-наложницы. Сложное сплетение обычаев, известных у других финских племен, скандинавского ритуала и приладожских черт дает основание считать обитателей этой усадьбы потомками разноплеменных поселенцев. А поскольку мы не знаем на Паше ранних погребальных памятников (хотя бы тех же сопков), можно предположить, что в низовья Паши и на Сязнигу чужь и первые норманны попали примерно в одно и то же время.

Родовые хутора на Сязниге существовали очень долго. В одном из курганов вместе с вещами и монетами XI в. при костяке найдены монеты, чеканенные... в Риге в XVII в.! Н. Е. Бранденбург назвал эти находки „одним из любопытных и необъяснимых фактов случайности”. Но, может быть, это — приношения предкам от далеких потомков?

Гнездо поселений в районе Сязниги — Вихмеси сменяется примерно 15-километровым пустым участком. Курганы появляются лишь у деревни Ратилово. Отсюда скопление цепочек насыпей тянется по обоим берегам Паши до деревни Вахрушево: по две-три насыпи у деревень Ульяново, Леоново, Шашково, Сукса, Тумово, несколько курганов — у деревни Середка, девять насыпей — выше

деревни Вахрушево. В последней группе Н. Е. Бранденбург раскопал два высоких, отдельно стоящих кургана.

Курган № 116 высотой около 3 м — многоярусный. В основании возле огневища с горшками, котлом, сковородой, лопатой, следами тризны — богатое мужское погребение. Среди остатков сожжения — кости лошади, девять медвежьих когтей (лапы). На погребении уложен меч с рукоятью, украшенной серебряными насечками, копье, два боевых топора, три стрелы, плеть со звенящими железными привесками, серебряное кольцо; здесь же найдены три навесных замочка от ларца, гирьки и остатки чашечки весов. К западу от очага были уложены большие „овечьи“ ножницы (древнейший тип пружинных ножниц) и кусок пчелиного воска.

Над этим богатым погребением знатного всадника, похороненного по приладожскому обряду, но с полным набором оружия викинга, была сооружена внушительная (более 1,5 м высоты) насыпь. Обряд в целом типичен для Приладожья: перед нами — могила чудского вождя, воеводы или князька.

Позднее здесь появилось еще несколько захоронений, вероятно, родичей первого погребенного. Центральное из них — несомненно, сожжение воина, по своему рангу не уступающее первому погребению. Но обряд здесь — типично норманнский: поверх остатков сожжения уложен согнутый кольцом меч со сломанной рукоятью, а внутри него сложены две стрелы, копье, боевой топор, нож, гренада (не сожженный, а уложенный в могилу отдельно — тоже скандинавская деталь ритуала), боевой топорик, костяная поделка, украшенная резной головкой дракона, наборный пояс с бронзовыми бляшками, подковообразная фибула со свастическими знаками. Потомок чудского князька явно был тесно связан с норманнами.

К северу от погребения — сожженные кости лошади, здесь же — железные удила. В противоположной половине

кургана — женское погребение с маленькой скорлупообразной фибулой „карельского типа”, подвесками „уточками”, бронзовой гривной, серебряными подвесками, то есть типично финно-угорским набором украшений. Недалеко от женщины обнаружен несожженный костяк без вещей (захоронение слуги или раба?). Наконец, почти на вершине кургана был найден человеческий череп.

Чрезвычайно нарядное женское погребение открыто во втором вахрушевском кургане, возле очага были похоронены также богато одетый воин, сопровождавшие их слуги или младшие родичи. Обоих хозяев похоронили несожженными. Женщина была заботливо укрыта циновкой из коры, поэтому ее пышный убор сохранился полностью, вплоть до обрывков холста, из которого было сшито праздничное платье.

Буквально с головы до ног женщина была увешана металлическими украшениями. У правого виска — серебряное височное кольцо с плоским щитком внизу (такие кольца есть в нижнем слое Старой Ладоги и в могильниках восточнофинских племен). На шее — две гривны: тонкая железная и серебряная, в виде изогнутой пластинки с чеканным орнаментом. Между двумя гривнами — роскошное ожерелье в несколько рядов бус из стекла, стеклянной пасты и сердолика; с бусами в ожерелье перемежались серебряные монеты (денарии X в.) и бронзовые круглые подвески. На плечах скрепляли одежду две небольшие бронзовые фибулы (местные подражания скандинавским скорлупообразным), соединенные длинной, спускавшейся ниже груди кольчатой цепью. Рядом с правой фибулой находилась маленькая бронзовая кольцеобразная пряжка, а на груди — оригинальная серебряная колесообразная фибула, украшенная кружковым рельефным орнаментом.

На поясе женщины висели бронзовые пронизки (бусы в виде узких трубочек), игольник, плоская подвеска в виде

двулистника, костяной гребешок в футляре, ножик в ножнах. Кроме того, под позвоночником скелета, между лопаток, найдена еще одна фибула — бронзовая, трехлепестковая, со следами позолоты и привешенными на цепочке бубенчиками.

Весь этот наряд — явление сугубо местное: скандинавские типы украшений либо переработаны местными мастерами, либо привозные вещи (трехлепестковая фибула) приспособлены к чудским вкусам.

Курганы у деревни Вахрушево, несомненно, принадлежали знатному чудскому роду; возможно, среди сородичей оказались и поселившиеся в Приладожье скандинавы. В своих нарядах, вооружении, погребальных обычаях местная родовая знать во многом усвоила норманнские традиции. И в то же время культура приладожских курганов в целом, даже в таких, наиболее сложных своих проявлениях, — это особый, яркий мир со своими обычаями, отношениями, представлениями, восходящими к финно-угорским древностям Восточной Европы.

Приладожские курганы в устье Паши, на Сязниге и у Вихмеси, в среднем течении реки Паши, скопления курганных групп на Сяси позволяют восстановить в основных чертах облик своеобразного чудского общества Приладожья. Памятники эти появились в начале X в. внезапно, как бы на пустом месте. Возможно, и в самом деле лесные просторы Приладожья с немногочисленным, более древним населением в это время были освоены чудью — создателями сопок, продвинувшимися из более южных районов. Какая-то часть чуди могла обособиться, а на Паше и Сяси — вступить в контакт с норманнами, попадавшими в Приладожье из Ладоги.

Расселение небольшими, самостоятельными по отношению друг к другу группами, связанными родством (скорее всего, большими семьями). Вооружение практически всего мужского населения (чуть ни в каждом погребе-

нии — боевой топор или копье, во многих курганах X в. найдены мечи, есть захоронения вооруженных всадников). Кровная месть, жертвенные захоронения женщин — рабынь или наложниц — наряду с богатыми женскими же погребениями (возможно, „хозяек” в отдельных хуторах). Развитое, хотя еще и не дифференцированное ремесло, продукция которого — несомненно местные кузнечные изделия, украшения, в том числе имитирующие скандинавские образцы. Торговые связи, о которых свидетельствуют скандинавские украшения и оружие, древнерусская гончарная керамика, арабские, византийские, германские, англосаксонские монеты. Военные походы, неразрывно связанные в эту эпоху с торговлей — один из источников не только добычи, но и товаров для торговых сделок.

Все эти черты рисуют чудское общество Приладожья как патриархально-родовое, вступившее на стадию военной демократии. Большие семьи с непререкаемой властью старшего в роде, „хозяина”, окруженного братьями и сыновьями с их женами, младшими родичами и слугами, составляют основу этого общества. Все взрослые полноправные мужчины вооружены — они составляют и войско, они же регулируют силой оружия отношения между родами и семьями (вспомним черепа врагов в курганах!). Каждая из этих больших семей ведет самостоятельное хозяйство. Перед нами — оседлое, несомненно земледельческое население. Находки мотыг, серпов и особенно топоров свидетельствуют о господстве мотыжного подсечного земледелия (находки сошника в Приладожье связаны уже с появлением здесь славян). В курганах найдены кости домашних животных — лошади, овцы, свиньи... По определениям зоологов, в эпоху курганов „разводили грубобурной местной породы овец, которых большую часть года содержали на подножном корму”⁵¹.

Хозяйство было, безусловно, комплексным: каждая семья на принадлежавших ей угодьях занималась земледе-

лием, пасла стада овец, промышляла зверя и рыбу; в каждом хуторе, вероятно, был свой умелец, знавший кузнечное дело и ювелирное ремесло (обычно эти занятия тесно связаны). Говорить о дифференциации занятий, специализации отдельных групп населения у нас нет оснований.

Общество Приладожья многими своими чертами напоминает скандинавское общество эпохи викингов. Хотя по своему экономическому развитию норманны стояли выше чуди (здесь давно уже, как и у славян, было известно пашенное земледелие, выделилось ремесло, возникали первые города), в общественной структуре Скандинавии IX—XI вв. сохранялось много архаических, унаследованных от более раннего времени черт: большие семьи, жившие отдельными хуторами, вооружение всех свободных „бондов” — общинников, военно-демократическое народное собрание — „тинг”, объединявший вооруженных мужчин. Наконец, дружины викингов, специфическая военно-демократическая форма организации, предназначенной и для грабительских походов, и для торговли, и для завоевания или заселения новых земель. Лишь постепенно из среды викингов выделились отряды воинов-профессионалов, опираясь на которые скандинавские конунги основали в Швеции, Норвегии, Дании средневековые королевства и „строй вооруженных дружин” — ранний феодализм.

Приладожская чудь остановилась на более ранней, военно-демократической ступени общественного развития. Именно поэтому норманны сравнительно легко внедрялись в этнически чуждую среду. Чудские воины в конце концов нашли общий язык с северными викингами. Наряду с чудскими на Паше возникли отдельные скандинавские усадьбы (норманны в IX—XI вв. охотно селились на новых землях — в Нормандии и Британии, Финляндии и Ирландии, Исландии, Гренландии и Америке). Некоторые чудские роды и семьи породнились с пришельцами, возникли смешанные поселения и могильники. Местные во-

ины объединялись с дружинами викингов. Эти смешанные северные дружины охотно привлекались князьями Новгорода и Ладоги. Чудь выдвигала своих воевод и бояр, усадьба какого-то чуди́на была хорошо известна в Киеве XI в.

Однако дальнейшие судьбы приладожской чуди остаются неясными. Этнограф В. В. Пименов считает, что чудью называли летописное племя весь, предков нынешних вепсов Приладожья и Обонежья. Но классическая приладожская культура неизвестна на Белоозере, где, по летописи, находился главный город веси. Скорее всего, с весью связан поздний этап развития приладожской курганной культуры, когда на Паше и Сяси появилось новое население, пришедшее с востока.

Памятники приладожской веси

На восточной окраине ареала приладожской культуры по реке Ояти известны курганы IX—XI вв. со своеобразными чертами обряда и типами вещей. С. И. Кочкуркина считает характерными для этого района обычай заворачивать покойника (или остатки сожжения) в бересту, зооморфные подвески „собачки”, полые и прорезные подвески „уточки”, бронзовые бусы, кресала с бронзовыми рукоятками. В материальной культуре населения Ояти немало черт, сближающих ее с культурой более восточных районов, в том числе Белоозера (где известны курганные и грунтовые могильники, оставленные летописной весью)⁵².

В XI—XII вв. новые черты обряда распространяются по всему юго-восточному Приладожью. Исчезают из погребений скандинавские вещи, реже встречаются очаги

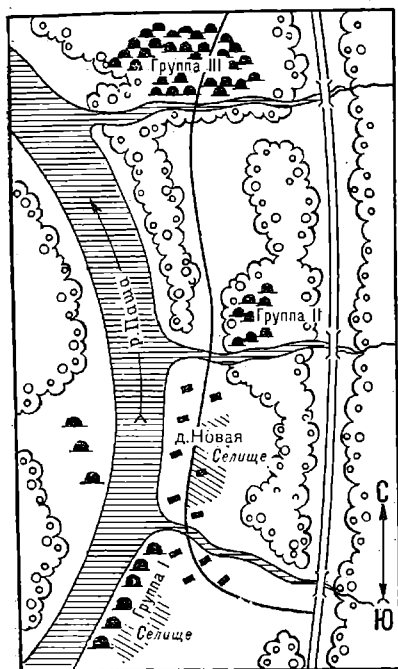


Схема расположения памятников у д. Новой.

в курганах. На Паше и Сяси появляются курганные группы из нескольких десятков скупенных насыпей (в отличие от ранних, располагавшихся цепью) с труположениями головой на юг и исключительно финскими украшениями. Такие курганы известны у деревень Рачевщина, Рыбежна, Сязнига, Наволок, Винагора, Наволок-на-Явосьме, Михалево, Ганьково, Орехово и многих других.

Общественный уклад, погребальные обычаи населения этой поры немногим отличаются от предшествующей: в курганах у деревни Новой, недалеко от устья Сязниги, например, можно проследить все

этапы развития приладожской культуры — от ее классических до поздних форм. К позднему этапу относится группа за ручьем возле дерезни, севернее ее: компактный скупенный могильник из десяти насыпей с труположениями, южной ориентировкой, монетами XI в. В одном из погребений, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, в основании кургана рядом с огневищем лежал обезглавленный скелет с железным боевым топором и двумя горшками

в ногах. Немного выше, в насыпи были захоронены три отдельных черепа, в том числе один — с набором дорогих женских украшений (17 бус, 2 серебряных височных кольца, серебряная шейная гривна). Похоже, что перед нами — почти протокольное описание древней родовой распри с кровавой мстью: три головы „кровников” за одну — не палили ни мужчин, ни женщин...

Родовые распри, жертвоприношения женщин отразились в памятниках Ояти: финно-угорские племена Приладожья стояли на одной и той же ступени развития. Поэтому оятская весь в XI в. сравнительно быстро и незаметно распространяется по Паше и Сяси, растворяя в своей среде роды и семьи приладожской чуди. Возрас-



*Антропологические типы веси,
Реконструкция М. М. Герасимова.*

тает в XI—XIII вв. общее количество и могильников вдоль приладожских рек, и курганных насыпей в каждой из групп. Разбросанные усадьбы-хутора сменяются во многих случаях небольшими поселениями деревенского типа.

О смене населения как будто свидетельствуют и данные антропологии: черепа из курганов XI—XIII вв. относятся к урало-лапоноидной группе типов, характерной для северо-восточных финно-угорских племен. Люди, похороненные в классических приладожских курганах X — начала XI в., — протоевропейского типа, близкого обитателям Верхнего Поволжья. Именно позднее урало-лапоноидное население и можно считать собственно весью Приладожья, предками современных вепсов.

Обонежский ряд Великого Новгорода

Удь X—XI вв. в Приладожье растворилась среди родственных по языку пришельцев не только в связи с их многочисленностью. Глубокие изменения в Приладожье X—XI вв. связаны, вероятно, и с продвижением на его юго-западные окраины словен новгородских.

Памятники их немногочисленны. Это — древнерусские курганные могильники у деревни Мозолево (современный Бокситогорский район) и у деревни Городище на Сяси. Здесь же — одно из городищ Приладожья, относящееся к началу древнерусской эпохи.

К сожалению, памятник до наших дней не сохранился. Он находился на мысу крутого правого берега реки, у безымянного ручья. С напольной стороны городище было окружено валом. На площадке В. И. Равдоникас в 1930 г. заложил небольшой разведочный раскоп, довести который

до конца не удалось. Продолжить работы на следующий год археологам не пришлось, а позднее на месте городища был заложен строительный карьер. По данным исследователя, на материке выступили контуры углубленной постройки (может быть, полуземлянки с развалом печи в углу). Укрепление возникло в IX—X вв. — об этом свидетельствуют находки лепной керамики, синей стеклянной бусины, обломок бронзового проволочного браслета.

По берегу Сяси цепочкой располагается 21 сопка. Городище как бы врезается в эту цепочку, рассекая ее на две части. Вероятно, сопки были воздвигнуты в более раннее время. К юго-востоку от городища находится курганный комплекс из тридцати насыпей. Как показали раскопки Н. Е. Бранденбурга и В. И. Равдоникаса, она относится к приладожской курганной культуре X—XI вв. с обычным для нее смещением чудских и норманнских черт.

Севернее городища, недалеко от деревни с колоритным названием Бесова Харчевня (в 1920-х гг. — Красная Заря), располагался второй курганный могильник, раскопанный В. И. Равдоникасом. Обряд и вещи, обнаруженные в этих курганах, типичны для словен новгородских XI—XIII вв.: мертвые похоронены в деревянных гробовищах, головой на запад, вещей при них немного — ножи, бронзовые кольца, браслеты, серьги, стеклянные бусы, серебряные западноевропейские монеты X—XI вв., в двух могилах найдены топоры. В этом обряде, как и в других древнерусских памятниках, сказывалось влияние христианства (западная ориентировка, отсутствие вещей). В. И. Равдоникас полагал, что, как и в других районах Древней Руси, в Приладожье, вовлеченном в процесс образования раннефеодального древнерусского общества, выделившаяся верхушка приняла новую религию раньше, соответственно еще в начале XI в., отказавшись от языческого обычая сооружать большие курганы с богатыми сожжениями. В 1934 г. он писал:

„Не случайно поэтому, что рядом с описанной группой полуязыческих бедных курганов у д. Красная Заря, несколько ниже по реке, находятся остатки какой-то каменной кладки, по-видимому, фундамента древней церкви, рядом с которым имеется древнее, давно забытое и заброшенное христианское кладбище.

Небольшие раскопки на этом кладбище обнаружили чисто христианские погребения в колодах и в гробах без вещей. Найденные здесь обломки каменных крестов с резбой палеографически указывают на XIV в. Но, несомненно, что это кладбище возникло ранее. На нем-то и начали первыми хоронить своих мертвых люди из высшего класса района деревень Красная Заря — Городище, отказавшись от курганного обряда. Впоследствии и низший класс пошел по этому пути, но не всегда добровольно. Феодалная религия встретила классовое сопротивление со стороны крестьянства. Новгородские князья предпринимали в XIII в. военные походы в Приладожье и Карелию для насильственного обращения в христианство местного населения...”⁵³.

Введение христианства, древнерусская земледельческая колонизация речных долин Приладожья, выделение феодальной знати, международная торговля (привозные браслеты, фибулы, бусы, монеты, найденные в курганах юго-восточнее городища), контакты чуди, славян, норманнов — вот примерные события, связанные с городищем на Сяси. Берега тихой реки видели корабли викингов, украшенные головами драконов, и стяги новгородских дружин, за частоколом земляного вала укрывались приезжие купцы и дружинники местных феодалов. Вокруг городища росли сопки, курганы с приладожскими очагами и норманнскими сожжениями, славянские могилы с валунными оградами и жальники... В памятниках у деревни Городище на Сяси отразились едва ли не все этапы постепенного включения приладожских земель в состав Верхней Руси.



*Мозолевские курганы.
Рисунок В. И. Равдоникаса.*

В XI—XII вв. южное Приладожье составляло так называемый Обонежский ряд Великого Новгорода. Сохранился написанный в 1137 г. Устав князя Святослава Ольговича, где перечисляются погосты Приладожья и Обонежья и устанавливаются размеры платежей, взимаемых с населения: „...в Онеге на Волдутове погосте два сорочюка, на Тудорове погосте два сорочюка... на Свери гривна, в Тервиничах 3 гривны,... устье Паши гривна, у Пахитка на Паше польг гривны, ...на Масиеге низ Сяси польг гривны, в поезде от всея земли владыце (новгородскому епископу.— *Авт.*) 10 гривен, а попу две гривне...”⁵⁴. Феодалы собирали князья и князьи мужи, взимала их и православная церковь, ревностно искоренявшая языческие верования и обычаи.

Курганы в XI—XIII вв. на южной окраине Приладожья сменяются жальниками. В верховьях Сяси, на ее притоках, в бассейне Тихвинки, Чагоды, Чагодоши известны многие десятки жальничных групп. Лишь в глухих, лес-

ных и болотистых уголках Приладожья, там, где и сейчас стоят кое-где деревни вепсов, сохраняется курганный обряд.

В XI в., с введением христианства, появляется новый фактор, разрушающий прежние отношения и представления, — погосты становятся не только административными, но и религиозными центрами. Сюда, под защиту княжеской дружины, под „благословение” церкви, стягивается крестьянское древнерусское население. Возникают многочисленные села и деревни, и среди новых насельников постепенно растворяется и крещеная уже чужь, а во многих местах и весь.

Так на северо-востоке древней Новгородской земли завершился процесс образования Верхней Руси, был пройден долгий путь от коалиции славянских и финских племен, то сражающихся, то объединяющихся с находниками-варягами, к первым поколениям северной ветви великорусской народности, жителям Обонежской пятины Великого Новгорода.

Память о временах становления Руси здесь сохранилась в смутных преданиях о „чуди белоглазой”, сначала — воинственной и грозной, позднее — исчезнувшей, будто провалившейся в землю, ушедшей в курганы, похоронившей себя в таинственных „чудских ямах”. Отголоски этих преданий — рассказы о „полых сопках”, отдающих непонятным гулом, о „чудских могилах”, о „золотом гробе князя Рюрика” в одном из курганов южного Приладожья. Предания эти до сих пор можно услышать в тех краях, где живут и трудятся на берегах северных рек русские люди — прямые потомки далеких создателей культуры приладожских курганов X—XI столетий. Чужь Приладожья — одно из многих племен, влившихся в состав древнерусской народности и связавших свои дальнейшие судьбы с ее судьбой, культурой и языком, с русской историей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические памятники Ленинградской области раскрывают перед нами немало интересных страниц далекого прошлого нашей Родины. Возможности вещественных источников далеко не исчерпаны. Об этом можно судить на примере Ладоги. Многолетние раскопки старолadoжского городища уже в конце 1960-х гг. позволяли совместить данные археологии, письменных источников, нумизматики и раскрыть реальное содержание „варяжской легенды“, то есть объективно, без антиисторических преувеличений и без негативного отношения к русской летописи оценить масштабы событий, происходивших в Ладоге середины IX в. и затем использованных киевским летописцем для создания великокняжеской политической концепции XII столетия. Решение „варяжского вопроса“ оказалось решением археологическим. Не „создание государственности“, а отразившиеся в материалах курганов, поселений, кладов сложные и динамичные связи предфеодалльных и раннефеодалльных обществ Восточной и Северной Европы — вот фактическая основа предания о Рюрике.

Уже эти результаты, казалось бы, исчерпывают все мыслимые возможности. Но стоило возобновить в Ладоге широкие раскопки, как с каждым сезоном — новые

сенсационные открытия, расширяющие, а иной раз изменяющие наши представления об истории и культуре Древней Руси. Каменная крепость XII в. — великолепный, не имеющий себе равных в Восточной Европе образец фортификации; остатки еще более ранней, первой каменной крепости; фрагмент морского корабля IX в.; точные (до года!) даты построек — вот лишь некоторые из самых последних результатов исследований в Старой Ладоге⁵⁵. Обработка полученных материалов еще только начата, исследователи — на пороге новых выводов. И наверно, пройдет не так много времени, как появятся новые статьи, очерки, книги, посвященные Ладоге — древнейшему городу Верхней Руси.

Открытия ждут археологов не только на этом уникальном поселении. Несколько лет назад мы практически ничего не знали о рядовых славянских памятниках IX в. на Северо-Западе. IX столетие называли „таинственным“. И лишь в 1970-х гг., после раскопок городищ в Ленинградской, Псковской, Новгородской областях, начал обрисовываться облик культуры славян в VIII—IX вв., накануне образования Древнерусского государства; закономерно возникают и новые вопросы.

Обосновываются новые гипотезы. В 70-летней дискуссии о сопках и длинных курганах наметился поворотный рубеж, заставляющий отказаться от жесткой альтернативы: „славяне — не славяне“. С одной стороны, открываются достоверно славянские памятники, городища, генетически связанные с древнерусской культурой X—XIII вв. С другой — ясно, что сопки и длинные курганы отразили разные этапы взаимодействия местной чуди и словен ильменских, разные фазы процесса формирования древнерусской народности.

На землях, „тянувших“ к Новгороду Великому, все более отчетливо обрисовывается сложная мозаика славянских и неславянских памятников. По археологическим

данным мы начинаем реконструировать летописные погосты, населенные словенами и чудью, прослеживаем их динамичный уверенный рост, становление Верхней Руси, раннефеодальной государственности.

Каждая из скупых строк летописи постепенно наполняется глубоким содержанием. Проявляются события и процессы, порой не отмеченные летописцем, но определившие ход древней русской истории.

Древнерусское государство на Северо-Западе и на всей территории Киевской Руси складывалось в течение IX и начала X столетия в результате внутреннего развития восточнославянских племен. Основой его была земледельческая экономика славян, в период крестьянской колонизации освоивших пространство от южнорусских степей до берегов Балтики. На северо-западной окраине этой территории в орбиту формировавшегося раннефеодального общества были втянуты местные финно-угорские племена и дружины находников-варягов. Направляющей силой развития были в эту эпоху новые социальные группы восточнославянского общества: племенная и военная знать, дружинники, горожане — купцы и ремесленники. Именно они создали основу государственности — систему укрепленных погостов, крепости на речных путях, города, военно-дружинную организацию — опору княжеской власти.

Курганы, городища, клады, открытые торгово-ремесленные поселения IX—X вв. отразили эти процессы с документальной точностью и убедительной полнотой.

Перспективным, далеко не исчерпанным источником остаются курганные могильники и поселения древнерусского времени. Киевская Русь вплоть до эпохи феодальной раздробленности (XII—XIII вв.) оставалась многоукладным обществом. Феодальные вотчины располагались среди сравнительно свободных крестьянских общин, упорно сопротивлявшихся притязаниям эксплуататоров⁵⁶. Жизнь свободных древнерусских земледельцев мало интересовала

княжеских летописцев. Тем ценнее данные курганов и жальников: они донесли до нас память о десятках тысяч рядовых „смердов” и „людей” — простых людей Древней Руси. Эти памятники заслуживают самого глубокого и разностороннего изучения.

С каждым новым открытием расширяется и углубляется круг исследовательских задач. Археологические памятники — это свидетельство нерасторжимой связи времен, источник знания, ценное культурное наследие. Страницы книг, витрины музейных экспозиций и, наконец, самое главное — сами по себе городища, курганы, сопки на месте, в их изначальном естественном окружении, — часть огромного всенародного духовного богатства. Они заслуживают и требуют к себе внимания.

„Бережное отношение к памятникам истории и культуры — патриотический долг каждого гражданина СССР”, — гласит новый Закон об охране и использовании памятников истории и культуры СССР. Сделать это отношение нормой нашей жизни — вот та благодарная и большая задача, решению которой, в конечном счете, посвящены усилия государственных организаций, археологов и историков, энтузиастов-общественников — всех, кто полон глубокого уважения и любви к истории нашей великой Родины.

Примечания

¹ Слово о погибели Русской земли (перевод академика М. Н. Тихомирова). — „Сборник документов по истории СССР”. Часть I. IX—XIII вв. Под. ред. проф. В. В. Мавродина. М., „Высшая школа”, 1970, с. 225.

² „Правда”, 1976, 31 окт.

³ См.: Даринский А. В. Ленинградская область. Природа, население, хозяйство, районы. Лениздат, 1975, с. 72—74.

⁴ Житие князя Александра Невского. — В кн.: Хрестоматия по древнерусской литературе. Сост. Н. К. Гудзий. М., „Просвещение”, 1973, с. 158.

⁵ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — „Материалы и исследования по археологии СССР” (МИА), № 179. Л., „Наука”, 1970, с. 77—106; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, № 163. М., „Наука”, 1970, рис. 1.

⁶ См.: Насонов А. Н. „Русская Земля” и образование территории Древнерусского государства. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 11—35; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 159—173.

⁷ Здесь и далее „Повесть временных лет” цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей, т. 2. Ипатьевская летопись. М., Изд-во АН СССР, 1962.

⁸ См.: Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М. — Л., „Наука”, 1965, с. 3—75.

⁹ См.: Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города). — В сб.: Культура средневековой Руси. Л., „Наука”, 1974, с. 11—17.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. V (тт. 9—10). М., Изд-во соц.-экон. литературы, 1961, с. 98.

¹¹ Репников Н. И. Жальники Новгородской земли. — „Известия Государственной Академии истории материальной культуры” (ИГАИМК), т. IX, вып. 5. Л., ОГИЗ, 1931, с. 5—7.

¹² См.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., „Наука”, 1976, с. 12—55.

¹³ См.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). — МИА, № 152. Л., „Наука”, 1968, с. 25—87.

¹⁴ См.: Седов В. В. Новгородские сопки. — Свод археологических источников (САИ), EI—8. М., „Наука”, 1970; Он же. Длинные курганы кривичей. — САИ, EI—8. М., „Наука”, 1974.

¹⁵ См.: Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В сб.: Проблемы всеобщей истории. Л., Изд-во АГУ, 1967, с. 29—89; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 89—96.

¹⁶ См.: Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах. — В сб.: Славяне и Русь. М., „Наука”, 1968, с. 224—229.

¹⁷ Тынянов Э. Монография о длинных курганах. — „Известия Академии наук Эстонской ССР. общественные науки”, 1976, с. 300—305.

¹⁸ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. — „Русский исторический сборник” (РИС), т. III. М., 1838, с. 146.

¹⁹ Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В сб.: Культура Древней Руси. М., „Наука”, 1966, с. 132.

²⁰ См.: Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабства и феодализма. М., „Наука”, 1970, с. 23—33.

²¹ См.: Лебедев Г. С., Назаренко В. А., Петренко В. П. и др. Разведки в южном Приладожье. — „Археологические открытия 1970 года” (АО 1970). М., „Наука”, 1971, с. 5; Петренко В. П., Крапивина Г. А., Терехин Н. М. и др. Работы в Ленинградской области. — АО 1972. М., „Наука”, 1973, с. 35.

²² См.: Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. — „Советская археология” (СА), XVIII. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 190—216.

²³ Цит. по кн.: Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 62.

²⁴ Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуго-Ходаковского. РИС, т. VII. М., 1844, с. 347.

²⁵ См.: Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках А. К. Иванова. — „Материалы по археологии России” (МАР), вып. 20. СПб., 1896.

²⁶ См.: Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. — МАР, вып. 18. СПб., 1895; Он же. Старая Ладога и ее каменное городище. СПб., 1896.

²⁷ *Schwindt T. Tjetoja Karjalan rautakaudesta.* — „Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja“, XIII, Helsingissä, 1893.

²⁸ См.: Раскопки художника Н. К. Рериха в Петербургской губернии в 1895—98 гг. — „Записки Русского Археологического общества“ (ЗРАО), т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, с. 328—329.

²⁹ Рерих Н. К. Искусство и археология. СПб., 1913, с. 7.

³⁰ См.: Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — „Журнал министерства народного просвещения“, вып. VIII, 1899.

³¹ Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. — ИГАИМК, т. VII, вып. 3—4. Л., ОГИЗ, 1930, с. 14.

³² МИА, вып. 6. Л., Изд-во АН СССР, 1941.

³³ Белановская Т. Д., Столяр А. Д. Археологии отданная жизнь. К 80-летию В. И. Равдоникаса. — „Ленинградский университет“, 1974, 10 дек.

³⁴ Спицын А. А. Удлиненные и длинные русские курганы. — Записки отделения русской и славянской археологии, т. V, вып. 1, СПб., 1903, с. 202.

³⁵ Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, с. 353—354.

³⁶ Спицын А. А. Сопки и жальники. — ЗРАО, т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, с. 154.

³⁷ Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси в IX—XIII вв. Л., „Наука“, 1972, с. 74—76.

³⁸ Рерих Н. К. Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях в С.-Петербургской губернии. — „Вестник истории и археологии, издаваемый Археологическим институтом“, т. XIII. СПб., 1900, с. 107.

³⁹ См.: Рябинин Е. А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурное взаимодействие по археологическим данным). — В сб.: Культура средневековой Руси..., с. 56—61.

⁴⁰ См.: Карггер М. К. Новгород Великий. М. — Л., „Искусство“, 1961, с. 10—11.

⁴¹ См.: Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — „Краткие сообщения Института истории материальной культуры“, вып. L, М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 92—103.

⁴² Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Ч. II, СА XII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 7—41.

⁴³ См.: Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. — „Археологический сборник Гос. Эрмитажа“ (АСГЭ), вып. 17. Л., „Аврора“, 1976, с. 101—118.

⁴⁴ См. Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. — АСГЭ, вып. 10. Л., „Сов. художник“, 1968, с. 64—94.

⁴⁵ См.: Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги. — АСГЭ, вып. 10, с. 54—63.

⁴⁶ См.: Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладоги. — АСГЭ, вып. 7. Л., изд. Гос. Эрмитажа, с. 47—96.

⁴⁷ Адмони В., Сильман Т. Предварительное сообщение о рунической надписи в Старой Ладоге. — „Сообщения Гос. Эрмитажа“, XI. Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1957, с. 40—43.

⁴⁸ См.: Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.). — В сб.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., „Наука“, 1970, с. 64—80.

⁴⁹ См.: Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги. — „Скандинавский сборник“, вып. XVI. Таллин, „Ээсти раамат“, 1971, с. 130.

⁵⁰ См.: Назаренко В. А. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами. — „Краткие сообщения института археологии“, вып. 140. М., „Наука“, 1974, с. 45.

⁵¹ Пименов В. В. Вепсы. М. — Л., „Наука“, 1965, с. 74.

⁵² См.: Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., „Наука“, 1973, с. 53—80.

⁵³ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. — ИГАИМК, вып. 94. М. — Л., ОГИЗ, 1934, с. 28—29.

⁵⁴ Сборник документов по истории СССР. Часть 1. IX—XIII вв., с. 147.

⁵⁵ См.: Кирпичников А. Н. Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге. — АО 1975. М., „Наука“, 1976, с. 18; Петренко В. П. Новые находки скандинавского происхождения из Старой Ладоги. — Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Часть I. М. — Л., „Наука“, 1976, с. 126; Рябинин Е. А. Раскопки Земляного городища в Старой Ладоге. — АО 1973. М., „Наука“, 1974, с. 29.

⁵⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., Изд-во ЛГУ, 1974, с. 158.

Литература

Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры. — „Правда“, 1976, 31 окт.

* * *

Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. — „Материалы по археологии России“, вып. 18. СПб., 1895.

Колмогоров А. И. Тихвинские курганы. — Труды XV археологического съезда в Новгороде в 1911 году, т. 1. М., 1914.

Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. — „Советская археология“, 1961, № 3.

Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги. — „Скандинавский сборник“, XVI. Таллин, „Ээсти раамат“, 1971.

Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., „Наука“, 1973.

Лебедев Г. С. Длинные курганы Верхнего Полудья. — „Краткие сообщения Института археологии“, вып. 139. М., „Наука“, 1974.

Лебедев Г. С., Розов А. А. Городец под Лугой. — „Вопросы истории“, 1975, № 2.

Орлов С. Н. Старая Ладога. Лениздат, 1960.

Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). — „Советская археология“, XI, 1949, XII. М. — Л., Изд. АН СССР, 1950.

Ретников Н. И. Жальники Новгородской земли. — „Известия Государственной Академии истории материальной культуры“, т. IX, вып. 5. Л., ОГИЗ, 1931.

Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. — „Советская археология“, XVIII, М., Изд. АН СССР, 1953.

Седов В. В. Новгородские сопки. — Археология СССР. Свод археологических источников. ЕІ-8. М., „Наука“, 1970.

Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — Археология СССР. Свод археологических источников. ЕІ-8. М., „Наука“, 1974.

Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — „Материалы по археологии России“, вып. 20. СПб., 1896.

Оглавление

МАРШРУТАМИ АРХЕОЛОГОВ

Странички истории края	11
Что такое археологические источники? . . .	31
Древности Русской земли	44
Археологические культуры на территории нашей области	52
Исследователи и проблемы	60

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ СЛОВЕН

Кто оставил длинные курганы и сопки? . . .	78
Древнерусские городища и курганы Полужья	99
На Ижорском плато	137

НА БЕЛИКОМ ВОДНОМ ПУТИ

Путь по Волхову	155
Открытия в Старой Ладоге	164

В КРАЮ ПРИЛАДОЖСКОЙ ЧУДИ

Сопки Тихвинщины	194
„Жилища мертвых”	196
Курганы чуди и варягов	198
Памятники приладожской веси	213
Обонежский ряд Великого Новгорода	216
Заключение	221
Примечания	225
Литература	229

Глеб Сергеевич Лебедев
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ

**Фронтиспис: Сопка «Олегова могила»
в Старой Ладоге**

Редактор Э. Ф. Кузнецова
Художник А. И. Векслер
Художественный редактор Н. Э. Семенцов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректоры Н. Г. Ковенская
и В. Д. Чаленко

ИБ № 554

Сдано в набор 27/V 1977 г. Подписано
к печати 5/XII 1977 г. М-23816. Формат
70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ.
л. 10,15. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 135. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография имени Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

70 коп.

Лениздат · 1977